Прот. Савва Михалевич
От сокровищ моих

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга протоиерея Саввы Михалевича «От сокровищ моих» – современная проза о нашей порой непростой и противоречивой действительности, об окружающих нас людях, о природе и животных. В силу своего призвания священник видит и знает многое, что скрыто от других людей. Духовный сан автора позволяет узнать и изучить человека во всех его проявлениях: в возвышенных и приземленных, благородных и в низких. Его рассказы об обычных людях, о тех, кто пришел к вере и кто в пути, замечательные очерки о природе, которые автор знает и любит не оставят равнодушным читателя.

- Савва Михалевич
  - В АЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ
  - МОИ ЗНАКОМЦЫ И ПИТОМЦЫ
  - ЗАБЛУДИЛСЯ
  - КАК Я НЕ УБИЛА МЕДВЕДЯ
  - АНДРОПОВЩИНА
  - БЕСЕДА С ДИНОЗАВРОМ
  - БОМЖ
  - В БЛОКАДУ
  - В БОЛЬНИЦЕ
  - В КАНУН БОГОЯВЛЕНИЯ
  - ВЕЛИКИЕ ДНИ
  - ВЕРНИСАЖ
  - ГАРАЖНЫЙ АРХИПЕЛАГ
  - ГОЛУБЧИК
  - ГОРБУН
  - ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
  - ЗА ЯЩИКОМ
  - КАИНОВА ПЕЧАТЬ
  - КЛИРОСНОЕ ПОСЛУШАНИЕ
  - КОШАЧЬЯ НАПАСТЬ
  - НЕ УХОДЯЩАЯ РУСЬ
  - ОБЛОМ
  - РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

Савва Михалевич
ОТ СОКРОВИЩ МОИХ

В АЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ

К вечеру туман, окутавший вершины гор, сполз к их подножию и закрыл всю прекрасную панораму, открывавшуюся из окон нашего отеля: поросшие буком склоны и бегущую по камням прозрачную речку Сутьеску, сыгравшую, как и многие подобные ей бурные балканские горные реки роковую роль для немцев во время 2 мировой войны. Под грохот ее Водопадов югославские партизаны беспрепятственно продвигались вплотную к вражеским позициям и громили противника в упор. К концу войны берега Сутьески были усеяны костями, как вражескими, так и партизанскими. Об этом рассказывает моя тетушка Соня, участница событий. Именно ей пришлось вместе с другими молодыми медсестрами собирать и погребать эти останки. На минуту ее оживленное доброе лицо затуманивается, но тут же принимает прежнее выражение: она с улыбкой следит за моими сборами. Завтра с утра мы идем в горы за насекомыми. Тетушка моя энтомолог и ведет многолетние наблюдения за энтомофауной горного массива с неудобопроизносимым для русского человека названием Тьентиште, в сердце Боснии. Я набиваю свой рюкзак различными необходимыми предметами: сачками, банками-морилками для насекомых, тетрадями для записей, коробочками для будущей добычи, посудой и едой, ведь обедать мы будем где-нибудь высоко наверху, и проч. Беспокоит лишь туман- вдруг он завтра не разойдется? Однако мои опасения напрасны. Утро ясное и солнечное. Косматые облака медленно, словно против воли, ползут наверх к вершинам гор, открывая взору буковые заросли и выше по склону темно-лиловые пихтачи. За завтраком я рассматриваю приехавшего вчера в отель охотника. Он одет в красивый зеленый костюм с бахромой, как у голливудских трапперов. На ногах гозерицы – специальные горные ботинки на толстой подошве. Тирольская шляпа с пером лежит подле него на столе, а руки торопливо орудуют ножом и вилкой. Видно охотнику невтерпеж, как и мне – хочется вырваться на волю в горы. Вот он покончил с едой, спешит в свой номер и через минуту выходит на улицу к машине, неся удобный кожаный футляр с ружьем. Вокруг него радостно скачет красавец пойнтер, радостно помахивая своим прутом. Я вижу в окно, как хозяин с собакой усаживаются, наконец в свой «мерседес» и уезжают. Почему-то вспоминается знакомый дед Федор, там, в России, в драной ушанке, телогрейке и заплатанных валенках, с «тулкой» за плечами. В сопровождении лохматой черной лайки Жучка он ходит промышлять белку. Я пытаюсь представить деда Федора в

тирольской шапочке и гозерицах и нахожу подобное сочетание совершенно невозможным. Единственно, что связывает два эти персонажа – охотничья страсть. В охотничью пору дед тоже забывает о еде и питье.

Нам подают вкусный горячий завтрак. Вещи уже собраны и мы после трапезы немедленно выступаем. Сначала надо пройти по шоссе пару километров, затем повернуть и лезть наверх. Шоссе проложено вдоль Сутьески, повторяя все изгибы реки. Прозрачная вода бежит с шумом, переворачивая камни. Машин почти не встречается. Время от времени попадаются верховые- местные крестьяне. По обычаю они обязательно здороваются даже с незнакомыми. Маленькие боснийские горные лошадки бойко стучат копытами по асфальту. Тяжелые громоздкие седла на деревянной основе закрывают пол спины животных. Из-под седла выглядывает пестрый красочный ковер, служащий чепраком. Крестьяне, как правило, одеты в национальную одежду: баранью шапку, кожаную безрукавку и штаны с мотней. Женщины в шароварах, если это мусульманки или в длинных платьях, если сербки.

Мы проходим мимо длинного каменного дома, покрытого дранкой. Дом в полном порядке, все цело. Рядом выстроены сарай и хлев. Все окна со стеклами, но никто здесь не живет. Двор зарос травой, яблони раскинули ветви, отягощенные плодами, но никто их не собирает. Почему-то мне становится жутко, я перевожу взгляд под ноги и вдруг замечаю оброненную кем-то спелую сливу и вцепившихся в нее трех жуков с устрашающими челюстями. Подаю находку тетушке. Она кивает головой и называет жуков по латыни. Многих русских названий насекомых она не знает, т. к. училась в Сараево, да возможно их нет вовсе, а только латинские. Один жук до того вгрызся в сливу, что снаружи остался лишь кончик брюшка. Первая добыча!

Сворачиваем и начинаем подъем. Нас обступает сырой и мрачноватый буковый лес. Рубки здесь запрещены, поэтому старые деревья полностью одряхлев, падают сами и постепенно гниют, давая жизнь различным грибам, лишайникам и прочим паразитам. На одном таком стволе замечаю довольно редкого жука дровосека Rozalia alpina с серыми в полоску крыльями и длинными усами. Дровосек- наша вторая добыча. Над небольшой лужайкой кружатся бабочки с прозрачными крыльями. «Аполлоны?» – спрашиваю тетушку. «Нет, Parnasius mntmozine. Они родственны аполлонам и похожи на них, только аполлоны крупнее и красивее» – отвечает она, и тут немного в стороне я замечаю настоящего аполлона с красными глазками на таких же прозрачных крыльях. Хватаю сачок и опрометью несусь за

бабочками. Удача улыбается мне: и аполлон и его «родственник» присоединяются к коллекции. Вдруг тетя Соня останавливается и начинает пристально вглядываться в густой кустарник перед нами. Слежу за ее взглядом и замечаю среди листвы какое-то движение. Не сразу соображаю, что это шевелится ухо косули, неподвижно замершей в 20 шагах от нас и частично скрытой зелеными ветвями. Секунда и зверь исчезает, только треск сучьев раздается выше по склону.

За буковым лесом начинается зона хвойных деревьев. Высокие и пушистые пихты наполняют воздух благоуханием смолы. Теперь аромат хвои всегда напоминает мне счастливые дни детства и наши с тетушкой походы. Недовольный нашим появлением канюк поднимается над деревьями с резкими криками.

Выше пихт идет зона альпийских лугов. Собственно, эти луга конечная цель нашего похода, потому что здесь насекомых больше всего. Изумрудная трава по пояс, море света, волна ароматов, сказочная палитра цветов, стрекотание, жужжание бесчисленных членистоногих. Больше всего кузнечиков. Они все разные: крупные зеленые с мощными челюстями и длинными крыльями, более мелкие пестрые зелено-бело-красные с вздутиями на концах передних лапок, словно боксерские перчатки надели, их так и зовут «боксеры», громадные толстые увальни, практически бескрылые, издающие редкое и тихое стрекотание, напоминающее звук ходиков, и множество иных.

Вот тут я задал тетушке работу! Носился по лугу и размахивал сачком. Скоро все морилки, все пакетики и коробочки заполнились добычей. Тетя стремительно строчила в свой блокнот, еле успевая отвечать на мои вопросы: «А это кто? А это? «Потом мы закусывали на берегу прозрачного ледяного ручья, в воды которого в поисках добычи то и дело ныряли бесстрашные оляпки. Как замечательно развести густой апельсиновый сироп студеной родниковой водой! Так бы и пил без конца! Тетя обрабатывает свои находки, а я лежу и смотрю на облака, которые медленно подтягиваются к скалистым горным вершинам, бросая тень на редкие пятна снега, уцелевшего под летними солнечными лучами и на пару беркутов, лениво парящих над ущельем. Благодать в природе, благодать в душе. Хорошо! Где вы безмятежные радостные дни моего счастливого детства!

1997 г.

МОИ ЗНАКОМЦЫ И ПИТОМЦЫ

Как и многие дети, я с детства мечтал о собаке. И как многим и многим неудачливым любителям живности, близкие не шли навстречу моим пожеланиям, по крайней мере до поры до времени. Мы жили в коммунальной квартире, где кроме нас ютилось ещё две семьи и содержание домашнего питомца вызывало большие трудности. Всё же, моё желание исполнилось, когда я достиг 12-летнего возраста и смог самостоятельно заботиться о подопечном, но до этого пришлось довольствоваться содержанием всяких мелких зверьков и, конечно, птиц.

Первую живность я завёл в пятилетнем возрасте. В то лето мы гостили у маминой подруги тёти Оли в Ташкенте. Её муж дядя Гриша принёс мне в ящичке птичку, которую поймал возле своего гаража. Это был птенец скворца, оказавшийся очень прожорливым. Он лопал всё, что ему давали: мочёный хлеб, творог, виноград. Около меня не оказалось сведущего в орнитологии человека и вскоре стало понятно, что с птичьим рационом не всё в порядке, потому что у птенца под хвостом сильно грязнились перья – явный признак неправильного пищеварения. Я был слишком мал, чтобы обратить на это внимание, а взрослые совершенно неопытны в сложном деле содержания птиц. Когда пришло время отъезда, скворчонок отправился с нами в Москву в новом чистом ящичке. При проверке билетов перед отправлением поезда Ташкент – Москва контролёр-узбек оштрафовал мою маму за безбилетный проезд «животного», милостиво не задержав внимания на нашей соседке-узбечке, не купившей билет для своей восьмилетней дочери.

Птичка неважно перенесла трёхдневное путешествие – сидела на дне ящичка нахохлившись и отказываясь от еды. По приезде в Москву мы остановились у родственницы. Тётя Инна в отличие от нас имела опыт содержания животных в неволе и нездоровый вид птенца бросился ей в глаза. Она посоветовала пока оставить птицу у неё для консультации с со специалистами. Когда через месяц мы снова приехали к тетушке, меня ждал сюрприз: вместо грубо сколоченного ящика на подоконнике стояла изящная металлическая клетка с выдвижным дном, лакированными жердочками и фарфоровыми кормушкой и поилкой, а в ней, весело щебеча, прыгала совсем другая птица, маленькая и пёстрая. «Видишь ли» – начала тётя Инна» твой птенец был очень болен. На нём налипло множество перьев и всякой грязи. Пришлось его хорошенько почистить. В результате он стал меньших размеров, но зато теперь он чистенький и маленький!

Это оказывается, был вовсе не скворец, а щегол.» Я был совсем мал и поверил в эту фантастическую историю. На самом деле мой питомец (как я узнал много лет спустя) околел сразу по прибытии в Москву. Тётушка была в панике. Побежала в зоомагазин, но там не было никого похожего на моего птенца и ей пришлось купить совершенно другую птицу, чтобы избежать моих слёз. Тут она сделала правильный выбор, потому что щегол прост в содержании, весел, красив, всё время поёт и идеально подходит для начинающего любителя.

Были у меня две черепахи. Правильно содержать это пресмыкающееся вовсе не так просто, как кажется многим. Кто-то из известных зоологов утверждал, что большинство черепах у некомпетентных любителей просто медленно умирают. Моих черепашек кто-то принёс в детский сад, где работала моя мама. Ухаживать за ними было некому и мама принесла их мне. Одна из черепах была слепой и скоро околела к величайшему моему огорчению. Зато другая прожила лет 5 у нас дома, пока не появилась возможность выпустить её на волю в подходящей местности. В то время у меня уже была собака. Она проявляла интерес к черепахе: играла с ней: теребила лапой, таскала в пасти. Как ни странно, пресмыкающееся собаки не опасалось. Правда, мы следили, чтобы пёс в своих играх не заходил слишком далеко – не пытался переворачивать её вверх ногами или прокусить панцирь, но часто смотришь, бывало: Дружок тащит в зубах черепаху, а она лапы не втягивает, видно доверяет ему. Или: ложится пёс вздремнуть, черепаха подползает, вытягивает шейку и кладёт голову на тёплое собачье брюшко. Черепашка обожала молоко и свежие одуванчики.

Репутация юного натуралиста привела к тому, что соседи и знакомые стали тащить мне всякую живность. В результате я попеременно был счастливым обладателем то ёжика, то сороки, то грача, то дрозда-рябинника, а на окне у меня стояли банки, в которых развивалась лягушачья икра, плавали тритоны, сидели гусеницы разных видов и в разной стадии развития: одни пожирали листья деревьев и кустарников, которые я им усердно поставлял, другие окукливались, готовясь превратиться в красавиц-бабочек. Держал я и прожорливых хищниц – личинок жука-плавунца. Этим, бывало, только добычу подавай, замешкаешься – друг на друга охотиться начинают. Один взрослый плавунец прожил в банке два года. К сожалению, далеко не все питомцы выживали. Создать диким животным нормальные условия в неволе очень и очень непростая задача, требующая знаний и средств, а порою, самого настоящего самоотвержения. Я это довольно скоро понял и брал на себя заботу лишь о таких

питомцах, которые нетребовательны в содержании, не создают слишком больших неудобств домашним или об инвалидах, которые в естественных условиях непременно бы погибли. В тех случаях, когда имелась полная уверенность в способности животного выжить на воле, я выпускал его. И всё же, приходилось идти на разного рода жертвы и ухищрения. Так, например, наша соседка по коммуналке закатила мне скандал из-за того, что обнаружила в коридоре собачью шерсть (на прогулку мне приходилось выводить пса мимо её двери) и с криком требовала убрать собаку из квартиры: «Развели тут кобелей!» Пришлось трижды в день выносить моего довольно увесистого пёсика на руках, чтобы никаких следов в коридоре не оставалось. Спускал его на пол я только в подъезде. Ни разу я не позволил себе понежиться лишний часок в постельке, когда знал, что мой хвостатый друг нуждается в прогулке. Вообще, это особая тема – общение с домашними животными: лошадьми, кошками, собаками. О них я уже написал несколько рассказов. Здесь же мне хочется вспомнить о питомцах пернатых. Среди многих и многих представителей пернатого племени мне больше всего запомнились двое: ворон Чёрный и японская амадина Стёпочка.

Ворон принадлежал не мне, а моему родственнику орнитологу новосибирцу Алёше, в доме которого я как-то прожил целое лето и вдоволь пообщался с этой занятной птицей. Воронёнка подобрали во время экспедиции на юге Западной Сибири. Алёша с родителями жил в знаменитом новосибирском Академгородке. Семья занимала половину двухэтажного коттеджа с примыкавшим участком соток в шесть. В садике, в обрамлении смородиновых кустов, стояла довольно большая вольера, забранная сеткой-рабицей. Оттуда раздался торжествующий вопль «к-аа, ка-а!», как только хлопнула калитка и, волоча свой чемодан, я вступил на асфальтовую дорожку, ведущую к коттеджу. Это Чёрный приветствовал меня. Он обожал общество и не любил долго оставаться в одиночестве. Как только кто-нибудь появлялся в саду, воронёнок требовал внимания и добивался его с помощью пронзительных криков, сильно беспокоивших соседей – генерала с семьёй. Поэтому приходилось держать горластого постояльца ночью в подвале, а в сад выносить не раньше 9 часов утра, когда все уже проснулись и птичьи вопли не могли никого разбудить. Мы подошли к вольере и Алеша открыл дверцу. Воронёнок сейчас же взлетел ему на плечо и, хлопая крыльями, снова прокричал своё «каа-а». Он выглядел совсем взрослой птицей, только крылья были чуть коротковаты, а хвост был ещё слишком куц для полноценного ворона. Алёша почесал пальцем шейку своего питомца. Чёрный втянул голову промеж крыльев,

закудахтал вкрадчивым тоном и прикрыл голубоватый глаз с видом гурмана, смакующего особенно желанный кусочек. Я тоже протянул руку и почесал упругую спинку, покрытую чёрным блестящим пером. Воронёнок на секунду приоткрыл глаз и тихо воркнул что-то дружелюбное. Так состоялось наше знакомство.

Никогда я не встречал столь общительной птицы. Сидя в вольере Чёрный зорко следил за дверью коттеджа и калиткой на улицу. Стоило появиться любому человеку, как раздавался приветственный крик. «Лучше иной собаки» – говаривала тётя Надя – Алёшина мама, «я всегда знаю, что кто-то пришёл, благодаря Чёрному». Так как дом постоянно посещали многочисленные друзья и знакомые Алёши и его сестры Лены, калитка хлопала беспрестанно и вопли слышались регулярно. Завсегдатаи вместо того, чтобы в первую очередь поздороваться с хозяевами, спешили к клетке приласкать воронёнка. Птенец воспринимал визиты как должное и очень обижался, если его игнорировали. Тогда он начинал возмущаться и издавать такие резкие крики, что непривычный человек спешил заткнуть уши. Если вы приближались к вольере с лакомым кусочком в руке, Чёрный исполнял радостный танец, подпрыгивая и взлетая к потолку вольеры, а затем бочком, прыжками приближался к сетке и выхватывал приношение. Особенно любил мясо. Глотая, он издавал утробно-воркующие звуки и так торопился, что я каждый раз боялся, что он подавится и задохнётся. При всей расположенности к людям Чёрный не любил фамильярности и особенно не терпел, чтобы его брали в руки. А это приходилось делать дважды в день – утром и вечером, при переселении в подвал и обратно. В первый же раз я был наказан. Ворон своим кремнеподобным клювом несколько раз ущипнул меня до крови. Алёша не успел предупредить меня, что надо пользоваться кожаными грубыми перчатками, пробить которые строптивая птица не в состоянии. Вне этих щекотливых моментов ворон был само дружелюбие. Ел он всё: мясо, хлеб, каши, овощи, червей, фрукты, творог, насекомых. Всеядность врановых значительно облегчает их содержание в неволе. Несмотря на юный возраст, воронёнок проявлял и хищнические инстинкты. В Академгородке много искусственно насаженных сосен. Сосны окружают коттеджи, сосновые посадки подступают к городку со всех сторон. Сосновые шишки привлекают многочисленных белок. Зверьки полуручные – людей совсем не боятся, берут из рук лакомство, забегают в дома. Довольно часто белки появлялись и в Алёшином саду. Каждый раз ворон пытался схватить непрошеную гостью и с громким клёкотом кидался на сетку при виде скачущей рыжей проказницы.

К концу августа Чёрный превратился в взрослую птицу и стал учиться летать. Первые опыты ограничивались садовым участком хозяев и были мало удачны, но настал день, когда воронёнок перелетел через забор, сделал круг над домом и скрылся из глаз. Все забеспокоились, потому что на большие расстояния птенец ещё не летал и неизвестно, сможет ли он найти свой дом. Через несколько минут Чёрный показался над соседним участком и приземлился у соседских дверей просто потому, что дотянуть до собственных не хватило сил. В этот момент соседи (молодая пара) вышли на улицу. При виде большой чёрной взъерошенной птицы, сидевшей на крыльце с раскрытым клювом (неумелый летун запыхался), женщина завизжала и отпрянула назад в дом. Храбрый супруг, вышедший было на крыльцо, сделал два шага назад и скрылся за дверью. Оставив поле боя за собой, воронёнок вознамерился тут же и отдохнуть. На наши призывы он не реагировал и Алёше пришлось идти на соседний участок и переносить ворона вручную. Птенец настолько утомился, что даже не протестовал. После этого дела пошли намного лучше. Чёрный стал улетать на большие расстояния, возвращаться домой всё позже и позже и, наконец, уже после моего отъезда, улетел совсем.

Птенца японской амадины подарил моему сыну его одноклассник. Этот вид выведен в неволе и в природе не встречается. Очень невзрачная и скромно окрашенная коричневая птичка по размеру меньше воробья, но какой же ручной и приятной в общении она оказалась! Мой маленький сын почти не выпускал птенца из рук, называл Стёпочкой и очень ему радовался. В результате амадина стала самой ручной и милой птицей, какую я когда-либо встречал. Стёпочка совершенно не боялся человеческих рук: сидя на ладони, доверчиво вытягивал шейку, чтобы её почесали. При поглаживании замирал и прикрывал глазки, всем видом показывая неземное блаженство. Охотно клевал просо с ладони. Садился мне на плечо или на голову и так путешествовал из комнаты в комнату. В клетке Стёпочка проводил мало времени. Мы всё время выпускали его полетать по комнате. В то время у меня жили зебровые амадины и неразлучник Гоша. Кстати, этот жёлтый красавец сам залетел на наш балкон, видно удрал от кого-то. Ясным солнечным днём я выставил все клетки с птицами наружу. Вдруг, смотрю, на одной из них сидит жёлтый попугай. Видно, его привлёк мой «птичник». Я тихонечко выбрался на балкон и, зная, что большинство попугаев называют Гошами, стал его подманивать. При звуках моего голоса неразлучник встрепенулся и сел на мою руку, откуда я переправил его в клетку.

Для Стёпочки не было пары, поэтому некоторое время ему пришлось делить клетку с другим «холостяком» – самцом зебровой амадины. Не имея более подходящего объекта, Стёпочка стал ухаживать за соседом: пел ему песенки, танцевал, кланялся, приносил веточку, предлагая свить гнездо, но конечно был отвергнут. Возможно, будь у него подруга, он не был бы таким ручным. А то, стоило мне улечься с книгой на диване, Стёпочка тут как тут. Сядет мне на грудь или на живот, споёт песенку, приласкается, да и задремлет. Подойдёт пора ложиться спать, жена или сын осторожно заберут его рукой и отнесут в клеточку, а он даже не трепыхнётся – такое доверие. Не знаю, может ли другая столь же малая птица настолько привыкнуть к человеку? Ведь, когда говорят о самых ручных, имеют в виду интеллектуалов птичьего племени – попугаев или врановых, которые, как считают некоторые зоологи, по умственному развитию приближаются к собакам и лошадям.

Постоянное общение с животными даёт мне неисчерпаемый материал для наблюдений и размышлений. К тому же, с ними отдыхаешь душой. И мы можем многому у них научиться, потому что «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6), то есть животные самим своим существованием прославляют Творца – делают то, что многие люди делать разучились и забыли.

ЗАБЛУДИЛСЯ

В одной из своих книг Э. Сетон-Томпсон пишет, что тот, кто хоть раз не заблудился в лесу, никогда не отходил от маминой юбки. Со мной тоже однажды случилась такая неприятность и как раз, когда меня оторвали от маминой юбки – забрали в армию. Дело было в архангельской тайге. Мы жили в лесной командировке – достраивали некий военный объект. Работой нас особенно не мучили. Надзирал за нами молоденький лейтенант, норовивший при всяком удобном случае удрать в город. Никаких развлечений, кроме телевизора и запоздалых газет у солдат не было. Казарма отапливалась плохо из-за неисправности котельной и по ночам мы спали одетыми. Иногда нас по 2–3 недели не водили в баню. Товарищи мои изнывали от скуки и в свободное время или строчили письма домой и всяким «заочницам» или напивались, если появлялись деньги. Я же нашел себе занятие: изучал окрестные угодья – наблюдал за лесными обитателями и даже делал кое-какие записи. Чаще всего я встречал, разумеется, разнообразных птиц: уток, гусей, чаек, крачек, кроншнепов, зуйков и массу мелких воробьиных. Иногда находил гнезда и, укрывшись, наблюдал, как самоотверженные родители без конца сновали целый Божий день, чтобы насытить своих чад. Однажды на просеке обнаружил следы медведицы с медвежонком, четко отпечатавшиеся на мягкой земле, но самих зверей так и не увидел. К концу лета поспевали ягоды: черника, голубика, брусника, морошка, а попозже клюква. Ягод было столько, что идя по лесу приходилось невольно их давить – просто свободного места от них не было. После многократных вылазок я вообразил, что хорошо знаю окрестности и однажды в свободный день (воскресенье) до завтрака задумал совершить поход подальше, чем обычно, вглубь леса. Когда я уходил, все еще спали, но накануне я кое-кого предупредил, что прогуляюсь с раннего утра. Двинулся на северо-восток от нашей казармы. В этом направлении тайга простиралась на десятки километров и, судя по карте, висевшей в ленинской комнате, никаких селений в ней не было.

Мягкий мох приятно пружинил под грубыми кирзовыми сапогами. Печальное безмолвие, столь характерное для северных лесов, окутало меня, вызывая приятное чувство раскованности и свободы. Я тяготился коллективом, постоянным присутствием чужих глаз и невозможностью уединиться, что необходимо для душевного комфорта. Здесь среди густого ельника никто меня не видел и не слышал. Тишина лишь изредка нарушалась писком

какой-нибудь птичьей мелюзги, да ветер шелестел кронами деревьев. Примерно через час хода я забрался в места, где прежде не бывал. Впрочем, здесь все было такое же: высокие ели, болото и мох под ногами. Я двигался в прежнем направлении и так шел еще час. Один раз вспугнул какую-то крупную птицу. Она с треском поднялась шагов за 30 впереди. Густые елки помешали ее разглядеть, но по некоторым признакам я предположил, что это была тетерка. Больше ничего интересного не встретилось и я решил, что пора возвращаться и повернул назад. Следов за мной не оставалось, так как упругий мох сразу выпрямлялся. Однако я уверенно пошел, как мне казалось, в нужном направлении. Шел долго. Часов у меня не было, но по моим расчетам давно уже должна была показаться наша казарма. Вместо этого, все тот же частый ельник. Подумав немного, я решил, что взял слишком влево и повернул направо, но и это направление оказалось ложным и я стал понимать, что заблудился, особенно, когда обнаружил собственные следы в грязи у небольшой лужи, которую миновал совсем недавно – я сделал круг, как это свойственно заплутавшему человеку. Не скажу, что б это открытие сильно меня обрадовало, но пока еще страха не было. Я сел на пенек и стал вспоминать, что делают в подобных случаях. День пасмурный. Солнце скрылось за сплошными тучами и оно мне не помощник. Вспоминаю, что направление можно определить по мху на деревьях, но как назло все ближайшие деревья поросли лишайником и мхом равномерно со всех сторон. Еще я вспомнил, что вершины большинства деревьев слегка наклонены к югу. Но на данном участке леса это правило почему-то не соблюдалось: вершины склонялись кто-куда. Другие способы определения стран света я что-то вспомнить не смог и пошел наудачу, куда глаза глядят.

Я ушел налегке, не взяв с собой даже куска хлеба, без спичек в кармане, т. к. никогда не курил. Ребята меня хватятся не скоро, поскольку привыкли к моим долгим отлучкам. Ягоды и грибы еще не поспели, а за время прогулки проснулся мой и без того не слабый солдатский аппетит. Неприятное чувство страха поползло откуда-то из недр живота к груди. Захотелось бежать и искать выхода вон за тем деревом, а если не там, вон за тем кустом. Не без труда подавив накатывающую панику, я вновь остановился, чтобы собраться с духом и поразмышлять. Очевидно: нестись сломя голову, куда глаза глядят бесполезно и глупо, только зря утомлюсь. Надо как-то сориентироваться. И тут я вспомнил одну штуку. В книжках о путешествиях и приключениях пишут, что нужно искать текущую воду. Любой маленький ручей всегда впадает в какую-нибудь речку, а речка – в большую реку. А уж по

большой реке всегда можно сориентироваться на местности, да и по берегам всегда есть селения. Северная Двина протекает в 3 км к югу от нашей казармы. Мне надо искать ручей! Я находился посреди обширного болота, где деревья росли не так густо. На одну высокую ель я забрался, ободрав ладони и испачкав смолой всю одежду. Ничего, кроме качающихся еловых вершин вокруг я не увидел. Лес казался безбрежным океаном – кроме деревьев ничего. Оставалось положиться на слух. Покружив немного, я услышал слабое журчанье воды – крошечный ручеек вытекал из болота. Я пошел по его течению и вскоре обнаружил другой ручей, более широкий и бурный. Не буду описывать всю эпопею, но в конце концов моя новая тактика увенчалась успехом. Около 19 часов я очутился на шоссе, проложенному по берегу Двины, усталый и измученный вконец маршем по пересеченной местности и душевными волнениями. Сначала на дороге никого не было, затем показался одинокий «Уазик» и, надо же, в нем сидел морской офицер. Мне, как всегда «везло». «Кто вы, товарищ солдат и почему вне расположения своей части?» Я уже раскрыл рот, чтобы соврать, но ничего путного на ум не приходило и я сказал моряку всю правду. «Садитесь в машину.» Вот это мне уже не понравилось, т. к. я вообразил, что он хочет отвезти меня в архангельскую комендатуру. Однако машина километров через 5 повернула у развилки и доставила меня к дверям нашей казармы. Моряк высадил меня с пожеланием больше не плутать по лесам. Ребята уже беспокоились и собирались на поиски. Съев сохраненную для меня обеденную пайку, я завалился спать и проспал до утреннего подъема.

Этот случай, далекий от настоящего приключения, все же кое-чему меня научил и навсегда избавил от самонадеянности. Даже в не слишком дальние походы без спичек, ножа и компаса я уже не хожу.

КАК Я НЕ УБИЛА МЕДВЕДЯ

Я росла в необычной семье, где все были просто одержимы охотой. Мой дед по отцу был лесничим в Беловежской пуще, неоднократно участвовал в императорских охотах, слыл превосходным следопытом, прекрасным стрелком и знатоком собак. Все его дети, в том числе и дочери – мои тетки, были страстными охотниками. В этом же духе воспитывал нас отец. Все мы: старший брат, две мои сестры и я, начали сопровождать отца на охотах в очень раннем возрасте. В 8 лет я в первый раз выстрелила из легкого ружья – двадцадки. В 15 лет на моем счету было немало добытой дичи: куропатки, тетерева, глухарь, утки, зайцы. Ее в те далекие годы (начало 20-х) было еще множество. На вальдшнепов, например, охотились в подмосковном Тушино. Отец учил нас не только стрелять. Всеми способами он старался закалить своих детей духовно и физически. Мы то и дело совершали изнурительные марш-броски по лесам и полям с рюкзаком и ружьем за плечами, ездили верхом, учились управлять лодкой, занимались гимнастикой, плаваньем. Бывало, сидим на даче вечером и пьем чай. Вдруг папа «неожиданно» вспоминает, что «забыл» убрать весла из лодки: «Ну-ка, Веруша, сходи принеси их». И идешь довольно далеко – через весь сад по темноте к берегу реки и вынимаешь злополучные весла. Ветер шевелит листвой, а тебе кажется: кто-то подкрадывается сзади. Не знаю, как у кого, но в нашей семье такие педагогические приемы себя оправдали. Мы действительно оказались подготовлены к тем невзгодам, что встретились на пути у каждого из нас.

К 17 годам в моем «послужном списке» уже числились волк и рысь, не говоря о глухарях, рябчиках, гусях, лисах. Я страстно желала сходить на медведя, но отец и слышать об этом не хотел. Он считал, что такая охота все-таки не для женщин.

Однажды папа вернулся с работы (он был крупным инженером) радостно-возбужденный и сообщил, что знакомые егеря под Тверью обложили медведя. Он собрался ехать со своими обычными друзьями-компаньонами… Новичком в компании был напросившийся сотрудник папиного предприятия – типичный интеллигент, щуплый, в очках, уверявший однако, что на его счету пара подстрелянных мишек. Я стала горячо просить взять меня с собой. Отец бы вероятно снова отказал, если б не заступничество дяди Жени – папиного друга и моего крестного. Он настоял, чтобы меня взяли на облаву. Однако отец поставил жесткое условие: я не должна стрелять, даже если медведь выйдет на мой номер. Делать нечего – я согласилась. Винтовку на всякий

случай мне все-таки дали.

Разумеется, я попала на такое место, где выхода зверя ожидать было почти бесполезно. Ближайшим моим соседом оказался Пал Палыч – очкарик – «истребитель» медведей. Я не особенно огорчилась отцовскими запретами, надеясь, что послушание и дисциплина сыграют роль на будущее. У меня все еще впереди. А пока я наслаждалась обстановкой – пейзажем, запахом леса и прислушивалась к крикам загонщиков. Обычно думают, что медведь идет не спеша, ломая хворост и с треском загибая ветки, но Мой топтыгин появился почти бесшумно. Какие-то звуки послышались с соседнего номера – «истребителя», но что там произошло, мне не было видно. Через секунду зверь возник передо мной. Я видела его какое-то мгновение, подняла было ружье, но вспомнила о данном слове и опустила. Медведь тут же исчез. Я подумала, что надо быть незаурядным стрелком, чтобы выцелить даже такую крупную мишень в столь сжатый отрезок времени. Слева грохнул выстрел, затем еще один и еще. «Эге-ге! Доше-е-л!» – закричал сосед слева. Очевидно он добыл зверя. Вскоре показались загонщики и я смогла покинуть номер. Медведь оказался самцом, не очень крупным, но весьма упитанным. Он вышел сначала на Пал Палыча, но этот храбрец, бросив ружье на землю, с обезьяньей ловкостью забрался на ближайшую разлапистую ель в два обхвата толщиной и в этом неуютном положении его застали загонщики. Впоследствии бедному горе-охотнику пришлось перейти на другую работу, чтобы спастись от насмешек. А мне отец сказал: «Как это ты, дочка, не стреляла?» «Но я же слово дала!» «Что слово! Тоже мне охотница! Да я бы на твоем месте не выдержал – пальнул мишку».

АНДРОПОВЩИНА

Пожилой протоиерей отец Александр Матусевич с утра почувствовал себя плохо, вероятно вследствие двух ранее перенесённых инфарктов. «Хорошо, что не моя очередь служить» – подумалось ему, – «а то пришлось бы искать замену, а это всегда проблематично». Но в церковь идти надо, потому что он сегодня совершитель треб при другом служащем священнике. И отец Александр, приняв глицерин, вышел из дому. У него кружилась голова и сосало в желудке. Напрасно он принял лекарство натощак. Сегодня как раз можно было позавтракать, но никакого аппетита нет и в рот ничего не лезет. На дворе ему стало легче от свежего воздуха. Стояла ранняя весна и всюду ещё виднелись сугробы, но на старых липах за садом священника уже галдели грачи, а солнце светило не по-зимнему ярко. Священник раскрыл ворота, выгнал машину из гаража, затем снова ворота закрыл. Двигался он медленно и неторопливо. Ему мешала навалившаяся усталость, как будто он трудился целый день, а ведь только раннее утро и предстоит много дел. Удастся ли справиться с недомоганием и выполнить всё, чего от него ждут? В ранний час движение на улицах ещё не начиналось, и он доехал до храма быстро, минут за десять. Перед входом в церковь на паперти толпились нищие. Отец Александр бросил на них привычный взгляд, ещё не вылезая из машины. Это были всё те же люди, лица которых примелькались за последние несколько лет: цыганка Настя в грязном цветастом платье и платке, завязанном на затылке, дурачок Миша с маленькой головой на тощей шее и косыми глазами, карлица Маша в аккуратном детском костюмчике, странно контрастирующим с её старым морщинистым личиком. Все они хорошо знали батюшку и здоровались с ним. Иногда он подавал им мелочь или что-нибудь с канона: яблоко, батон и т. п. Однако сегодня на паперти находилась и Степанида – весьма скандальная и агрессивная старуха, пьяница и матершинница. Любимым её занятием являлось «обличение» духовенства. Из всего причта Степанида почему-то особенно цеплялась к отцу Александру, хотя он ничего плохого ей не сделал и кротко переносил её «бенефисы». Молодой иерей Роман, сослуживец отца Александра, уверял, что пьянство и скандализм Степаниды наигранны, за ними стоит нечто большее, чем обычная сварливость злой бабы и намекал, что ею РУКОВОДЯТ и в последнее время пожилой священник стал внутренне соглашаться с такими выводами, поскольку активность Степаниды резко возросла. Вот и сейчас он испытал неприятное

чувство, проходя мимо неё, и сам на себя за это рассердился. Раньше подобными пустяками его было не пронять, а теперь сердце колыхнулось в тревоге.

Степанида дождалась, когда священник подошёл поближе, и испустила громкий вопль: «А-а! Пришёл! Наконец-то! Ну иди, иди! Недолго тебе землю топтать осталось (она знала о его больном сердце), скоро Юрий Владимирович вам – попам покажет!» «Какой Юрий Владимирович?» – переспросил энцефалитный Миша. «Какой, какой!» – передразнила Степанида, – «Андропов, вот какой. Он им хвосты-то поприжмёт, будут знать, как на машинах ездить! Теперь всех воров и прогульщиков к ногтю! И этих жирных бездельников тоже. Он им покажет советску власть-то! Будут знать, сволочи-и!» Отец Александр захлопнул дверь и не услышал конец монолога, поразившись, однако, что даже Степанида по-своему в курсе андроповских реформ и вспомнил, как один знакомый монах предрекал ему, что при новом правителе за церковь и духовенство возьмутся, чуть ли – не, как в хрущовские времена. Подобный рецидив рисовался абсолютно абсурдным и невозможным после достаточно долгого периода сравнительно спокойного существования при Брежневе. А собственно, почему невозможным? В советском «раю» как раз всё возможно и в первую очередь очередное гонение на церковь. Он не стал больше об этом думать, отложив до времени размышления на грустную и серьёзную тему, так как его уже ждали: целая толпа стояла у крестильной комнаты. Когда, облачившись, он вошёл в крестильню, староста Аглаида Матвеевна проскользнула вслед за ним и, повертев головой вправо-влево, прошипела: «Восемь человек сегодня. Вот список». И подала исписанную именами и фамилиями бумажку. Аглаида Матвеевна правила приходом последние три года и весь причт, в том числе и настоятель, от неё натерпелись вдоволь. Духовенством староста просто помыкала: урезала зарплату, вмешивалась в бого-служебные дела, читала нотации священникам и бесстыдно грабила храм. Управы на неё не было, так как описанное положение приходских дел и предусматривалось хрущовским законодательством от 1961 года, которым священник лишался всяких прав и становился наймитом, полностью зависящим от прихотей старосты, его помощника и казначея – ставленников исполкомов.

Отец Александр распорядился наливать воду в купель, разложил на небольшом квадратном столике крестильный набор, медный напрестольный крест и требник. Затем оглядел толпу, собравшуюся в крестильне. Все кандидаты на крещение оказались маленькими детьми, от младенцев в пелёнках до трёх-

четырёхлетних. С каждым пришли родители (в их отсутствие крещение запрещалось законодательством), бабушки, иногда дедушки, крёстные и прочие родственники и друзья. Вся эта толпа шумела и суетилась. Многие, особенно молодёжь, не очень понимали, как себя держать и что делать. Другие, постарше, наоборот, с деловым видом сыпали советами и распоряжениями. Младенцев раздевали, пеленали и некоторые из них уже подали голос. Отец Александр любил эту предкрестильную суету и с удовольствием прислушивался к детскому писку. Детские голоса в храме звучали редко вне этих крестильных моментов, но они свидетельствовали о том, что Церковь не умерла, несмотря на все усилия богоборческой власти и у неё есть будущее в лице этих самых беспомощных ныне младенцев, из которых (как знать), может, вырастут будущие пастыри или просто благочестивые миряне. Когда все, наконец более или менее угомонились и, по указке помощницы священника выстроились в ряд, отец Александр заметил, что кандидатов на крещение больше, чем сказала староста: не восемь, а девять. Сбоку пристроилась пожилая женщина, державшая за руку мальчугана лет трёх. Держалась она как-то неуверенно и застенчиво-просительно глядела на батюшку, словно хотела что-то сказать ему, но стеснялась. Отец Александр огласил список. Все отозвались, кроме женщины с мальчиком. Тогда она сделала неуверенный шаг вперёд и, приблизившись поближе к священнику, зашептала: «Батюшка, мы без записи. Нельзя ли как-нибудь покрестить Вовочку, а то у него отец (мой зять) милиционер?» Отец Александр ничего не ответил. Подобные вещи строго запрещались. Сведения о новокрещёных протоколировались и подавались в исполком. Записями и регистрацией занималась староста Аглаида Матвеевна, у которой уже пару раз возникали претензии к нему за незарегистрированные крещения. Он знал также, что на других приходах частенько совершаются «левые» требы, без регистрации. Иные старосты шли на это, правда не всегда бескорыстно, дабы избавить людей от неприятностей, и иной раз прислушивались к рекомендациям и пожеланиям священнослужителей, но только не у них. Здесь, благодаря Аглаиде, подобные попущения не практиковались. Ему стало жалко женщину и её внука, и он не знал, как поступить: выгнать – не хватало духу, оставить – нарваться на неприятности, поскольку староста грозилась «в следующий раз вызвать начальство». Священник снова почувствовал боль за грудиной, на этот раз такую сильную, что стало страшно: неужели у него снова предынфарктное состояние? Ничего не говоря, он повернулся к аналою и подождал, пока боль затихнет. Затем взял в руки

требник. Не всё ли равно, что будет? По-видимому, ему не долго осталось. Скоро придётся давать ответ там, наверху и… его определённо спросят, конечно же, непременно спросят: «Почему ты не выполнил свою святую обязанность? Как ты посмел отказать в крещении?» Будь, что будет, на всё воля Божия… Отец Александр начал крещение. Он окрестил всех девятерых. Теперь следовало воцерковление, а затем причащение новокрещёных. Для этого надо было идти в храм под бдительное око старосты.

Минут через пятнадцать все взрослые с младенцами и сопровождающими выстроились в церкви перед перед боковым алтарём. Отец Александр уже отнёс пару мальчиков-младенцев во «внутренние завесы» и собирался взять на руки следующего – девочку, когда заметил разъярённую старостиху, несущуюся к нему на всех парусах. «Что это вы себе позволяете, отец Александр? Сколько раз вам напоминать, что крещения без регистрации запрещены советским законом! Моё терпение лопнуло, я вызываю милицию!» Отец Александр молчал. Снова сердце мучительно всколыхнулось и забилось в груди, оглушая неровным стуком и затмевая внутренним шумом всё происходящее вокруг. «Причём тут милиция?» – вяло подумалось ему, – «эта дурёха даже не понимает, что церковными вопросами ведает КГБ, эта всесильная трёхбуквенная организация, ещё недавно возглавляемая Юрием Владимировичем Андроповым, который теперь управляет всей огромной страной…» Он прекратил воцерковление и стоял на месте, почти безучастно наблюдая за беготнёй старосты и её помощниц. Он видел, как из главного алтаря вышел настоятель и слышал, как он что-то говорил ему, вернее, слушал, но не слышал: рот настоятеля открывался, губы двигались, но слова до отца Александра не доходили. Он продолжал стоять неподвижно, прислушиваясь к разгорающейся костром растущей боли в груди. Вместе с ним стояли люди, пришедшие на крестины и тоже ждали, не понимая, что им делать: ждать или бежать отсюда поскорее, а самые маленькие новокрещёные уже подняли крик, доносившийся до ушей священника, как бы издалека, словно с улицы… Наконец отец Александр с изумлением увидел перед собой фигуру своего старого соседа и приятеля Фёдора Ивановича Подземельского, полковника милиции, одетого в форму, с фуражкой в руке. Выражение недоумения и некоторого смущения читалось на красном полковничьем лице. Он тоже что-то говорил, но вскоре замолчал и сделал отцу Александру приглашающий знак рукой, дескать пойдём со мной. Священник молча повиновался.

Его отвезли до самого дома с «мигалками». Полковник лично проводил священника, поручив заботам матушки. Когда они

вдвоём с трудом уложили батюшку на диван, полковник, отдуваясь, пробормотал: «Скорую» мы уже вызвали. Сейчас приедет. Не беспокойтесь, если в больницу, сразу дадут отдельную палату, я распорядился». Затем он плюнул и прошипел: «Ну и дура же эта ваша Аглаида!» и, надев фуражку слегка набекрень, вышел на крыльцо.

Март 2010

БЕСЕДА С ДИНОЗАВРОМ

Если вы москвич или житель столичной области, то не можете не знать торговый комплекс «Вавилон» на проспекте Мира. Его знаменитых динозавров, расположившихся на двух нижних этажах, приводящих в восторг детвору, видело и множество приезжих, посетивших по своим делам этот многолюдный объект, совершенно оправдывающий своё название. Для тех же, кому не довелось узреть этих диковинок, следует пояснить, что чудища выполнены в натуральную величину и очень реалистично. Через каждые несколько минут динозавры начинают двигать лапами и хвостами, разевать зубастые пасти и издавать утробный рык. Несомненно, владельцы торгового комплекса находились под впечатлением фильма «Парк юрского периода». На меня самого произвело неизгладимое впечатление это зрелище, когда я увидел его впервые, но видимо не только на меня одного. Однажды после похода по многочисленным магазинам комплекса в поисках подходящей обуви, несколько утомлённый, я зашёл в маленькое кафе второго этажа немного закусить и выпить кофе. Совсем близко от моего столика располагалось одно из упомянутых чудовищ, а именно тираннозавр, высотой не менее трёх метров. Поясню, опираясь на палеонтологические справочники, что это за животное. Тираннозавр (Tyrannosaurus rex) – «ящер-тиран», получивший своё название оттого, что первые исследователи считали его исключительно хищником. Теперь признаётся более верным предположение, что он был скорее падальщиком. Во всяком случае, это плотоядный динозавр с мощными задними лапами и намного менее развитыми двупалыми передними. Обладал массивным черепом с колоссальными (до 30 см) зубами, тяжёлым и жестким хвостом. Обитал на западе Северной Америки и считается крупнейшим хищником, когда либо жившим на земле. Самый большой экземпляр, известный палеонтологам, достигал в длину 12,3 м, в высоту 4 м, а весил 6,8 т. Макет соседского динозавра не был таким громадным, но и мелким его назвать нельзя никак: пасть с десятисантиметровыми зубами лязгала на высоте около трёх метров.

Пока я, сделав заказ, ожидал прихода официанта с комплексным обедом, мимо проносились люди. Многие замедляли шаг около серо-зелёного гиганта и глазели, удивляясь его устрашающему виду и размерам. Я тоже поглядывал на динозавра и размышлял о том, какое счастье, что Господь создал человека уже после того, как гигантские ящеры вымерли. Ведь

ближайшие родственники динозавров – крокодилы до сих пор собирают кровавую дань с человечества, а учёными подсчитано, что сила сжатия челюстей у тираннозавра в три с половиной раза сильнее, чем у его выживших родственников. Вскоре я заметил, как одна немолодая плохо одетая женщина задержалась возле монстра. До неё на ящера долго глазела пара провинциалов-пенсионеров, а до них худенький, как цыплёнок цыганёнок лет десяти. Но эта женщина (поначалу она стояла спиной ко мне) всё не уходила, а когда она немного развернулась, стало слышно, что она разговаривает с динозавром. На вид ей казалось более шестидесяти лет. Она была одета в грубое серое пальто, застёгнутое на все пуговицы, несмотря на жару, искусственно создаваемую в комплексе, так, что все продавцы разгуливают в блузках и рубашках. На голове старухи красовалась серая норковая, но очень потёртая шапочка устаревшего фасона. Из-под неё выбивались пряди чёрных с проседью волос. У неё были чёрные тусклые глаза, в которых замечалось безумие, а по выражению этих органов зрения я бы предположил, что их владелица повстречала старинного приятеля, и густо начернённые брови. Произнося свой монолог, незнакомка подняла голову вверх и глядела в маленькие глазки тираннозавра, который, как раз в начале её речи задвигался и стал раскрывать пасть, словно отвечая на реплики. К моему удивлению, эта странная особа обращалась к динозавру, как к живому существу, способному её понять: «…ну и пусть она бегает и ищет, а я поболтаю с тобой Серенький. Ох, ох, Серенький, цены-то как поднялись! А Клавка говорит здесь дешевле. Что ж у других то? Чего помидоры и огурцы так подорожали? В два раза! Ну, да Бог с ними, всё равно трава травой! Обойдёмся. Главное хлеб. Он подорожал, но немного. А без хлеба, как? Думали, Клавке зарплату с нового года повысят. Ан нет! Не дали. Только обещают, а внучка растёт, ей всё время что-то надо, то в школе, то одеться-обуться, а то вот грипп подхватила, так лекарства потребовались. Машутка-то, внучка моя, Серенький, девка добрая, хорошая. «Ты», – говорит, – «бабушка отдохни, я сама подмету и помою». Это не то, что Стёпка, что от моего покойного сынка, совсем от рук отбился. Я снохе Нинке говорила: следи за ним. У него характер с норовом. Да всё без толку! Да ещё мужика привела себе! До ребёнка ли? Вот и попал мой Стёпа. Сказали: наркотой приторговывал. А так он тоже добрый был. Отца жалел». Тут динозавр начал особенно рьяно трясти головой, махать передними лапами и урчать, точно соглашаясь со Степановой характеристикой. «Вон и ты согласен!» – возликовала собеседница, – «Витенька на одре лежал, и нутро у него всё

горело. И всё ему выпить хотелось, потому, что от пойла боль уходила, а доктор пить не разрешал и Нинка не давала. А как Степан к отцу подойдёт, он и просит: «Сынок! Принеси! Невмоготу мне!» Он и притащит…» Тут старая женщина на секунду умолкла и провела морщинистой ладонью по глазам. «А теперь, Серенький, он в камере со злодеями сидит. Ходила я к нему. Принесла кой-чего. Похудел. Говорит, там тесно. Камера на пять человек, а сидят двадцать. Скорей бы уж осудили, да на зону. Обещал писать мне. Эх, Серенький, времена нынче тяжкие! Тяжёлые времена. Дуся – сестра моя старшая на Донбассе живёт с сыном неженатым. Звонили несколько раз. Сначала, когда всё ещё начиналось, я Петьке – племяшу сразу сказала: «Делай запасы. В магазинах всё исчезнет, всё пропадёт». Он купил мешок картошки, мешок рису и бочонок масла. Потом благодарил. Говорил, что только с этими харчами и выжили. Как стрелять начинают, они в подвал. Дуся почти не ходит. Петька мать на руках стащит вниз, и живут в подвале несколько дней. Всё вокруг дрожит и рушится. Трупы кругом. Ни воды, ни газа, ни электричества. Зарплату не дают. Как выживают? И ещё я вспомнила кое-что. Говорю Петьке: «Знаешь ли ты, что мать твоя Евдокия не крещёная? Наши родители, царство им небесное, нас не окрестили. Такое время было. Я крестилась взрослой. Тебя я тоже крестила. Не допусти, что б мать умерла нехристем!» А он мне: «Где же я теперь в таком бардаке попа найду?» А я говорю: «Всё предусмотрено. Мне один батюшка сказал, как в таких случаях поступать. Бери воду, если нет святой, бери любую, в любой сосуд и говори: «Крещается раба Божия Евдокия во имя Отца, аминь» и брызгай, – «И Сына, аминь», – брызгай, – «и Святаго Духа, аминь» и брызгай. Если выживет, приведёшь батюшку и он всё, что надо доделает». Так и сделал. Теперь душа моя спокойна. А вот и Клавка бежит. Ну, прощай Серенький. Приду в следующий раз, опять с тобой побеседую». Гигантский ящер безмолвствовал. Из его нутра больше не вырывался грозный низкий рык. Громадный хвост и передние лапы перестали двигаться. Пасть с кинжалоподобными зубами закрылась, но вид его не стал менее зловещим, поскольку даже при закрытой пасти все зубы выглядывали наружу. Казалось, менее подходящего собеседника трудно найти. Уж очень напоминал он сказочного дракона. Не хватало лишь огня из утробы. Однако, видно и такой неуютный собеседник сгодится, если больше некому излить душу.

Январь 2015

БОМЖ

По профессии я программист. Работаю в центре столицы, куда добираюсь на автобусе и на метро. В нашей частной фирме порядки строгие: при входе и выходе регистрируемся в журнале. Опоздал или ушёл пораньше – штраф. И вот однажды я проспал и опаздывал на работу. Стоял на остановке автобуса и нервничал. И тут к толпе пассажиров подходит какой-то мужичонка лет пятидесяти пяти, сухонький маленький, лысый, и начинает предлагать поездку на такси. Никто не соглашается, а я решил рискнуть. «Сколько возьмёшь?» «Двести». «Поехали». Цена за такое расстояние минимальная, меня устроила. Доехали благополучно и я не опоздал. На другой день снова стою на остановке и вижу вчерашнего таксиста. Он тоже меня заметил и стал делать знаки руками: дескать, садись, прокачу. Однако, мне сегодня спешить не надо и решил я деньги поберечь. Тут он подошёл и стал меня уговаривать, но я объяснил, что лишних средств не имею и частые разъезды на такси для меня роскошь. «Да я тебя за сотню отвезу». «Ну, за сотню поеду!» Пока стояли в пробке, познакомились. Оказывается, таксиста зовут Саша, и дела у него идут неважно. Я тоже немного рассказал о себе: где живу, чем занимаюсь. И тут он мне предложил: «Давай я тебя буду возить на работу каждый день за 400 рублей в неделю». Я подумал и согласился. Таким образом, я обзавёлся личным шофёром.

Полтора года Саша ежедневно, кроме выходных, подавал свою старенькую «Ладу» к моему дому и ни разу меня не подвёл. За это время мы подружились и получше узнали друг друга. Александр был из породы хронических неудачников. Есть такие люди, невезучие с детства. Бьются, как воробей в венике, а ничего у них не получается. Я сказал «с детства», правильней – «с рождения», потому, что фамилия у Саши была Какаев. Если пионерский отряд переправлялся через ручей по бревну, двадцать человек проходили благополучно, а под двадцать первым – Сашей Какаевым бревно ломалось, и он летел в воду. Он переболел всеми мыслимыми детскими болезнями и к семнадцати годам сломал руку, ногу и имел два сотрясения мозга. Для меня загадка, как он отслужил в армии и остался цел. После армии Александр перепробовал множество занятий, но без особого успеха. Трудился автомехаником, шофёром на нескольких предприятиях. Женился довольно поздно – в сорок пять. Жил с семьёй в квартире, оставшейся от родителей. Родился сын. Денег стало не хватать, и Саша надумал продать свою машину – почти

новый «Форд». Нашёл покупателя, с которым договорился встретиться на улице в укромном месте. Тот явился с приятелем. Выбрав удобный момент эти жулики оглушили незадачливого хозяина авто и уехали на захваченной машине в неизвестном направлении. Милиция никого не нашла. С горя Саша запил и запил крепко. За это время жена нашла себе приятеля, и дело кончилось разводом. С работы его уволили. Нужно сказать, что о всех этих событиях я узнал постепенно, так как Александр не выдавал своих историй залпом, а раскрывался раз за разом. Я спросил его, обижен ли он на судьбу. «Вовсе нет. Я даже от квартиры отказался. Ведь у них живёт мой сын». «А ты что ж, снимаешь?» «Да нет. Живу в машине». Только тогда я понял, что Саша бомж – человек без крыши над головой. Впрочем, это его не обескураживало, и он даже ухитрялся выкраивать какие-то деньги на сына.

Самым поразительным и оптимистическим стал конец нашего знакомства, о чём с искренней радостью и спешу информировать читателей. Через полтора года после нашей встречи Саша вёз меня на работу и вдруг сказал: «А я ведь больше за тобой не приеду». «Это почему?» «Уезжаю». «Надолго?» «Насовсем». «Куда же?» «В Н-й монастырь». Оказалось, он как-то подвозил монаха из этой удалённой новооткрытой обители. Тот рассказал о своей обители, о монашеском житье-бытье, о благодатном уединении в тиши и мирных трудах братии. «Я загорелся…Взял адресок. Некоторое время переписывался с отцом Власием, а потом решил поступить в обитель послушником». Я от всей души пожелал Александру счастья.

Декабрь 2013

В БЛОКАДУ

Чем для меня была ленинградская блокада? Вы знаете мои обстоятельства: я жила одна, потому что Николай Александрович находился в ссылке в Калинине. Я ездила к нему раз в месяц, но с началом войны вырваться из Ленинграда становилось все труднее. Он работал корректором в одном издательстве, но когда пришли немцы, работы не стало, а я отсюда уже ничем не могла ему помочь – переводы не доходили… Лишь много времени спустя я узнала, что он умер от голода, одинокий, больной, всеми брошенный старик.

Я преподавала в школе. Да, был паек, вы знаете, какой. Об этом писали много. Были и голод, и стужа, и смерть кругом, нехватка воды… Все это обдает незабытым ужасом при всяком воспоминании. Много страшного было вокруг, но мне запомнились два эпизода. Один – зловещий, другой, наоборот, бодрящий, укрепивший во мне надежду на Бога, которая, я могу с чистой совестью засвидетельствовать, меня никогда не покидала.

Случай первый. Это было в начале блокады. Я ехала на трамвае (еще ходили трамваи). Вдруг остановка. Ждем отправления – вагон стоит. Вагоновожатая постучала пальцем в окно кабины, показывая на какую-то помеху на пути. Пассажиры, и я в том числе, вышли наружу и увидели жуткое зрелище: полчище крыс направлялось из города. Количество их не поддавалось исчислению и было огромно. Впереди шел вожак – седая, исполинская жирная и страшная крыса. Она выводила своих сородичей из осажденного города, где даже этим всеядным и мелким зверькам не выжить. Все с молчаливым страхом смотрели вслед исходящим грызунам и наверняка вспоминали пословицу о тонущем корабле, с которого эти твари первыми бегут, а мы вынуждены остаться.

Другой случай произошел сразу после мощного обстрела, заставшего меня на пути с работы домой. Тревогу я переждала в бомбоубежище и, когда по радио объявили отбой, заспешила к себе. Мое внимание привлек большой пятиэтажный дом, стоявший ранее за два квартала от меня. После сегодняшнего обстрела от него остались одни развалины. Только угол здания уцелел. На одном из этажей в этом самом углу угадывались остатки жилой комнаты: торчали обломки половых досок, куски штукатурки, висевшие на прутьях дранки и… нечто совершенно невероятное: небольшая икона Божией Матери в серебряном окладе с горящей перед ней лампадой! Все здание рассыпалось, а лампада даже не погасла! И я, и немногочисленные прохожие

глядели на это чудо в немом изумлении и каком-то мистическом восторге: это был явный знак милости Божией к нам – осажденным, во всяком случае я восприняла его таким образом. Эта горящая лампада помогла мне выжить.

В БОЛЬНИЦЕ

1

Во время реставрации церковной колокольни тяжёлый железный люк, плохо закреплённый рабочими, сорвался и ударил по голове священника Ростислава Потёмкина. Отца Ростислава отбросило грудью на перила лестницы, по которым он съехал два пролёта вниз, каким-то чудом не свалившись на железные ступени. «Конец!» – мелькнула мысль, но к своему удивлению, он был жив. В какой-то степени его спасло то, что в момент удара он находился в согнутом положении и шея несколько саммортизировала, помогли и длинные густые волосы, если б стоял прямо, череп наверняка бы не выдержал. На тревожный крик рабочих «Батюшка, ты жив?» он даже сумел ответить утвердительно, хотя и не сразу, ибо в первые секунды после падения утратил речь. Он не помнил, как спустился вниз. Голова гудела и подкатывала тошнота, из чего он заключил, что как минимум получил сотрясение мозга. Этот диагноз подтвердила и фельдшерица срочно вызванной «Скорой помощи». Пострадавшего отвезли в городскую больницу, где после срочного рентгена перевязали и положили в отделение травматологии. К тому моменту боль частично утихла, тошнота прошла и отец Ростислав чувствовал себя неплохо, но молодой врач – интеллигент в очках, категорически приказал ему лежать и не двигаться хотя бы в течение первых семи дней, дабы впоследствии избежать тяжёлых головных болей. Священник на своих ногах проследовал в «травматологию» и, идя вслед за медсестрой, вошёл в палату номер 6. «Как у Чехова» – подумалось ему. В палате уже находилось шестеро страдальцев с различными травмами. Отцу Ростиславу досталась кровать в углу у окна, чему он сильно обрадовался, так как отделение размещалось на втором этаже и в окно заглядывали начавшие зеленеть ветки деревьев. «Гляди-ка, батюшка!» расслышал он за своей спиной, когда, поздоровавшись, проследовал к свободной койке. Старик со сломанной ногой, лежащей на вытяжке, суетливыми движениями стал освобождать стоявшую между их кроватями тумбочку. «Да вы не беспокойтесь» – остановил его новичок, – «обоим места хватит. У меня вещей не много». Однако, старикан перенёс на другую сторону свой стакан, миску и какие-то свёртки, отдав в распоряжение священника всю тумбочку целиком. Отец Ростислав, не спеша, разложил свои немногочисленные пожитки –

те, что спешно собрала перед отправлением матушка, затем набрал по мобильнику номер супруги и сообщил ей последние новости. «Голова сильно болит?» «Нет. Утихла. Велели лежать и сейчас сделают капельницу».

«Что случилось – то?» – с любопытством спросил его молодой парень, лежащий напротив, тоже со сломанной ногой на вытяжке. Отец Ростислав объяснил. Слушатели сочувственно покивали. «У нас уже трое черепушников» – констатировал визави, назвавшийся Максимом, весело сверкнув чёрными глазами и махнув длинным нестриженым чубом, указывая при этом на своего соседа слева, находившегося в бессознательном состоянии, под капельницей, и на другого – рядом со стариком, по другую сторону, полуинтеллигентного вида, с хитровато-наглым выражением лица. «А с ними что?» – поинтересовался новичок. «Вот этого, рядом со мной – Петьку, менты дубинками избили. А тот, который рядом с дедом (его Эдиком зовут) на лестнице упал, прямо на ступеньки. Говорит, трезвый был» – хихикнул Максим. «Точно, трезвый!» – подал голос Эдик. «Да нам то что: трезвый ты был или нет» – подал голос пятый обитатель палаты, тоже молодой парень с переломом ноги, но не на вытяжке, отрекомендовавшийся Василием, – «да и тебе, какая разница: ты же не на производстве вкалываешь, как какой-нибудь бюджетник, тебе и так заплатят. Он у нас предприниматель» пояснил Вася, обращаясь к священнику. «Дело в том, что если ты госслужащий и получил бытовую травму, да ещё был, выпивши, заплатят по минимуму» – добавил Макс, – «но на Эдика это не распространяется». «Что вы ко мне привязались!» вспыхнул Эдуард, – «с каждым может случиться! Вон с попами и то…!» «Спокойно Эдик, расслабься, дыши глубже» – посоветовал Василий, – «никто к тебе не привязывается, просто рассказали новичку про здешний расклад. А вот и Митенька Полукарпиков» – приветствовал он вошедшего в палату совсем юного паренька с рукой на перевязи. «Он, батюшка, рукой «Газель» остановить пытался и видите, что получилось! Перед этим хорошо, как говорится, на грудь принял и вот результат!» – с притворной грустью констатировал Васька, с ухмылкой указывая на Митю». «Митька, салабон! Чай ставь!» – гаркнул Макс, – «он у нас один ходячий вот и помогает всем по мере возможности». Митенька привычно матюгнулся, впрочем, без всякой злобы, услышав это приказание. «Перестань ругаться, не видишь: с нами теперь батюшка!» – упрекнул его Максим. «Да уж, Митенька! Сбавь обороты. А то ведь ни одна девушка из приличной семьи не станет с тобой дружить» – в тон приятелю поддел парня Васька, очевидно на пару с Максимом избравший зелёного юнца

мишенью для своих острот. Они величали его то Полукарасиковым, то Полуокуньковым. Митя включил электрический чайник, принадлежащий деду Степану. «Хотите чаю?» – обратился он к священнику. «Да, только у меня нет заварки». «Дадим» – радушно обещал сосед. Чай оказался большим подспорьем. Его можно было приготовить в считанные секунды во всякое время дня и ночи, не дожидаясь остылой казённой бурды. Из прочих единиц техники в палате имелся ноутбук (собственность Макса) и плохо показывающий телевизор, принадлежащий, опять – таки, деду Степану. Максим практически не расставался со своей игрушкой, извлекая из неё, то музыку, то информацию на занимавшие его темы, а то просматривал фильмы вместе с ближайшими соседями, кто мог увидеть и разглядеть изображение со своей позиции.

Пришла медсестра и стала ставить вновь прибывшему капельницу, предварительно сделав ему два болезненных укола.

2

Пролежав целый час под капельницей, пострадавший почувствовал успокоение. Его потянуло в сон, и он забылся, благо головная боль отошла, и лишь слегка ныло в затылке и свербила ссадина, смазанная зелёнкой. Таким образом, отец Ростислав не мучился ни болью, ни тяжкими размышлениями, каковые обычно посещают человека, внезапно очутившегося в больнице вне своих домашней привычной обстановки и родных лиц. Наутро он проснулся рано, когда все ещё спали, кроме ближайшего соседа – старика. Чувствовал он себя значительно лучше и бодрее, в голове прояснилось. Отец Ростислав решил прочитать утренние молитвы про себя наизусть, пользуясь тишиной. К своему удовлетворению, память его не подвела. В душе он страшился, что она откажет, а это случается при травмах головы, но с детства знакомые слова, видимо закрепились в мозгу накрепко. Затем священник отодвинул занавеску окна и полюбовался юной берёзкой, шелестевшей свеже-зелёными молодыми листочками, и послушал дружное пение зябликов в садике.

Старик Степан тем временем сел на кровати и, поморщившись, ощупал свою ногу. Тут отец Ростислав разглядел, что его сосед не так уж и стар, лет 62–63, не больше, просто молодёжь называла его дедом, ибо для неё такой возраст нечто запредельное. У Степана за три недели пребывания в больнице отросла борода, а длинные немытые седые волосы слежались и спутались. «Будь я проклят, если понимаю, как это случилось!» –

обратился он к соседу, единственному его слушателю в столь ранний час. «Поднимался я по ступенькам своей дачи, причём совершенно трезвый, а она подвернулась и хрясть! Думал, сама пройдёт. Ан нет, не прошла! Пришлось на «скорой» ехать сюда. Хорошо, сын в это время из Москвы навестить приехал (я вообще-то москвич). Он всё и устроил. И вот лежу уже третью неделю с этим грузом, чёрт бы его побрал, на просверленной пятке». «А что врачи говорят?» – поддержал беседу священник. «Через три недели обещали снять ногу со «станка», просветить рентгеном и, если срослось правильно, загипсовать. Лежать просто мочи уже нет!» Степан, закончив свою тираду, закурил крепчайшую сигарету и на секунду исчез с поля зрения в облаке вонючего дыма. В палате курили все, за исключением, лежащего без сознания Петра. Это было дополнительным испытанием для священника, но он понимал, что для лежачих больных курение одно из немногих доступных удовольствий и протестовать бесполезно. К тому же, ещё служа в армии, он привык, что его обкуривают, и научился не обращать на это внимания. В дальнейшем отец Ростислав лишь старался почаще открывать форточку или хотя бы двери для проветривания. «Я бывший военный» – продолжал между тем сосед, – «военный автомеханик. Училище по этой специальности заканчивал и служил командиром автомастерских в Москве, но это в последнее время, а так, где я только не служил…» Дед пустился в подробные воспоминания о годах службы. Рассказывал он живо, приправляя свою речь шутливыми прибаутками, не всегда цензурными, но неизменно остроумными. Он на своём веку, особенно в столице, повидал много всякого начальства и с юмором рассказывал о своих встречах с генералами генштаба и маршалами. «А теперь чем занимаетесь?» – поинтересовался собеседник. «А теперь я, как поётся в песне:

«Что стоишь, качаясь, офицер запаса?

Ты теперь не рыба, ты теперь не мясо».

Живу постоянно на даче, где у меня есть газ и вода. С женой разведён. Московскую квартиру отдал сыну. Разбил огород, гуляю с собачкой, винцо попиваю. Живу на пенсию».

«Отдайте одеяло!» – неожиданно завопил Митя со своей кровати. Все зашевелились. «Опять Митька во сне кричит» – пояснил дед оторопевшему священнику, – «вчера орал: «Верни бутылку!» Смешной парень!» «Митька салабон! На подлодке тебе бы портянку на голову надели за такие штучки» – окрысился проснувшийся Васька (он служил на флоте). Очнувшийся Пётр что-то пробормотал. «Что хочешь Петя?» – спросил пробудившийся со всеми Макс. «Он пить просит. Да только

подать некому – Митька спит, хотя всех разбудил». «Я подам» – вызвался отец Ростислав. Осторожно встав, он медленно приблизился к тумбочке соседа напротив и, взяв поильник, направил его носик в уголок рта больного. Опухшее веко правого глаза, зашитое хирургом, осталось неподвижным, но правый глаз избитого приоткрылся и взглянул на отца Ростислава. Голова Петра, вся в ссадинах и кровоподтёках, была обрита, опухшие руки привязаны к кровати, чтобы лежал неподвижно, поэтому двигать больной мог только ногами. «Хватит» – через пару секунд произнёс он, – «спасибо». «Глядите-ка! Заговорил!» – обрадовался Максим, – «до этого два дня лежал пластом. Эй, Петь! Помнишь, что с тобой было?» «Помню. Менты избили». «Где?» «Около пруда» «За что?» «Ни за что. «Датый» был, велели показать документы…» «А ты не показал?» «У меня их с собой не было». «И что?» «Что, что! Бить начали». «Ты их небось послал?» «Не помню». «А ментов запомнил?» «Запомнил, а что толку?» «Ты на них пожаловаться можешь» – заметил священник. «Во-во! Попробуй!» – иронически предложил Макс, – «знаю я их! Своих прикроют и ничего не докажешь. Сам же ещё виноват будешь, уж я – то знаю!» «Откуда знаешь?» – поинтересовался отец Ростислав. «А вот откуда. В лихие, как говорится, девяностые (я ещё малолеткой был) замели меня с дружками…» «За что?» «Увидели мы: на одном балконе сушится рыба, много рыбы. Вот мы и залезли, благо не высоко, второй этаж, и всю эту рыбку прибрали, а потом под пиво схрумкали. А нас цоп и забрали». «Подумаешь, преступление! Надавать вам подзатыльников, ну может штраф взять с родителей…» «Э-э, батюшка! Сразу видать, что ты в милицию никогда не попадал или, может, смотришь сериал «Улицы разбитых фонарей»? Они за нас знаешь, как взялись! Ведь у ментов полно нераскрытых дел и они решили всё на нас повесить. Меня завели одного в камеру, и давай запугивать: «Или ты берёшь на себя это и то, или сгноим здесь, почки отобьём и про тебя никто и не узнает! Давай колись, рассказывай, как грабил». «А ты что?» «А я ничего. Они до поры до времени не знали, что у меня папаша очень даже в городе и районе известный человек – краснодеревщик знаменитый, всё по заграницам раскатывал как ценный специалист. Я на него надеялся, да и помалкивал. И точно: благодаря отцу меня, хоть и не скоро, отпустили. А вот над моими подельниками ещё долго измывались». «Каким образом?» «Ну, например, одному одели «браслеты» и повесили на вешалку в шкафу за скованные руки на целый день. Он весь обделался и подписал всё, что требовали. Другого, отвезли на озеро, а была ранняя весна, как вот теперь, и посадили в воду раздетого по пояс: пока не подпишешь, не

выпустим. Всё подписал!» «Что-то уж очень по-зверски! Даже не верится!» «Да нет, всё правда, к чему мне врать? Я ведь не говорю, что и сейчас так, а в девяностые менты просто зверствовали. Теперь, говорят, потише стали. Семь месяцев я в тюрьме просидел. Ну, да там было не так плохо». «Не плохо?» «Ну, кормили хорошо, даже мороженое давали два раза в неделю». «Это в тюрьме то?» «Ну да. Так ведь тюрьма в нашем городе чёрная…» «Как это «чёрная»? «А вы что, не знаете, не слыхали?» «Признаться, нет». «Так вот, тюрьмы бывают чёрные и красные. В красной всем заправляет охрана, а в чёрных – блатные». «Что ты говоришь! Возможно ли такое!» «Очень даже возможно». «В чём же выражается эта «чернота»? «А в том, что снабжение и питание осуществляют блатные из «общака». Там и кормят получше, алкоголь, курево и план (наркотики) дают». «Невероятно!» «Почему же? У нас «дури» завались было, хоть обкурись. Вот здесь, вчера (я уж, батюшка, тебе секрет открою: мы с Васькой забили «косячок», всего один, а там этого добра было, хоть отбавляй». После этого сообщения отец Ростислав отметил, что зловещие отвратительные щупальца наркомафии запущены в общество гораздо глубже, чем ему казалось до сих пор. «В чём ещё проявлялось верховенство блатных?» «На все праздники некоторые городские организации, например, мясокомбинат, посылал нам подарки – колбасу там, сосиски…» «Ну, это в благотворительных целях…» «Нет, им велели блатные. И ещё: каждый день в камеру для малолеток подсаживали какого-нибудь взрослого рецидивиста (с ведома администрации между прочим), который обучал нас ЗАКОНУ». «Как же он обучал?» «А так. Ежели тебя при всех, прилюдно, сукой (то есть стукачом) обозвали, ты должен в этого кадра без лишних слов сразу «перо» воткнуть, ну и тому подобное…» «И много ли таких «чёрных» зон?» «Точно не знаю, но говорят, половина».

3

Раскрылась дверь и на пороге показалась медсестра с подносом в руках, на котором красовались стеклянные ампулы с лекарствами и разнокалиберные шприцы. «Полулещиков! По твою задницу пришли! Готов задний мост!» – заорал Василий. «Сестра, сестра! Сделай ему скорей укол, он с него кайф ловит!» – присоединился Макс. Митя, до судорог боящийся уколов, нервными суетливыми движениями спускал штаны. Лицо его заметно побледнело. «Ну чего боишься, дурачок» – мягко уговаривала его сестра. Парень, не отвечая, плюхнулся животом

на кровать. По его лицу катились капли пота. «Вот и всё!» – приободрила Митю сестра, вытаскивая иглу, – «следующий!». Следующим был отец Ростислав. Ему сделали сразу два укола, причём один довольно болезненный, так называемый «горячий», в вену. «Ложись и некоторое время не вставай» – посоветовал ему дед, – «а то голова закружится».

Петру, неподвижно лежавшему в своём углу, снова поставили капельницу. Он попросил сестру поднять его повыше, так как подушка выскочила из-под головы. Сестра не смогла поднять больного, и ему снова помог отец Ростислав. «Сейчас будет завтрак, а потом обход» – сообщил Василий. И точно: послышался звон посуды, и появилась сестра-хозяйка с мисками и ложками в руках: «Кто будет кашу?» «Что за каша?» – осведомился дед. «Геркулес». От каши отказались все, кроме деда. В дополнение к ней полагались два куска хлеба с маслом и чай. Большинство больных имело свои продукты, и теперь обращались с просьбами к Митеньке достать их из холодильника. Отец Ростислав тоже почувствовал аппетит и вынул из пакета, данного матушкой при расставании кусок сыра и лимон. «Не желает ли кто лимончику?» Пожелал Вася. «Эх, лимон хороший, свежий, а чай – бурда, не то, что у нас на подлодке! Я на флоте служил» – добавил он в виде пояснения новичку, – «и на подлодке коком был. Помню, обед старпому в каюту приносил, а у него чай был отменный, как понюхаю, просто «тащусь». Ну ладно, стоим мы как-то на причале «у стенки». Командир со старпомом ушли в город. Я и предложил ребятам: «Хотите командирского чайку отведать?» Они конечно рады. Каюту я ножичком открыл в два счёта. Ещё имелась у меня баночка тушёнки и две пачки галет. Захлопнули мы дверь, что б никто не помешал, расселись вокруг стола и заварил я этот чудесный командирский чай. Напились вволю. Начальства двое суток не появлялось, и чаепитие мы устраивали раза четыре. Потратили где-то половину большой пачки. Ну, думаю, заметит он, что чайного листа – то поубавилось. Что делать? И земляк мой Колька придумал. Взяли мы спитой чай, да и разложили на бумаге. К вечеру второго дня он высох, и мы его обратно в пачку запихнули». «И не увидел?» – поразился Митенька. «Нет. Только, наверное, удивлялся, отчего чай никак не заваривается» – хохотал Васька.

После завтрака в палате появился коренастый, чернявый и бровастый врач-дагестанец Ибрагим Гасанович. «Это вас укусил медведь?» – вопросил он отца Ростислава, остановившись у его кровати и вглядываясь в незнакомое лицо. «Э-э, нет. У меня, знаете ли, сотрясение головного мозга…» – опешил священник. Все загоготали. «Чего смеётесь!» – обиделся доктор, – «Сегодня в

отделение доставили человека, у которого медведь палец откусил». «Так то не он» – пояснил Макс, – «у батюшки все пальцы целы. Тот не у нас». «Где он в Подмосковье нашёл медведя?» – удивился до сих пор молчавший Эдик, когда врач ушёл. «Так, наверное, не дикий, а в клетке» – высказал предположение отец Ростислав, – «сейчас ведь многие устраивают домашние зверинцы». «Это точно» – подал голос Максим, – «В деревне, где у меня дача, один чудик настоящий зоопарк развёл. У него живут: медведь, лев, два страуса, павлин и несколько обезьян. Однажды одна обезьяна убежала и её ловили всей деревней…» «Хорошо, что сбежал не лев, а то бы он ловил всю деревню» – вставил Вася. «Да. Вот подъезжаешь в наши места и видишь: на лугу верблюды пасутся, как в какой-нибудь Монголии. Кто не знает нашего чудака, сразу в осадок выпадает!» «А как медведь мог его укусить?» – задался вопросом Митенька. «Как, как? Небось такой же лопух, вроде тебя, сунул руку между прутьев» – предположил Василий, – «с медведями шутки плохи. Я их навидался…» «Расскажи где, Вася?» «В Арктике. Бывало, всплывём среди льдов, а вот и они – голубчики: один, два, иногда медведица с медвежатами. Раз смотрим: два медвежонка одни – без матери на снегу. Махонькие! Играют друг с другом. Командир мне и говорит: «Вот тебе фотоаппарат. Давай снимай меня с медведями». Ну, схватил он их в охапку, а я давай щёлкать и так и эдак. Потом другие ребята повылезли и галдят: «И мы хотим!» Капитан кричит: «Давайте же быстрее, а то вдруг мать вернётся!» Ну, наснимал я их и сам снялся. Целая пачка фоток была. После дембеля у меня девчонки все растащили…»

4

После обхода отцу Ростиславу назначили перевязку, затем взяли кровь из вены на анализ. «Сотрясение у вас небольшое» – успокоил его врач, – «но всё же, надо полежать хотя бы неделю, это минимум» «Когда же меня выпустят?» «Посмотрим, как пойдёт лечение». Когда священник вернулся в палату, у кровати Петра хлопотала женщина лет 35 с печальным лицом, одетая в белый халат, видимо жена пострадавшего. Быстрыми и сноровистыми движениями она оправляла кровать больного, доставала из сумки принесённые продукты и уговаривала пострадавшего слушать врачей и не вставать: «Ты слышишь? Врач велел соблюдать полную неподвижность. У тебя серьёзная травма – отёк мозга». Пётр что-то мычал в ответ. «Ребята! Присмотрите за ним. Если что, зовите сестру. А я попозже снова зайду».

Выяснилось, что Настя – супруга Петра, работает в этой же больнице медсестрой, только в другом отделении. Несчастье с мужем для неё не было такой уж неожиданностью, ибо он и прежде крепко выпивал. «Получил зарплату и вот…» – причитала она. Оказывается, бесчувственного электрика (Петя работал электриком) подобрали на улице и увезли в вытрезвитель. Только там поняли: человек в коме, и отправили в больницу, где ему собрались делать трепанацию черепа, но Пётр неожиданно раскрыл глаза – пришёл в себя. «Это тебя Бог спас» – твердила жена, – «пойду за тебя свечку в церкви поставлю, а ты соблюдай режим!» Вскоре после ухода супруги Пётр снова попросил есть, так как за завтраком проглотил лишь немного каши. Отец Ростислав вынул для него йогурт из холодильника и покормил с ложечки. «Давай, давай! За папу, за маму!» – пошутил Митенька. «Эх, если б я мог встать, показал бы я тебе, Полущучкин, и маму, и папу, и дедушку с бабушкой!» – прикрикнул на него Макс, – «небось самого не пинали ни разу! Узнал бы, что это такое, враз бы язык прикусил!» «Да-а, салабон! Попал бы ты ко мне на подлодку…!» – присоединился к приятелю Вася, – «у нас такие мухой летали! Чуть что, в рыло!» «А говорят на флоте дедовщины нет» – заметил священник. «Сейчас дедовщина везде» – тоном эксперта сообщил Васька, – «правда, у нас на подлодке порядок был. Там дедовщина в принципе невозможна, а вот на берегу…, но ничего особенно ужасного не случалось: ну помоешь полы вне очереди, подумаешь, ну треснут тебя пару раз по затылку, чтобы двигался быстрее!» «Это не дедовщина» – заметил Максим, – «дедовщина – это когда ты «деду» кровать стелишь и воротнички пришиваешь». «А ты откуда знаешь? Ты ведь в армии не служил, сам говорил!» – вскинулся Эдик. «Это верно. Не служил. Так ведь слухом земля полнится. Друзья мои служили – рассказывали». «А каким образом ты отделался от службы? Из-за судимости?» – поинтересовался отец Ростислав. «Судимость у меня была условная, а потом и её сняли. «Откосил», как водится. Обошлось мне это в 70 тысяч». «Чего?» «Рублей конечно». «Тьфу ты, пропасть! Вот дожили!» – возмутился дед Степан. «Слушай дед, а чего ты возмущаешься? Вы – коммунисты до этого и довели. Сначала армию развалили, потом всю страну…» «Я коммунистом не был» – обиделся старик. «Ну, сочувствовал, ведь это всё равно. Вам в училищах прививали коммунистические идеалы: «пролетарии всех стран соединяйтесь», «народ и партия едины» и прочий бред». «Не вижу в этом ничего плохого. Мы хотя бы во что-то верили. Служили честно. И вообще, в то время не служить в армии считалось позором. На таких косо смотрели…» «Во-во! Косо они смотрели! А что ж тогда вы допустили весь этот бардак:

Ельцина на танке, Гайдара с Чубайсом? Где ж была «многомиллионная армия советских коммунистов»? «Да, действительно» – присоединился священник, – «меня часто занимает вопрос: почему огромная масса коммунистов СССР не поддержала ГКЧП, и почему никто пальцем не шевельнул, чтобы защитить свою НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ?» «Ну, это не совсем верно, что никто защитить не пытался» – возразил Степан, – «был один капитан, который вёл свой батальон в Москву на помощь «гекачепистам», но его не пропустили и он застрелился». «Вот видите! Всего один! А остальные что? Что делали эти маршалы, многочисленные генералы?» «А что офицер или даже генерал, но не из высшего эшелона, может сделать? Ведь в армии всё построено на субординации: приказал – сделал. А тут никто ничего не приказал…» «Вот-вот! Наши вояки привыкли ждать приказа и своего противника боятся меньше, чем своего начальства, но ведь все перевороты и раньше и теперь совершаются военными. Это известно из истории…» «Да, это так, но только не у нас. Военный должен быть вне политики». «В идеале да. Политика не есть удел военных, но на практике все путчи, перевороты и революции возглавлялись офицерами». «Только не у нас». «Вот именно. И имеем, что имеем: «демократию», которая, как сказал классик, «неминуемо превращается в господство подонков».

Подобные перепалки часто возникали в палате, недаром, говорится: где больше трёх русских, там политический клуб. Из этих стычек пятидесятилетний священник вывел, что в большинстве своём молодёжь настроена против коммунистов, но и либералов особо не поддерживает. Дед – в силу своего возраста, не может откреститься от эпохи Брежнева, на которую пришлась его молодость, хотя идейно он и не сторонник прежнего режима, гнилость которого он очень даже сознавал, вследствие чего топил свои недоумения в вине. Все его рассказы и байки начинались со слов «однажды мы с ХУ здорово выпили». Эдик, которому было около сорока, занимал промежуточную позицию. С одной стороны, он любил порассуждать «о новых возможностях для человека при демократии», с другой – защищал и некоторые социалистические принципы, в том числе, с особым упорством, атеизм. Из всей палаты он единственный принял отца Ростислава в штыки и старался затеять с ним спор о вере.

5

Отец Ростислав всячески уклонялся от попыток втянуть его в

полемику, считая её делом неуместным при данных обстоятельствах. И вообще, он давно убедился в бесполезности всяких споров и принимал участие в подобных «состязаниях» лишь с целью защитить свою веру от особо злостных и несправедливых нападений. Однажды один знакомый пригласил его попариться в деревенской баньке. На беду среди гостей оказался некий медик, точнее судебно-медицинский эксперт, с первого момента пристававший к священнику с обвинениями против христианства. Поскольку остальная компания с нетерпением и интересом ждала его реакции, отцу Ростиславу пришлось втянуться в спор. Своими вескими, аргументированными ответами, к тому же выдержанными в спокойном и уверенном тоне, он довёл оппонента, не ожидавшего встретить достойного противника в простом сельском батюшке, до состояния бешенства, буквально до визга и брызгания слюной, так что всем даже стало неловко. Столичный медикус просто не подозревал, что со времён Цельса противники Христа ничего нового придумать не смогли, а на стандартные обвинения есть стандартные контраргументы и все его «хитроумные» обличения и ловушки отцу Ростиславу давно оскомину набили. Помятуя этого несчастного врача, священник долго отмалчивался, приписывая особо обидные высказывания Эдуарда его болезненному состоянию – повреждению черепа. Эдик вообще часто проявлял агрессию. На второй день после прибытия священника Эдик сцепился со старшей медсестрой, которая, по его мнению, сделала ему неудачный укол в вену, в результате чего на внутренней стороне предплечья у него разлилось большое лиловое пятно. Сестра – грубая рыжая толстуха, с маленькими поросячьими злыми глазками и пронзительным голосом, хотя и бесцеремонно обращалась с больными, являлась, тем не менее, умелым специалистом, в чём отец Ростислав впоследствии не раз убеждался на опыте: уколы делала идеально, лучше всех, словно комарик укусил. В случае с Эдуардом она справедливо объявила виноватым его самого, дескать недостаточно долго подержал на месте укола ватку со спиртом. Но больного такое объяснение не удовлетворило. «Чего кричишь своим деревенским голосом!» – завопил он, – «ты здесь не на ферме!» «Я вот тебе покажу «ферму»! – взревела толстуха, – «в коридор переведу!» (далее не для печати). Поскольку в отделении травматологии все палаты частенько бывали заняты, в коридоре стояло несколько кроватей (аварийный запас). «Что-то она злая сегодня. Мужика ей не хватает что ли?» – высказал остроумную гипотезу Васька, когда разъярённая сестра вышла из палаты. «Точно» – поддержал Макс животрепещущую тему, – «она, наверное, ни с кем… последние

полгода, вот и бесится». «О, я вспомнил, где её встречал раньше!» – неожиданно осенило отца Ростислава, – «года два назад меня пригласили соборовать больную как раз в это отделение…» «Что такое «соборовать»? – поинтересовался Митя. «Это такое церковное таинство. Совершается над больными. Его ещё называют елеосвящением. Так вот, та молодая женщина упала с лошади, и у неё был перелом основания черепа. Это, как вы, наверное, знаете, очень страшная травма. Человек может остаться инвалидом на всю жизнь. У этой Анастасии всё лицо было – сплошной синяк и тело так же в кровоподтёках. Она лежала в женской палате, набитой под завязку, поэтому ей поставили дополнительную кровать. Там, как у нас теперь, тоже все были лежачие, в основном с переломами и только одна тётка ходила. Когда появился я, две старухи, лежавшие рядом с Настей, очень обрадовались: «Батюшка пришёл! А не могли бы вы нас тоже пособоровать?» Я конечно согласился. Это обычное дело – идёшь причащать или соборовать одного больного, а за ним просятся и другие. Остальные женщины в палате помалкивали, с любопытством кося глаза в мою сторону (всё-таки не каждый день здесь появлялся священник в облачении) и только ходячая тётка капризным голосом стала выражать неудовольствие: «Это что, он свечи зажигает? Тут и так дышать нечем!» А надо вам сказать, что при соборовании зажигается 7 свечей и ещё одна даётся в руки больному, если он в состоянии её держать. Кроме того, полагается ещё и каждение, но когда я зажёг кадило, сварливая соседка закричала: «Мне душно! Я задыхаюсь!» «А ведь есть такая пословица про чёрта и ладан» – вспомнил внимательно слушавший Макс. «Да, я тоже её вспомнил. И тут моя Настя, которую я неплохо знал раньше как особу добрую и весёлую, с воплем напустилась на ходячую тётку, видимо сказалась травма. На шум примчалась медсестра, вот эта самая толстуха, которую я сейчас узнал, и давай орать на Настю. Меня она, как бы не замечала, и «покрыла» больную таким отборным матом, что мне стало неуютно. Настя тоже не осталась в долгу. Я даже не подозревал, что такие выражения ей известны. Тщетно пытался я успокоить разъярённых женщин. Я говорил, что нельзя так обращаться с больными, ведь у многих из них в результате травмы повреждена психика, но меня никто не слушал. Сестра пригрозила перевести Настю в коридор. Еле-еле все немного успокоились, и мне наскоро удалось завершить таинство. Впоследствии Настин муж сообщил, что старшая медсестра выполнила свою угрозу и перевела её в коридор, где, согласитесь, тяжело больному гораздо труднее – шумно и беспокойно. Эта сестра – умелый специалист, но человек неважный. Таким не

место в медицине. В ней жалости нет».

«Жалости, жалости!» – неожиданно передразнил священника Эдуард. «Вот вы – духовенство всё толкуете про жалость, про милосердие, а сами то!» «А что сами?» – спокойно переспросил отец Ростислав. «А то! Гляжу я на вас, вот вроде вы Петру помогаете: то постельку ему поправите, то попить дадите. А для чего? Для чего? Всё перед нами рисуетесь: вот, дескать, я какой милосердный! А Бог за это мне глядишь и подаст!» «Эй ты, Эдик…» – начал, было, Василий, но священник остановил его жестом руки. «Да-да, так сказать, батюшка, послушайте о себе правду-матку, а то со времён социализма вы ни разу её не слышали! Я уже давно о вас – духовенстве то есть, и о вашей Церкви размышляю. Всё правильно: человек должен во что-то верить, иначе будет всеобщий бардак. Вот до революции вы – попы всем и заправляли, но пришли коммунисты и эту власть у вас перехватили, а вас – сердешных, эх-хе-хе, в тюрьмы, в лагеря… Но теперь вы снова всплыли и опять хотите всеми управлять. А что за этим стоит? Как за любой властью – деньги и только деньги! «Я за тебя помолюсь, а ты за это плати». И играете вы все на страхе. Человек (любой человек) боится смерти, боится несчастья, особенно с близкими. А вы этот страх эксплуатируете. Для этого и будущую жизнь придумали. Дескать, тебе здесь плохо, зато ТАМ будет хорошо. Не верю, не верю, что ТАМ будет лучше или хуже! ТАМ не будет НИЧЕГО и вы сами это знаете и обманываете народ». Выговаривая последнюю фразу, Эдик приподнялся на локте. Лицо его исказилось, и глаза излучали ненависть.

«Видите ли, Эдуард» – начал священник после нескольких неловких секунд молчания, вызванных неожиданной резкостью тона оппонента, – «обвинения ваши не новы. Я их слышал неоднократно. Что касается слов, обращённых к моей персоне лично, думайте, что хотите. По-моему, очень естественно подать лежачему больному кружку воды. Так поступают все нормальные люди вне зависимости от религиозных убеждений. Вы бы тоже это сделали, если б находились поближе и могли ходить. К тому же, Петру помогаю не только я. Вон Митя, хоть и с одной рукой, то и дело оказывает ему разные услуги, да и все прочие тоже. И даже Максим, хотя его подвижность ограничена, нет-нет, да и подаст Петру что-нибудь или хотя бы сестру позовёт, когда в капельнице бутылка опорожнится. Относительно прочего скажу так: религиозное чувство присуще большинству людей. Религия была даже у неандертальцев, это научно доказанный факт. Отсутствие же религиозного чувства – своего рода духовная неразвитость, присущая некоторым людям. Она не так уж часто встречается. Вот

почему среди людей, особенно русских, не так уж много настоящих атеистов. И даже Степан, которого вы все укоряете в симпатии к коммунизму, не атеист, ведь верно, дед?» Старик, молча, кивнул головой.

6

«А-а, про неандертальцев вспомнили!» – снова завёлся Эдик, – «так, значит, вы признаёте, что сначала были неандертальцы, а от них произошли кроманьонцы. С наукой не поспоришь!» «Религия с наукой не спорит. Они лежат в разных плоскостях. Наука изучает окружающий мир, а религия…» «А всё равно, без науки никуда! Вот теперь об эволюции заговорили». «Я пока не говорил об эволюции, но раз вы сами об этом начали… Я не считаю, что кроманьонцы произошли от неандертальцев». «Это, на каком же основании?» «А на том, которое даёт ваша хваленая наука – установлено, что индекс мозга неандертальца равен индексу кроманьонца, то есть их умственное развитие было одинаковым, да и жили они на земле одновременно, по крайней мере, в какой-то период истории». «Но до этого были питекантропы, синантропы, гельдербегский человек…» «А кто поручится, что они не были просто обезьянами?» «Как кто? А Дарвин! Другие учёные более позднего времени!» «Дарвин свою теорию эволюции к человеку не применял». «Как это не применял! С него всё и началось. Он и доказал, что библейские легенды ничего общего с научными данными не имеют». «Вы Эдик совершенно напрасно стараетесь представить Дарвина атеистом и безбожником. Он был осторожен в своих высказываниях, возможно считая эволюцию элементом промысла Божия. Не знаю, я не настолько подробно знаком с его творчеством и биографией, но могу утверждать, что первым «обезьянью теорию» выдвинул не Дарвин, а Эрнест Геккель, был такой деятель от науки. Именно он пристегнул теорию эволюции к происхождению человека. Эта гипотеза вызвала массу возражений и возмущение многих, в том числе целого ряда учёных – естествоиспытателей». «Назовите хотя бы одного!» «Пожалуйста: Жан Анри Фабр – французский энтомолог. Он в принципе отрицал теорию эволюции. А вообще среди учёных всех времён очень много верующих людей». «Как и неверующих». «Правда, есть и такие, но давно известно: малое знание удаляет от Бога, а большое – приближает к Нему». «Всё это ничего не доказывает. Доказать бытие Бога невозможно». «Такие доказательства есть, но вряд ли они убедят людей, подобных вам, Эдуард». «Это точно. Я во всём должен убедиться сам. Но скажу

всем: сейчас к религии просто подогрелся интерес. Раньше запрещали об этом говорить, а теперь, пожалуйста – запретный плод сладок. И всё равно, у вас в церквах одни старухи. О смерти думают, вот и молятся, грехи молодости отмаливают». «Ну, не только старухи. У меня на приходе, например, и мужчин много, и молодёжь захаживает». «Да, молодёжь! Ей бы только ширнуться, выпить, погулять, кайф поймать!»

Отчасти это было правдой. С удивление и грустью отец Ростислав видел, как его молодым товарищам по несчастью родные и друзья постоянно протаскивали спиртное, в особенности Максу. Сначала появились его коллеги по работе (он трудился в какой-то частной фирме, являясь её совладельцем и, видимо, не последним человеком) с пятилитровой канистрой вина. Затем явились родители с бутылкой водки и, наконец, дружки – приятели приволокли пять бутылок пива. Максим наклюкался. Напились и его дружки, а также Василий с дедом Степаном. Макс врубил свой ноутбук и в палате раздалась разудалая попса, правда, поначалу, терпимого образца – 70-80-х годов. Отец Ростислав даже вспомнил некоторые мелодии своей юности с чувством, похожим на ностальгию. Но затем подвыпившие парни переключились на другой жанр. К счастью, звучал не тяжёлый или едкий рок, которого священник не выносил, а песенки совершенно определённого типа:

«Вот умру я, умру,
похоронят меня.
На могиле моей
Расцветёт конопля.
Наркоманы придут,
Коноплю соберут» и т. д.

Или:

«… и нас уносит от земли
чудесный запах анаши».

Даже безобидная на первый взгляд песенка «Я маленькая лошадка» по разъяснению Василия – песня наркокурьера:

«Я маленькая лошадка
и мне живётся не сладко.
Мне тяжело нести свою ношу
И скоро я её брошу».

«Ноша», оказывается, вполне конкретная – наркотик. Говорить и доказывать, что анаша, иначе марихуана, страшно вредная штука, было бесполезно. «Почему же её «урюки» всё время употребляют и ничего?» – возражал Макс. Священник не спорил, но ясно видел, что все благие намерения, все хорошие качества души, присущие его новым знакомым, утонут в этом море «дури». Ведь как назвали то: «дурь»! Она и есть дурь! И вот это зелье, или на наркоманском сленге «план» теперь по статистике хотя бы раз в жизни попробовал каждый третий (!) московский школьник. Отец Ростислав вспоминал высказывание одного крупного чина из американской полиции: «Преступность в стране такая, какой её допускают власти». Стало быть нынешняя власть НЕ ХОЧЕТ победить наркоторговлю. Если бы хотела, она вполне в состоянии это сделать. Ведь не постеснялась посреди столицы на глазах у всех расстрелять оппозицию! А теперь, что ждать от такой обкуренной молодёжи? Можно ли от неё требовать не подвига, нет, хотя бы просто нормального существования, семейных отношений, плодов труда, воспитания детей? А ведь добрые порывы есть. Когда Петру полегчало, он заявил, что пред своим несчастьем он уже побывал здесь, в этом отделении, когда приходил навестить знакомого. Его товарищ по работе (украинец из-под Винницы) приехал сюда на заработки, оставив на родине жену и маленького ребёнка. На Новый год хохол напился, упал на улице и обморозился. Ему ампутировали руки и ноги. Он лежит в больнице уже больше года. Никто с родины не едет забирать его, никому он не нужен. Сейчас больничное начальство ведёт переговоры о передаче этого Ивана в дом инвалидов, ведь не выбросишь, в самом деле, человека на улицу! Как только Максим услышал эту душераздирающую повесть, он, справившись у Петра, где лежит несчастный хохол, отправил к нему своего дружка с пакетом гостинцев и некоторой суммой денег, причём сделал это просто, быстро и без всякой аффектации. Другие обитатели палаты тоже скинулись в пользу пострадавшего.

К Петру пришла жена с младшей дочерью – трёхлетней девчушкой. Это было очаровательное голубоглазое существо с розовым личиком и косичкой, в которую вплели цветные ниточки. «Поди Дашенька, поговори с батюшкой» – направила мать девочку, приступая к обычным заботам о супруге. Девчушка доверчиво приблизилась к священнику. «Тебя Дашей зовут?» «Да, а вы батюска?» Она смешно шепелявила. Степан пошевелился на койке. «Дед Мороз!» – показывая пальчиком на старика,

вскричала Даша. «Да, это Дед Мороз. Вот видишь: ножку сломал» – подыграл отец Ростислав. «Батюска, а почему Дед Мороз курит?» – удивилась малышка, наблюдая, как старик вытянул из пачки неизменную сигарету и засмолил её. «Ты что, дед, опомнись! При ребёнке не курят!» – прикрикнул Василий. Степан, смущённо крякнув, поспешно загасил сигарету о спинку кровати. «Сразу видно: у деда внуков нет!» – заявил Макс. «Да вот, всё нет. Сын никак не женится» – вздохнул Степан. Звонкая трель мобильника прервала беседу. Василий приложил телефон к уху. По-видимому, звонила его жена из Москвы (Василий был москвичом). «Что? У Поросёнка 39 градусов? Как же так? Лечите его! Да, скажи: папа приедет, как только ножка заживёт. Да, поцелуй его в пятачок! У сына ложный круп, высокая температура, а я здесь валяюсь» – потерянным голосом сообщил Вася, – помочь ничем не могу. Что делать?» «Помочь можешь» – возразил священник. «Как?» «Помолись за него. Отцовская молитва сильна». «Я не умею. Помолитесь вы за меня». «Я это сделаю, конечно, но и ты потрудись. Молись своими словами, как умеешь, и Бог услышит тебя». Вероятно, Вася последовал совету, ибо некоторое время пролежал неподвижно и молча. Молчали и остальные, даже ребёнок. «Даша, пойди, пожалей папу» – отослал девочку к отцу священник. Пётр лежал на прибранной руками жены кровати и из его глаз сочились слёзы. «Папа, бедненький, не плачь» – пролепетала девчушка, поглаживая отца по татуированной руке, покрытой синяками. «Ничего Пётр, поправишься» – уговаривал его отец Ростислав, – «а то расстроишь только своих женщин». «Ничего, пусть поплачет. Всех довёл своим пьянством!» – вскричала жена, – «прямо здесь обещай мне при ребёнке, что пить не будешь!» Пётр с ходу дал обещание. Священник знал, что пьяницы легко обещают и также легко отступают от своих клятв, хотя сами тому не рады. Сколько он повидал таких петров на своём веку за годы служения! Беда, беда всероссийская, беда безысходная! Доколе Ты – Господи будешь терпеть нас?

P.S.

Уже выйдя из больницы, через некоторое время отец Ростислав узнал, что несмотря на строгий запрет, Пётр выпил стакан водки, поднесённый соседями по палате, и в результате скончался в реанимации. Не помогла даже трепанация черепа.

Май 2008

В КАНУН БОГОЯВЛЕНИЯ

Праздник Богоявления, иначе Крещения Господня для отца Ростислава Потёмкина всегда был желанным, ожидаемым, но очень напряжённым днём. Подготовка к празднику начиналась за два дня и включала великое множество всяких хлопот и трудностей, которые знакомы всякому деревенскому священнику и почти неведомы городскому. Начать с того, что водопровода в селе не имелось. Были скважины (в том числе и рядом с храмом) с технической водой, которую пить нельзя. Для питья воду брали из двух колодцев, ближайший из которых отстоял от церкви за триста метров. Вода отличалась отменным качеством, чистотой, прозрачностью и особым вкусом, так что многие прихожане набирали её домой. При обычных условиях на приходские нужды расходовалось не более пятнадцати литров в день, но в сочельник и на Крещение для великого освящения требовалось 7–8 тонн воды и доставка её всегда превращалась в проблему. Вот почему настоятель заранее готовился к знаменательному дню, чтобы празднование проходило торжественно, благочинно, без суеты и все оставались довольны, чтобы всем желающим воды хватило. Для этого алтарник Володя – плотник и владелец автомобильного прицепа «тонника» выкраивал свободное время, откладывал, фигурально выражаясь, топор и долото в сторону и рано утром прикатывал на своей старой «девятке» к храму. В прицеп нагружали сорокалитровые бидоны, в которые в колхозные времена набирали молоко. Помимо собственно церковных, тут были бидоны, взятые напрокат у прихожан, всего штук 12. Осторожно пятясь и виртуозно управляя автомобилем, Володя выезжал из узких церковных ворот на шоссе, разворачивался и лихо подруливал к колодцу, где уже ждали батюшка с истопником Алексеем, погрузившим в колодец насос «Малыш», снабжённый шлангом, электрическим шнуром, верёвкой и со всеми прочими принадлежностями для забора воды. Подпитываться электричеством приходилось в ближайшей избе у братьев Матроскиных, пожилых сильно пьющих мужиков, могильщиков с ближайшего кладбища. Этих Матроскиных отец Ростислав знал уже много лет. Не раз они оказывали священнику разнообразную помощь, и батюшка всегда говорил, что если б не их прискорбное пристрастие, цены бы им не было, ибо, как все русские деревенские люди, братья были мастерами на все руки. Первое знакомство произошло, когда отец Ростислав, придя с ведром по воду для чая, благополучно утопил его в колодце, так как по неопытности плохо прикрепил цепь к дужке. Обратился за

помощью в ближайший дом. Появился старший из братьев Виктор и с помощью «кошки» выудил злополучное ведро. Вот и теперь Матроскины крутились рядом, помогая делом и словом, порою споря и изредка соглашаясь с мнением истопника и Володи. Мотор работал целую минуту, но вода не шла. «Что-то не так» – констатировал Володя. «Погоди, ещё рано» – отозвался Виктор Матроскин, – «тут глубина 17 метров, пока она добежит!» Но воды всё не было. «Выключай!» – скомандовал Володя. Повторная попытка принесла те же результаты. Посовещавшись, решили, что виной всему ледяная пробка либо в насосе, либо в шланге, что неудивительно при 20-и градусах мороза. Извлечь её можно лишь в тёплом помещении. Володя с Виктором удалились в избу Матроскиных вместе с мотором и шлангом. Остальные решили качать воду вручную ведром. Заскрипел ворот, начала разматываться цепь, ведро громко шлёпнуло о поверхность воды. Выждав секунду, Алексей закрутил ворот в обратную сторону, ведро медленно поползло наверх. Когда оно приблизилось к жерлу колодца, истопник протянул руку к дужке, чтобы поставить ведро на специальную полку… «Что это?» Батюшка резко обернулся на крик Алексея: за край ведра уцепилось какое-то странное существо, мокрое, голое и безобразное на вид. Истопник в испуге отпрянул назад, Иван – Матроскин младший замер в оцепенении: «Свят, свят, свят!» «Да ведь это кожан!» успокоил присутствующих отец Ростислав. «Кто?» «Кожан. Летучая мышь. Он зимует в колодце». «Ой, а я- то подумал…» – вплеснул руками Алексей. «Ну что ты подумал? Надо же летучим мышам где-то зимовать. А внутри колодца, наверное, тепло. Я, правда, тоже не ожидал, что кожан выберет такое странное место, но наверное это обычное дело и нам он ничем не повредит. Давайте-ка выливать ведро в бадью и опускать следующее». «До чего же страшная тварь!» – отплёвывался Алексей, – «я и знать не знал, что они у нас водятся!»

Минут через двадцать наладили насос и дело пошло быстрее. Наполненные бидоны Володя повёз к церкви. Пока он там разворачивался, остальные тоже поспешили к храму. Теперь предстояло таскать наполненные бидоны внутрь и выливать в двухсотлитровые бочки, которые в количестве пяти штук, вычищенные и вымытые, красовались посередине церкви. «Едем заливать следующую партию» – заявил Володя, забросив в прицеп последний опорожненный бидон. На полу в церкви образовалась мокрая дорожка от дверей к бочкам. Уборщицы Галя и Лида протёрли её швабрами. Снова заработал насос. Бадьи споро наполнялись водой. «Вот теперь дело налаживается» – отметил Володя, – «страшна не работа, страшна подготовка. Главное – всё

наладить». Когда в бочки залили вторую порцию из бидонов, выяснилось, что вода не очень чистая. «Как это может быть?» – недоумевал отец Ростислав, – «ведь всегда берём и она, словно хрустальная: чистая и прозрачная, а сейчас, как будто ржавая!» «Это не ржавчина, а мелкий песок, взвесь» – пояснил Володя, – «должно быть насос своей вибрацией поднял муть со дна». «Что же делать? Такую воду нельзя раздавать людям». «Давайте пропустим её через простыню» – нашлась уборщица Галя. Сказано – сделано. Надели на бочку простыню и стали процеживать. Вода очистилась, а на белой ткани нарисовалось светло-коричневое пятно. Фильтрация затянула процесс, на качество воды улучшилось на глазах.

Только, когда заполнили все бочки, обратили внимание, что одна из них дала течь: вокруг медленно растекалась лужа. Стало ясно, что до утра вся вода окажется на полу. Бочку опорожнили, разлив содержимое по бадьям и бидонам. К этому моменту все вымотались, облились водой, замерзающей на морозе, а пол в храме загрязнился и покрылся лужами. Галя и Лида елозили швабрами и выжимали грязные тряпки в вёдра, вычищая храм к вечерней службе – не только мужчинам, женщинам тоже приходилось нелегко, однако никто не жаловался. Снова отец Ростислав порадовался своему правильному выбору: вокруг себя он собрал людей преданных храму и приходу. Все они, имея множество собственных проблем, забот, а многие и скорбей, помогают ему, не жалея сил и времени, сознавая, что трудятся ради Господа, ради Его праздника и ради Его церкви, в которой они получают облегчение и отдохновение, которые, и они знают об этом по опыту, нигде больше не получат, ибо Он – Податель всех благ, незримо присутствует здесь в этом маленьком деревенском храме, скромном и простом, лишённом блеска и великолепия, но славном своей историей и своими святынями, которым поклонялись их деды и отцы.

Январь 2010

ВЕЛИКИЕ ДНИ

Яркое, но слабо греющее апрельское солнце залило церковный двор, приветливо сверкнув на куполах храма озорным лучиком и озарив покрашенную ослепительно белой краской кирпичную кладку с осыпавшейся кое-где штукатуркой. Из-под неё выглядывали оранжевыми пятнами фрагменты кирпичей, словно язвы на теле. Особенно много подобных мелких «ран» имела колокольня, обдуваемая ветрами и омываемая дождями со всех сторон и более уязвимая, чем другие части здания из-за своей высоты. Отец Ростислав Потёмкин сокрушённо оглядывал эти симптомы разрушения и со смятением вновь осознал, что грядёт ремонт, очередной ремонт церкви и связанный с ним мучительный поиск денежных средств. Наружный ремонт приходилось делать каждые пять лет – больше краска не выдерживала. Внутренняя реставрация требовалась несколько реже – лет через семь, но она более сложна и дорога. Однако, усилием воли он постарался отключиться от невесёлых дум. Ещё будет время подумать о штукатурке и краске, о малярах и верхолазах, а сейчас Страстная седмица, особые дни, впереди Пасха. Вот на этом и следует сосредоточиться. Сегодня за утренним богослужением присутствовало довольно много прихожан, потому что вспоминается Тайная Вечеря и установление таинства Евхаристии. Об этом событии он всегда рассказывает своим пасомым и многие из них стараются причаститься Святых Таин в этот день. Правда, пришли большей частью пенсионеры. Что поделаешь – рабочий день. Эх, в старину было замечательно: Страстная – не рабочая и вся Светлая тоже! Люди молились, праздновали и всё успевали. Хорошо бы нынешние власти убавили число выходных на Новый год и перенесли их на пасхальные дни. Может, когда-нибудь снова будет так, а пока уже и то отрадно, что Рождество Христово нерабочий день. Впрочем, двое из его алтарников – добровольцев отпросились с работы (специально копили отгулы) и пришли помогать батюшке. Без них пришлось бы тяжко, ведь только исповедь заняла у священника целый час времени. Они молодцы – его помощники-мужчины. Среди них представители разных профессий, сословий и состояний, но все благочестивы и усердны к храму, помогая отцу Ростиславу во всём, сообразно своим умениям и доходам. Ещё у него хороший помощник Владик-Владислав, официально имеющий статус приходского истопника, но на деле «палочка-выручалочка» настоятеля. Требуется ли убрать мусор во дворе, привезти питьевой воды или покрасить

калитку – всё он, Владик. А ещё у него имеется собственная машина, недорогая иномарка и истопник возит на ней не только старушек на службу в храм, но и бесконечные отчёты, письменные распоряжения от начальства, счета и прочую макулатуру в различные государственные и вышестоящие церковные организации. Если б не Владик, настоятель был бы просто погребён под этой грудой никчёмных бумаг, отравляющих жизнь современному духовенству. На досуге истопник и в алтаре успевает помочь, особенно, когда другие алтарники отсутствуют. Хорошо, что теперь в церковь провели газ, а то раньше топились углём, и забот и хлопот у истопника стало много меньше. Ныне в храме тепло, температура ровная, почти всегда одинаковая, что благотворно сказывается на сохранности церковной росписи, а священник и певчие больше не простужаются.

Как любит отец Ростислав эти службы на Страстной! Вот прозвучала мирная ектения и он, одетый в чёрное облачение, открывает Царские врата и начинает каждение под красивейший тропарь «Егда славнии ученицы…» Певчие выводят тропарь медленно и слегка приглушённо. Нежные девичьи голоса (у отца Ростислава на клиросе только молодёжь) умиленно звучат в благоговейной тишине. Он кадит церковь, обходя её изнутри по периметру. Размеренно и плавно, в такт пению двигается крупная фигура священника, ни одного резкого движения или поворота не в такт. Он кадит иконы и прихожан, которые, одетые в основном в чёрное, в благоговении склоняют головы и проникаются торжественностью момента. Он знает их всех. Проходит мимо, согласно иерейской практике, не вглядываясь в лица, но чувствуя их рядом и ощущая общую молитвенную настроенность. Две его помощницы за кассой (ящиком) в чёрных платочках тоже склоняют головы в поклоне, когда священник проходит мимо. Он выбирал их из общей массы прихожан долго и тщательно, выбирал из всего прихода и не ошибся: они честны, благочестивы, терпеливы и кротки. Больше всего человеку, стоящему за церковной кассой, требуется именно терпение. А Анна и Зинаида оправдали его ожидания: никогда не возмущаются и никогда не грубят, что бы им не заявили прихожане, среди которых попадаются всякие, в том числе психические больные, старчески слабоумные и просто склочные. Бросив быстрый взгляд на «ящик», настоятель замечает вывешенное объявление о сборах на украшение Плащаницы. Молодцы помощницы, вспомнили и об этом! Ведь завтра днём вынос Святой Плащаницы, а вечером чин Погребения. Он заканчивает каждение и возвращается в алтарь для чтения Евангелия. Оно сегодня длинное, поэтому читается в более быстром темпе, чем обычно: «Приближашеся праздник

опреснок…» Гулко разносится голос священника в торжественном молчании храма. Прихожане слушают, склонив головы.

И вот служба окончена. Отец Ростислав пьёт чай вместе с певчими. До вечера все свободны. Он выносит стульчик во двор и слушает трели только что прилетевших скворцов, перебиваемые не менее звонкими песенками синиц. С озера за деревней ещё не сошёл лёд, но уже слышны истошные крики чаек и белые узкие крылья мелькают в ясном апрельском небе. Хорошо! Должно быть, скоро полетят гуси и утки, а кладбищенская роща позади храма зазвенит песнями зябликов и овсянок. Он на этом приходе уже 15 лет и каждый год переживает это весеннее обновление, связанное с Великим Праздником, по-новому, словно в первый раз. А до того? Сколько уже было этих празднований за его 50-летнюю жизнь! Отец Ростислав помнит, как маленьким ребёнком, держа мать за руку, он так же приходил в уединённый храм в их маленьком провинциальном городе, где старенький настоятель читал именно это же Евангелие. Он даже помнит его слабый голос и умилительную мягкость произношения. Открытых храмов в 1950-е годы оставалось ничтожно мало и их церковь была полна, но дети в ней отсутствовали. Водить их в храмы не разрешали. Он был исключением оттого, что его мама была особенного религиозного настроя. А он тогда и не думал, что станет священником… Как страшно и мерзко вела себя ТА власть по отношению к собственному народу! Ведь она лишила его единственного источника духовной силы, питавшего столетиями русскую душу! Куда бежать в несчастье, где искать ВЫСШЕЙ справедливости, к кому припасть в горе, если храма нет и туда идти ЗАПРЕЩАЕТСЯ? И сколько таких храмов-духовных прибежищ для миллионов верующих было уничтожено безбожной властью, у которой до сих пор множество адептов, с пеной у рта поносящих духовенство и церковь, а иногда и самого Бога! Почему? За что? За что ненавидели кроткого Иисуса иудеи? Разве Он сделал плохое кому-либо? Но даже через столетия после Его распятия всё так же ненавидят Его последователей и выливают на них ушаты грязи: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел» (Ин.15,18).

Весенний день постепенно меркнет. Солнечные лучи утрачивают яркость. Дело клонится к вечеру. Скоро начнётся служба 12 Евангелий. Отец Ростислав встаёт со стула. Он отдохнул на воздухе и набрался сил для нового служения. Убирая стул в сторожку, он вдруг вспомнил, как на его первом приходе одна интеллигентная старушка, обращаясь к настоятелю, вопрошала: «Батюшка, когда же будет служба 12-и разбойников? Предупредите меня, пожалуйста!» «Иду служить «службу 12-и

разбойников» – улыбаясь, подумал он.

На середину храма поставлен аналой, на который полагается тяжёлое, обложенное серебром, богослужебное Евангелие. Молящиеся зажигают свечи, с которыми стоят во время чтения евангелий. В промежутках свечи гасят и отец Ростислав снова вспоминает, как в детстве делал маленькие зарубочки на свечке по числу прочитанных евангелий и, после чтения последнего двенадцатого евангелия свечку уже не гасили и шли с ней из церкви до самого дома, прикрывая слабый язычок пламени от порывов ветра. На этой службе у него стоит мало народа, так как прихожане подустали. Пришли лишь самые стойкие и верные. К такому явлению отец Владислав привык. Теперь храмов много, почитай в каждом посёлке есть, а верующих всё ещё недостаточно. Сказано: «Не бойся малое стадо» (Лк.12,32). Опять-таки ему многие высказывали сожаление, что не в состоянии посещать храм в рабочие дни, хотя весьма бы этого желали. Вся трагедия последних дней земной жизни Спасителя вспоминается в этом богослужении, которое и носит название «Последование Святых и спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа». В детстве отцу Ростиславу было тяжело выстаивать всю эту продолжительную службу. Он тогда слабо понимал продолжительное чтение на церковнославянском языке, хотя мама объясняла ему её смысл. Ноги и спина начинали сначала ныть, потом болеть, духота, гарь от свечей и лампад, казались невыносимыми и хотелось, чтобы всё поскорее кончилось. Став старше, он стал вслушиваться в чтение этих фрагментов из Божественного Откровения и научился его понимать: шествие Господа на гору Елеонскую с учениками, моление о Чаше, предательство Иуды, взятие под стражу, суд Каиафы, отречение Петра, Христос перед Пилатом, казнь на Голгофе. Боль в спине и ногах пропала. Она словно перестала существовать, настолько захватывало содержание этих удивительных повествований, где в выражениях простых, ясных и одновременно сильных своею особой скупою выразительностью вырисовывалась картина самого трагичного события в истории человечества – непризнания и убийства Бога. Он замечал и сравнивал, как евангелисты, описывая одни и те же эпизоды, дополняли их новыми подробностями, наполнявшими картины прошлого пронзительным реализмом очевидцев, как ссылались на ветхозаветных пророков, предсказавших предательство и казнь Богочеловека до мельчайших деталей. Теперь, когда он сам, лично читал все 12 Евангелий, время для него совершенно отступало и переставало существовать. Казалось, долгая служба проходила незаметно.

После окончания отец Ростислав с помощью алтарников приготовился к завтрашнему богослужению: с гробницы, стоящей в левом углу храма, сняли стеклянный саркофаг, из-под которого настоятель извлёк Плащаницу, а саму гробницу перетащили на середину церкви перед алтарём, что потребовало немалых физических усилий, так как старинная гробница отличалась монументальностью. Он заглянул в конверт, куда складывали пожертвования на украшение Плащаницы и обнаружил в нём 3000 рублей. Этого должно хватить. Цветы заказаны на завтра в маленьком магазинчике в соседнем городке. Это белые хризантемы, которые поставят в вазы, а поверхность плащаницы покроют гирляндой из белых же гвоздик. Потом священник покропит плащаницу розовым маслом. Давно известно, что запахи пробуждают воспоминания. Аромат розового масла всегда напоминает далёкое детство и частичка того безмятежного ребячьего счастья снова оживает в душе, хотя она и не в состоянии полностью сбросить с души бремя забот и горечь скорбей, накопившихся за долгие годы.

На следующее утро в храме читаются Царские Часы, а в 14 часов служится Вечерня с выносом плащаницы, которую полагают посреди церкви на гробнице и украшают цветами. Затем двухчасовой перерыв и чин Погребения. В перерыве между службами отца Ростислава вызвали на требу в психиатрическую больницу, расположенную в пяти километрах от его храма. Он посещал больницу и раньше, и это всегда было тяжёлым испытанием. На этот раз пришлось исповедовать и причащать его прихожанку, которая с убийственной закономерностью ежегодно попадала сюда на излечение. Она не буйная и достаточно адекватная для принятия Таинства, но священник знает по опыту, что найдутся и другие желающие причаститься и придётся разбираться, кого допустить, а кого и нет. Персонал больницы его знает и даже сторож у ворот беспрепятственно пропускает «девятку» батюшки на территорию больницы. У входа в корпус отца Ростислава встречает тощий парень лет 20-и с оттопыренной нижней губой, с которой капает слюна, заливая наброшенную поверх вылинялой рубахи куртку. При виде священника парень начинает размахивать руками, издавая нечленораздельные звуки. Отец Ростислав, минуя мужское отделение, проходит в женское, где его ждут. По ту сторону коридора, у самого косяка сидит старуха с плоским морщинистым лицом, с палкой в руке в пластиковых бахилах поверх поношенных ботиков. «Мужчина!» – хрипло визжит она, – «не видите что ли? Написано: «Без бахил не входить!» и тычет корявым пальцем в рамку с объявлением, висящую на двери. Отец Ростислав, молча, проходит мимо.

«Старый дурак!» – несётся ему в спину. Он не обращает внимания, давно привыкнув к подобным сценам. Перед входом в палату номер три его хватает за рукав рясы молодая и довольно миловидная, несмотря на мертвенную бледность лица, женщина: «Батюшка, постойте. Я должна вам сказать…» «Здравствуй Людмила. Как себя чувствуешь?» – отзывается священник. «Батюшка, я должна признаться… Мы с этим кзёнзом жили, как муж и жена…» «Не выдумывай Людмила. Я знаю, что этого не было» «Вы уверены?» «Совершенно. Приходи попозже, когда причащу Катю, и я поговорю с тобой». «А вы причастите меня?» «Посмотрим. Если будешь нести такую чушь, как в прошлый раз, причащение придётся отложить». «Я не буду». «То-то!» Вот так каждый раз. Отец Ростислав выполняет всё, что полагается и возвращается на приход. Там его уже ожидают прихожане, собравшиеся для чина Погребения, службы уникальной, как все богослужения Страстной седмицы, совершаемый вечером Великого Пятка, накануне Великой Субботы. Если Великий пост считается превыше всех остальных дней года, то Страстная седмица, по греческим комментариям, выше и Четыредесятницы, а Великая Суббота – самый великий день Страстной. Ибо при сотворении мира Бог создал человека в шестой день, а в седьмой почил от всех дел Своих и назвал его «субботой», (греч. Покой). Св. Отцы проводят параллель между днями творения и Страстной седмицей. Таким образом, в шестой день (пятницу) Господь воссоздал падшего человека Своей крестной смертью, а в седьмой (субботу) упокоился совершенным сном, в течение которого пребывал во гробе плотью, а душой во аде, откуда вывел души праведников, в раю – с благоразумным разбойником и на Престоле со Отцом и Духом Святым. Всё служение Великой Субботы наполнено противоречивыми чувствами скорби и утешения, горя и радости, сокрушения и ликования, а завершается оно крестным ходом с Плащаницей вокруг храма.

Отец Ростислав служил один. Когда отсутствуют помощники – другие священнослужители, Плащаницу берёт сам настоятель и идёт крестным путём, держа её над головой. Однако местный обычай несколько видоизменил это правило. Плащаница укладывалась на лёгкий деревянный настил с пазами, в которые вставлялись четыре штыря, удерживаемые над головой священника четырьмя носильщиками. Таким образом, у батюшки освобождались руки и он мог нести напрестольное Евангелие. К счастью, на этот раз носильщиками оказались мужчины, потому что в их отсутствие женщинам нести Плащаницу гораздо труднее. По поводу местных обычаев отец Ростислав частенько вспоминал рассказ своего одноклассника по семинарии, который служил где-

то под Сызранью. Послали его как-то на Пасху помочь одному старому деревенскому батюшке. Перед ночным крестным ходом настоятель говорит новоявленному помощнику: «Чтобы не случилось, не удивляйся и не пугайся». Крайне заинтригованный таким предупреждением, новичок гадает, что же будет. К 12 часам ночи все выстроились для крестного хода. И тут неожиданно обоих священников подхватывают на плечи по четыре здоровенных мужика и тащат их «дориносима» вокруг храма. Причём все мужики – особо уважаемые прихожане, разодетые по-праздничному в свои лучшие костюмы. Позже старый настоятель рассказывал, что когда его таким образом подхватили в первый раз, он решил, что его утопят в Волге, на берегу которой стоит храм, и минуты его сочтены.

Насколько велик день Страстной Субботы, настолько он и труден для священника. День особый, необычайно напряжённый и радостный. Служба особая, исключительная, протяжённая, сопровождаемая наплывом народа, потому что после Литургии святого Василия Великого начинается освящение куличей. Немало людей также желают причаститься в Великую Субботу и их надо исповедовать. В 5 часов 30 минут отец Ростислав уже был на ногах. Накануне он велел выставить в конце храма все наличные столы и лавки, чтобы разместить на них куличи и пасхи. К обычным жёлтым свечам добавили красные пасхальные, специально для освящения. Посередине службы, после чтения Апостола чёрные облачения и покровы меняются на белые, а перед ночной пасхальной службой – на красные. Он убедился, что трудолюбивая Зинаида всё приготовила заранее: две аккуратные стопки белых и красных покровов возвышались на специальном столике. Церковь открыли на час раньше обычного и сразу появились первые прихожане с полотняными узелками, в которых приносятся куличи, пасхи и крашеные яйца. Перед началом богослужения желающих исповедаться собралось не меньше полусотни, а мест для куличей явно не хватало. Пришлось пустить в дело скамейки из трапезной, задрапировав их белым материалом. «Вот если б на каждую службу так!» – размечтался отец Ростислав, – «а то многие появляются у меня раз в году».

Во время чтения 15 паремий он вышел на исповедь и еле уложился по времени. Хорошо ещё, что новичков, требующих особенного внимания священника, на этот раз оказалось немного. В основном исповедовались хорошо ему знакомые постоянные прихожане, которых удавалось отпускать быстро. В воздухе носились пряные ароматы скоромной снеди, мешавшиеся с запахом ладана, розового масла и кем-то принёсённых чудесных белых лилий. За «ящиком» шла оживлённая торговля. Анна и

Зинаида имели жалкий переутомлённый вид, принимая записки и раздавая свечи. Пришлось взять двух помощниц. «Батюшка!» – жалобным голосом позвала Анна, когда он проходил мимо, – «посмотрите, что она в записке написала!», указывая на женщину средних лет с хитрыми глазами и причёской начёсом, поверх которой красовался ослепительно белый платок. Отец Ростислав прочёл поданную тёткой записку «о упокоении Арамиса». «Я ей говорю: ты бы ещё Атоса, Портоса и д, Артаньяна вписала!» – горячилась Анна. «Подожди, успокойся. Это кто же, армянин?» «Ну да» – отозвалась женщина с начёсом. «Я так и подумал» – усмехнулся священник, – «у них в ходу подобные имена. Узнайте, где его крестили и в какой церкви, не в армянской ли? У нас всё-таки с армянами-григорианами серьёзные богословские расхождения. Думаю, поминать их за Проскомидией не следует».

К концу Литургии народу набилось столько, что настоятель с трудом пробился к столу с куличами. Церковный двор, площадка у ворот и отрезок деревенской улицы в полкилометра были запружены машинами, из которых выходили пассажиры с узелками, устремляясь к храму. «Кто-то из наших последних по времени святых предсказывал, что настанет момент, когда все русские люди уверуют» – вспомнил отец Ростислав, – «созерцая подобную картину, можно поверить в такое». И действительно, народу стало больше, чем в прошлые годы, хотя везде поднимаются новые храмы. Удивителен этот феномен русской души! Ещё лет двадцать назад многие в храм ни ногой, а теперь… Теперь в храмах не только старушки, но и люди среднего возраста, и дети, и молодёжь. Наверняка у многих из них деды и прадеды были атеистами, возможно, закрывали церкви, преследовали духовенство, а их потомки снова тут: Русь опоминается, стряхивает с себя похмелье богоборческого дурмана, возвращается к вере предков, а там глядишь и приблизится к родной священной государственности… Так ли уж это удивительно? Марксистско-ленинское учение само по себе есть тоталитарное сектанство, некий суррогат, замена религии. Когда большинство разуверилось в коммунистических идеалах, когда прекратилась их пропаганда на государственном уровне, религиозное чувство, весьма сильное у русского народа, потребовало замены марксистских идеалов, от которых все устали. Оказалось, и выдумывать ничего не надо: есть вера отцов, Святое Православие. И вот новое русское поколение спешит, спотыкаясь и, может быть, оступаясь, реализовать свою потребность ВЕРИТЬ. Разумеется, среди этой толпы пока ещё недостаточно людей воцерковлённых, большинство пока ещё отдаёт дань традиции, ростки веры в их душах ещё в зачаточном

состоянии. Ну, так что же! Плоды всё равно будут рано или поздно, лишь бы не совратили их плодами «демократии» и «плюрализма», не втянули в очередные «жёлто-серо-буро-малиновые» революции с требованиями свобод для секс-меньшинств и прочих содомитов!

Отец Ростислав с кропилом в одной руке и с требником в другой проходит в западную часть храма и, прочитав положенные молитвы, начинает кропить святой водой куличи с пением тропаря «Егда снишел Еси…» Народ смотрит на него радостными глазами, особенно дети, которых, как никогда много. Брызгая на приношения, батюшка кропит и детские головки. Маленьких кропит с осторожностью, чуть-чуть, старших обливает сильнее. Они пищат от восторга. Отовсюду просят: «И нас окропите батюшка, и нас!» Он опускает кропило в кувшин и щедро обрызгивает толпу, так что некоторые красные свечки, воткнутые в куличи и пасхи, гаснут. Да, он знает, как кропить. Брызнешь меньше, станут кричать: «Ещё!» Вокруг улыбки и счастливый смех. Только все убрали свои приношения обратно в узелки, приходят новые люди с куличами и всё повторяется: молитва, кропление. На большом подносе возвышается гора крашеных яиц – каждый жертвует по одному на храм. Потом настоятель раздаст их всем, кто трудится в церкви. Большинство яиц красного цвета – сварено в луковой кожуре, но много яичек разных цветов: голубые, золотые, зелёные, пёстрые. На иные наклеены переводные картинки. В детстве маленький Ростислав любил красить яйца сам. Доставал акварельные краски и водил кисточкой по скорлупе. Иногда обходился без кисти. Просто опускал пальцы в ванночки с краской и перебирал яйцо в руках, пока оно не становилось пёстрым, сверкая всеми цветами радуги. А то ещё существовал старинный русский способ: из яйца через маленькую дырочку соломинкой высасывалось содержимое и заполнялось жидким шоколадом. В дни его детства во многих домах ещё имелись русские печки. В них пекли большие высокие куличи, называемые «бабами». Теперь их что-то не видно, зато появились куличи заграничные, чаще всего итальянские, очень вкусные, в изысканных картонных футлярах. А вот творожные пасхи иностранцы не делают, даже братья-славяне – сербы, болгары, чехи. Их готовят только в России.

Проходят смена за сменой. Одни уходят с освящёнными приношениями, тут же их места занимают другие. Священник снова читает молитвы и опять кропит, кропит. В перерывах успевает переоблачить престол и жертвенник в алтаре, повесить новую завесу красного цвета на царских вратах. Алтарники переоблачают мебель (в алтаре всё должно быть одного –

красного цвета) и моют, чистят, драют, словом, наводят красоту. Отец Ростислав не нарадуется на своих помощников. Без всяких просьб и понуканий они выполняют необходимую работу самостоятельно, на совесть, от души, а ведь тоже притомились, устали, но виду не показывают. А впереди ещё ночная служба. Народу в храме не убавляется. Все подсвечники, которых перед Плащаницей целых три, заставлены горящими свечками. Только успевай снимать огарки! Пол церкви, выложенный мелахской плиткой, загрязнился и покрылся разводами, словно узорами. Уборщицы уже несколько раз его протирали, но – бесполезно. Вот, когда храм закроют часов в шесть вечера, его отдрают по-настоящему. В промежутках между освящениями отец Ростислав выходит во двор посидеть на солнышке. Мимо снуют люди: туда-сюда. Иногда приходят семьями: дедушки, бабушки, родители ведут за руку детей. Они улыбаются священнику, здороваются с ним, иногда что-нибудь спрашивают. Молодой хорошо одетый мужчина просит освятить новую машину. Отец Ростислав велит подогнать сверкающий «джип» поближе к воротам. На площадке у церкви припарковано множество автомобилей. Священник велит открыть все двери «джипа», багажник и капот и начинает чтение положенных молитв. Сбоку подходит подвыпивший мужчина лет 40-а и начинает бубнить: «Вот, батюшка, вы мне в прошлый раз освятили машину, а я попал в аварию!» «Кто-нибудь пострадал?» «Нет». «А сколько человек сидело в машине?» «Четверо». «А в другой, с которой столкнулись?» «Трое». «Они были ранены, травмированы?» «Нет, но машина не подлежит восстановлению…» «Чудак, я же не железо освящаю, а о ваших жизнях и о вашем здоровье молюсь!» «Ну да, с этим всё в порядке». «Тогда чего тебе ещё, дорогой? Благодари Бога, что цел остался, а будешь сильно грешить, никакое освящение не поможет». Из-за подобных историй некоторые священники отказываются освящать автомобили и даже квартиры, находя какие-то якобы богословские основания для отказа, но отец Ростислав считает отказ от этих треб неправомерным, ибо христианин должен освящать по возможности все вещи и предметы, которыми пользуется. Ведь есть же в требнике чин «на освящение всякой вещи». Тем более в освящении нуждается жилище, где человек проводит значительную часть жизни и реализует многие свои потребности, в том числе и духовные.

К вечеру поток прихожан с куличами начинает иссякать. Часть столов убирается, и уборщицы начинают мыть полы в передней части храма. Между 17 и18 часами появляются только одиночки, по каким-то причинам не успевшие сходить на освящение раньше. Некоторые приехали издалека, другие

работали и не могли отлучиться. Как всегда, перед самым закрытием храма в последнюю минуту появляется пара опоздавших, но отец Ростислав освящает куличи и для них. Наконец, ворота закрываются и начинается полномасштабная уборка. Настоятель поднимается в свою комнатку на колокольне для отдыха перед ночной службой. В изнеможении он ложится на топчан и пытается заснуть. Ноют ноги и побаливает спина, но на душе весело: впереди Праздник. Затем в голову лезут всякие думы: не забыл ли чего-нибудь, успеет ли вовремя доехать хор, не забудут ли снять кастрюли с тушёными курами с газовых плиток и т. п. В конце концов, усталость берёт своё, и отец Ростислав засыпает. В 21 час он вскакивает от рёва будильника, наскоро ополаскивает лицо и руки и идёт открывать ворота. Сейчас должен появиться один из алтарников и начать, как положено, чтение Деяний Святых Апостолов перед Плащаницей. В качестве чтеца алтарник Всеволод выступает впервые, поэтому волнуется. Он добросовестно тренировался дома в чтении на церковнославянском и священник убеждается, что новичок читает вполне прилично. Вручив ему большую свечку, отец Ростислав удаляется по своим делам. Внутреннее убранство храма тонет в полумраке. Огонёк свечи трепещет и колеблется, под гулкими сводами громко разносится каждое слово. Чтение будет продолжаться до начала Полунощницы.

Настоятель включает наружное освящение по периметру храма. К воротам подъезжает патрульная милицейская машина. Дежурные милиционеры идут представляться настоятелю. Пасхальная служба сопровождается, как известно, большим скопление народа, поэтому присутствие стражей порядка необходимо. Так было и до революции. В советский период милиция не столько отлавливала граждан в подпитии и хулиганов, сколько останавливала молодёжь, что б не ходили в церковь, ну да эти времена миновали. И ныне даже на лицах молодых милиционеров читается праздничное ожидание. Они веселы, несмотря на предстоящую бессонную ночь.

В 22 часа начинают появляться первые прихожане. Среди них не только завсегдатаи те, которых настоятель называет «костяком» прихода, но немало и приезжих. Взрослые дети отца Ростислава вместе с матушкой тоже подъезжают на машинах. Пасху они всегда стараются отпраздновать вместе с родителями. Внуки пока ещё слишком малы для ночной службы. Их приведут в храм завтра. Церковь наполняется людьми, шарканьем ног и приглушённым гулом голосов. Алтарник Всеволод заканчивает чтение «Деяний» и, гордый выполненной миссией, убирает аналой. Хор уже в сборе. Помощники отца Ростислава: алтарники,

казначей и матушка – на местах. Священник читает входные молитвы перед Плащаницей и облачается в алтаре в новое праздничное облачение красного цвета с золотым позументом. После начального возгласа священника хор начинает петь «Волною морскою». Надо выбрать правильный темп, чтобы завершить Полунощницу к 12 часам ночи. Алтарники готовятся к крестному ходу: выносят Распятие и алтарную икону Божией Матери на специальных древках. Просфирня Тоня берёт фонарь. Она будет задавать темп и возглавлять процессию. Тяжёлые хоругви на длинных древках понесут мужчины. Икону Воскресения и служебное Евангелие берут на руки особо уважаемые прихожанки, обернув их специальными широкими красными лентами.

По завершении Полунощницы отец Ростислав в полном облачении с крестом и трёхсвечником в левой руке, с кадилом в правой начинает пасхальное богослужение, тихим голосом запевая стихиру «Воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити». Во второй раз стихира поётся громче, а в третий раз во весь голос. Её подхватывает хор, Царские врата открываются и начинается крестный ход. Впереди несут фонарь, запрестольный крест и запрестольный образ Божией Матери, затем следуют хоругвеносцы, певцы, настоятель, а за ним прихожане. Большая толпа народа выстроилась по периметру храма, но больше всего людей у входа с западной стороны. Бьют во все колокола, хор продолжает пение стихиры. И вот, описав круг вдоль церковных стен, процессия останавливается у дверей храма. Трезвон прекращается. Отец Ростислав выступает вперёд и в полной, внезапно наступившей тишине, начинает кадить святыни и народ. Сотни глаз устремлены на священника. Площадка перед храмом ярко освещена прожекторами, отвоевавшими пространство у окружающего мрака. К полуночи похолодало, пар от дыхания множества людей рвётся вверх, лёгкий ветерок играет концами облачения и колышет язычки пламени на свечах. Так было две тысячи лет подряд: ночь, мрак, ожидание, глаза, устремлённые на священнослужителя-совершителя Божиих Таин, в ожидании Чуда, Чуда Воскресения и победный, торжествующий глас, свидетельствующий, что Чудо повторяется и будет повторяться, пока мир стоит.

Настоятель трижды крестит кадилом двери и напряжённым голосом возглашает: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно, и во веки веков». «Аминь» – отзывается хор. Трижды поётся «Христос воскресе» со стихами, после чего, обращаясь к народу,

отец Ростислав возглашает: «Христос воскресе!» и сотни голосов отвечают могучим рёвом: «Воистину воскресе!» Вздрагивают и гаснут язычки пламени на трёхсвечнике, могучее эхо гуляет по селу, на колокольне вспыхивает светящаяся надпись всё с тем же с пасхальным приветствием. Праздник начался.

Апрель 2010.

ВЕРНИСАЖ

Мать проснулась за пять минут до звонка будильника. Она немножко полежала в темноте, собираясь с силами. Затем пришлёпнула кнопку будильника, поднялась и стала бесшумно одеваться, стараясь не потревожить спящего внука. Ей хотелось выпить чашку горячего чая, но сегодня нельзя: суббота – выходной и ей предстоит долгая дорога, в которую лучше пускаться натощак. Это раньше, ещё совсем недавно она могла есть и пить, что угодно, хоть самые жалкие и невкусные остатки без всяких вредных последствий для организма. Дочь ей ещё выговаривала: «Мама, это есть нельзя! Выброси! Мы же не нищие, можем позволить себе нормальную пищу». А она, всегда подсовывая лакомые кусочки внуку и дочке, питалась остатками. Но теперь в организме произошёл какой-то сбой. По временам она чувствует ноющую боль в животе и испытывает некие другие зловещие симптомы и в глубине души догадывается, что это такое. Шесть лет назад она схоронила старшую сестру, которую оперировали от рака восемь раз. У неё болезнь начиналась таким же образом. Сестра жестоко мучилась, а врачи не могли ей помочь. Ну, что ж! Аннушка скончалась, а она – Вера, младшая идет по стопам сестры. Смерть её не пугает. Её больше заботит, что станет с близкими – дочерью вдовой и восьмилетним внуком. Впрочем, на всё Божья воля, а её обязанность помогать им до последнего вздоха. С этими мыслями Вера Андреевна заканчивает свои приготовления, на цыпочках приближается к кровати внука, благословляет его и тихонечко выходит из квартиры.

На улице осенний холод и подмораживает. Чистый воздух бодрит, лёгкое головокружение, начавшееся сразу после пробуждения, проходит и ей становится легче. Вера Андреевна садится в пустой автобус и едет на вокзал. Вопреки обыкновению, из-за спешки она не прочитала утренние молитвы перед иконой по молитвослову. Теперь молится про себя, благо почти все молитвословия помнит наизусть. Вокруг сплошная тьма, прорезаемая лишь редко стоящими вдоль дороги фонарями и фарами немногочисленных в этот ранний час машин. Электричка до Москвы тоже почти пустая. Совсем не то, что в будни. В рабочий день большая удача найти свободное место. Девяностые годы. Все едут в столицу, кто на работу, кто учиться. Некоторые добираются по четыре и больше часов. Нет работы. Позакрывались заводы, пораспадались совхозы. Куда деться народу? А Москва всех кормит. Вот и трясутся в автобусах и электричках целые компании вчерашних рабочих, инженеров,

колхозников, студентов и разной прочей публики, порою настоящих бомжей. И никому нет дела до скромной шестидесятипятилетней пенсионерки. И даже места никто не уступит, потому что все злы и утомлены. Им предстоит тяжёлый рабочий день и долгое возвращение домой. Разве можно в такой обстановке думать о ближнем и быть джентельменом? Теперь каждый за себя, а бабка, хочешь ехать, терпи. Вот за такое массовое оскотинивание особое спасибо либералам-демократам!

Но сейчас вагон свободен и мать засыпает. У неё впереди полтора часа езды. Сон её не спокоен. Снова снится смерть зятя от несчастного случая, похороны, соболезнования сослуживцев, слёзы дочери. Пропавшая было боль в нижней части живота, опять пробуждаетсяся и мучительно напоминает о себе. Вера Андреевна просыпается и тревожно спрашивает сама себя: «Неужели рак? Что будет без меня с Антониной и Андрюшей?» Дочь уволили из музыкальной школы, где она преподавала, и Антонина стала разрисовывать на продажу матрёшки. Она с детства проявляла художественные наклонности. Вот они теперь и пригодились. Пару уроков ей преподала подруга – художница и теперь дочка хорошо с этим делом справляется. Её матрёшки отличаются вкусом и весьма миловидны, но процесс росписи долгий, сложный, требующий сильного напряжения глаз. К тому же приходится дышать парами вонючего лака, до боли разъедающего носоглотку. Антонина рисует, а мать продаёт матрёшек иностранцам на Вернисаже в Москве. Подходит и предлагает товар на хорошем французском языке. Ведь она в прошлой жизни педагог, преподаватель французского. Эти господа иностранцы странные люди. В России они все без исключения ощущают себя богачами. Ведь за матрёшку, на которую Антонина тратит три дня, мать спрашивает всего-то три доллара, за пасхальное яйцо два доллара, а то и один доллар. А они торгуются. В Нью-Йорке два доллара стоит стакан чаю, а этим жмотам жалко дать такую мелочь за настоящее произведение искусства! Причём, особую жадность по наблюдениям Веры Андреевны проявляют французы. Чуть менее жадны итальянцы. Самые щедрые, пожалуй, немцы. Это удивительно. Она испытывает к этой нации известное предубеждение как человек помнящий войну, но именно немцы реже других торгуются. Но щедрость, это так, относительно. Никто, никто из этих беззаботных горланящих господ ни разу хотя бы из жалости не предложил ей, ну хоть немного лишку, ну хоть пятьдесят центов! Эх, вот русские не такие! Будь они на месте покупателей, наверняка бы сказали: «Бери бабуля пятёрку, а сдачи не надо!» Впрочем, бывают и свои похуже всяких

иностранцев. На Вернисаже множество людей покупают и продают сувениры и антиквариат. У многих дело поставлено на широкую ногу: целые лотки румяных разрисованных матрёшек, горы деревянных яиц, ложек, шкатулочек и прочего. И некоторые очень неодобрительно смотрят на мелких продавцов, вроде Веры Андреевны. Один мужик недавно подошёл к ней и прошипел: «Уходи старуха! Мы за место отстёгиваем, а ты тут под ногами шныряешь, отбиваешь покупателей. Проваливай, а то смотри у меня, убью!» Она повернулась и пошла на него: «Ты грозишь мне? Чем? Убить хочешь? Ну, на, убей!» Продавец попятился, а она стояла и смотрела, пока он не отошёл. За выходной день раз в неделю ей удаётся заработать 6–8 долларов и на эти деньги, да ещё на пенсию Веры Андреевны семья и живёт. Когда продажа складывается удачно и удаётся немного заработать, бабушка покупает в московском магазине какое-нибудь лакомство для внука, банан или рахат-лукум. У Андрейки тогда от радости округляются глаза, и он заливается счастливым смехом. Сердце бабушки тает, и она начинает с нежностью думать о своём любимце. Как то он будет без неё? Вырастет ли добрым, умным и смелым, защитником и помощником матери? «Пресвятая Богородица! Не остави дщерь мою и моего мальчика!» – молится Вера Андреевна. Кажется, Андрейка проявляет хорошие задатки. Бабушка вспоминает, как несколько лет назад, когда внуку было всего три года, сосед по лестничной площадке затеял скандал по поводу уборки подъезда и грубо наорал на них. Андрейка подошел к соседу сзади, хлопнул его по «мадам сижу» и изрёк: «Не смей кичать на бабуску и маму!» Вот такой клоп, а уже защитник!

Поезд прибывает на вокзал. Мать спешит к выходу. До Вернисажа ещё минут сорок езды. В метро навстречу спешат люди. В основном это дачники – пенсионеры не имеющие машин, но их тоже не много, не то, что летом. Вернисаж встречает рокотом и гомоном. Людская толпа течёт вперёд. С обеих сторон длинной аллеи продавцы выложили свой товар. Чего тут только нет! Бронза, серебро, фарфор, иконы, медали, монеты, значки, меховые, шапки, но больше всего, разумеется, изделий из дерева – ложек, шкатулок, яиц и матрёшек. Вера Андреевна замечает большую группу иностранцев, по-видимому, французов, переходящих от лотка к лотку. Она спешит к ним, вынимая из сумки свои изделия. «Вам не кажется, что они очаровательны?». Средних лет француженка оборачивается: «О, какой у вас прекрасный парижский выговор, мадам» И покупает матрёшку. Потом оборачивается к своим товаркам и что-то им говорит. Те покупают матрёшку и яйцо. Это большая удача. В этот день Вере

Андреевне особенно повезло. Она заработала 12 долларов. Такое нечасто бывает. Несказанно довольная, около пяти часов вечера она садится на обратный поезд, прижимая к груди сумку со связкой бананов для внука и, умиротворённая засыпает на часок под мирный стук колёс.

Ноябрь 2014

ГАРАЖНЫЙ АРХИПЕЛАГ

1

Город наш невелик, но и маленьким его не назовёшь. С точки зрения какого-нибудь западного европейца, очень даже значительный: как никак сто тысяч жителей. С северо-запада городская территория ограничивается глубоким и длинным оврагом, на дне которого звенит безымянный ручей, превращающийся весной в бурный поток, размывающий посыпанную песком и щебнем дорогу, проложенную автолюбителями, ибо именно в этой неудобной местности «отцам города» советского ещё периода было угодно выделить участки под гаражи. Однако, первые малочисленные автовладельцы были рады заполучить в своё пользование любой кусочек земли, хотя бы и в этой низине, потому что в те времена заиметь гараж было неимоверно трудно. Во-первых, право на строительство приходилось буквально отвоёвывать, во-вторых, оно обходилось недёшево и сопровождалось всякими неудобствами и обременительными ограничениями, так что всякий гараж был буквально выстрадан своим владельцем.

Отец Пётр Цветков прошёл все эти мучительные искусы прежде, чем стать гаражевладельцем, но ему, в отличие от всех прочих граждан, пришлось дополнительно пострадать при получении права на автомобиль. Порядок был таков. Гражданин СССР становился в очередь на машину (обычно на «Москвич», иногда на «Жигули», изредка – на «Волгу») и ждал, если не было пресловутого блата, вожделенного момента лет пять. К тому времени он успевал скопить нужные 4–6 тысяч рублей. Вот почему сильно молодых автолюбителей в стране тогда не было – скопить нужную сумму удавалось лишь к 30–35 годам. В то время отец Пётр служил далеко от дома. Ездить приходилось на автобусах и электричках с пересадками. Путь занимал 5 часов, так что он практически жил там, где служил. С семьёй виделся редко. Отпускали его в среднем раз в девять дней на двое-трое суток. Ехать приходилось с багажом, таща на себе сменную одежду и бельё, продукты, книги и прочее. В летнюю жару и зимние холода путешествия становились мучительными. Вот почему для молодого священника машина стала жизненной необходимостью. До этого времени отец Пётр в отличие от большинства мужского населения СССР смотрел на автомашины с равнодушием. Он вообще не имел к технике никакого интереса и

сомневался в своей способности стать водителем, но, потолкавшись в общественном транспорте, вынужденно мнение переменил и стал задумываться о собственной машине. Тут ещё ему показали дорогу, по которой на личном транспорте можно было добраться до дому за 2,5 часа, то есть в два раза быстрее, чем на общественном. И он решился: записался на курсы вождения. Оказалось, водить машину не трудно. Гораздо сложнее разобраться в автомобильных внутренностях, но в конце концов священник сдал экзамены и получил водительские права. Теперь можно встать в очередь за машиной. Не тут-то было! В родном городе отказали и велели встать по месту служения, а там велели встать по месту жительства. Замкнутый круг! Собственно, в этом прискорбном факте не было ничего неожиданного или удивительного. В СССР священник был гражданином без прав. Ему, например, нельзя было вступить в жилищный кооператив. Та полуторная хрущовка, в которой отец Пётр ютился с семьёй, принадлежала его тёще. Походив по инстанциям и всюду получив отказ, он уже было махнул рукой на мечту об авто, но наступил 1988 год – год тысячелетия крещения Руси. Обстановка в стране и отношение к Церкви и её служителям переменились к лучшему. Один из сослужителей отца Петра надоумил его обратиться за помощью к епархиальному уполномоченному. Была такая государственная должность – «уполномоченный по делам религий», в масштабе всей страны и на региональном уровне. Этот чиновник обладал значительной властью и влиянием на церковные, да и на светские дела. Все кандидаты на церковные должности проходили лишь после его официального одобрения, нужды нет, что Церковь по конституции отделена от государства! С епархиальным уполномоченным отец Пётр встречался лишь раз, когда по завершении семинарии поступил в распоряжение архиерея. Уполномоченного как вершителя судеб духовенства все боялись и не любили, ибо одним росчерком пера он мог погубить карьеру, да и жизнь священнослужителя. Визит оставил неприятное впечатление. Чиновник держался лордом, принимающим в своём замке жалкого арендатора. Теперь же на это место пришёл новый человек.

«Он бывший офицер КГБ и это хорошо» – сказал старший сослуживец Цветкова.

«Что в этом хорошего?» – удивился тот. «Уполномоченные бывают двоякого сорта» – терпеливо объяснил старый священник, – «бывшие агитаторы-партийцы и экскагебешники. Первые лицемеры или идиоты, а вторые смотрят на вещи реалистически. Вот почему я говорю: новый вариант лучше». Жизнь подтвердила правоту старика. Новый уполномоченный

встретил отца Петра подчёркнуто вежливо и даже любезно. Объяснив вкратце свою проблему, проситель завершил обращение такими словами: «Разве я не гражданин своей страны, раз мне отказывают в элементарных правах? Я ведь о чём прошу: не машину тут же, сразу, а всего лишь постановки на очередь». «Где вы хотите встать на очередь, дома или по месту службы?» – спросил уполномоченный. «По месту служения» – пожелал священник, сообразив, что там очередь короче. «Пишите заявление на моё имя. Всё будет сделано» – отозвался чиновник.

Получив указание «сверху» местные должностные лица засуетились. Вероятно, им сделали выговор за нарушение закона, так как буквально через неделю отцу Петру сообщили, что ему не только предлагают встать на очередь, но и вне всякой очереди продать машину, правда, не «Жигули», как ему хотелось, а «Москвич». Отец Пётр сразу же уцепился за эту «синицу в руках». Правда, у него была всего половина нужной суммы, но удалось занять недостающие деньги, и вскоре он стал владельцем нового «Москвича». Вопрос с гаражом решился уже проще, по крайней мере, в начальной стадии. Оказалось, ответственное лицо по гаражам было земляком и знакомым его тёщи. Священник получил участок под гараж в самом дальнем конце гаражного кооператива, до которого от его дома было добрых 2 км, но его не могли смутить такие пустяки.

Собственноручно отец Пётр выкопал котлован под фундамент, залил его бетоном, заказанным на местном комбинате – операция, потребовавшая и блата, и терпения, и денег. Затем встал на очередь за кирпичом (без очереди – никуда!) на кирпичном заводе, которая подошла через полгода. При получении продукции кирпичного завода действовало идиотское правило: поддоны, на которые грузились кирпичи по 200 штук с помощью автокрана, надо было сразу вернуть на завод. Для этого приходилось разгружать 3000 кирпича по месту привозки вручную. Для такой злосчастной операции отцу Петру пришлось заручиться помощью четырёх друзей. Затем он нанял двух каменщиков, сложивших здание гаража и выкопавших небольшой погреб. Вобщем, вместе с отделкой строительство гаража растянулось на 1, 5 года и отец Пётр и спустя 20 лет вспоминал эту эпопею с трепетом. Ещё год к новопостроенным гаражам не было дорог, следовательно, воспользоваться ими не представлялось возможным, но наконец, всё завершилось. По соседству и в некотором отдалении появились другие гаражи, машин в целом стало больше, и гаражный кооператив на северо-западе превратился в громадный архипелаг, в котором ячеек-убежищ для транспорта было не менее трёх тысяч. И стояли они

массивами-островами по 15–20 в блоке. Сразу выяснилось, что многие владельцы гаражей машин не имеют. Зачем им тогда понадобились гаражи? Под склады и погреба, к тому же, тогда редко у кого имелись дачи и гараж, расположенный в поросшем густым кустарником овраге, в какой-то мере её заменял. Некоторые ухитрялись отгрохать гаражи двухэтажные и даже с балконами. В последнем случае со второго этажа открывался живописный вид на окрестные поля и леса, можно было поставить диванчик, а то и телевизор и покемарить со стаканом в руке вдали от надоедливых жён и рутинных обязанностей. Многие использовали гаражи под мастерские. Плотничали, столярничали, варили электрической и газовой сваркой и, конечно же, без конца ремонтировали и регулировали автомобили (свои и чужие), но главное было не в этом. Гаражи стали для многих мужиков своего рода клубом по интересам. Здесь они собирались для совета по поводу очередного ремонта или реконструкции транспорта. При этом решение всегда находилось, поскольку многие владельцы гаражей были профессиональными шофёрами и механиками. В гаражах можно было без помех распить бутылочку с соседями за приятной беседой. Здесь же обсуждались местные, общегосударственные и мировые новости, разного рода слухи и сплетни, планировались выходы на охоту и рыбалку, узнавали, где и когда клюёт, а где пока ничего поймать не удаётся, появились ли в лесу грибы или же год неурожайный. Можно было «стрельнуть» у соседей сотню-другую на личные нужды, наконец просто отдохнуть от домашнего прессинга и спрятаться от сварливой подруги жизни. В ходу был термин «гаражная болезнь», симптомы которой заключались в запахе перегара изо рта и лёгком покачивании при ходьбе, но эти маленькие трудности преодолевались с помощью соседей и друзей, обычно доводивших «заболевшего» до дома. В противном случае, если хозяин пропадал надолго, покинутые супруги объединялись, ибо женщине в одиночестве в глухом кооперативе показаться неприлично, да и небезопасно, и совершали рейд в поисках «заработавшихся» супругов и, в случае успеха, уводили их домой, избегая прилюдных скандалов, отложив «разбор полётов» до возвращения под родимый кров. Этих рейдов мужики побаивались, даже многоопытный Митрич, престарелая супруга которого отличалась решительным характером, но с появлением относительно дешёвых мобильников контроль за мужьями облегчился и не раз случалось, что в разгаре приятной беседы, прерванной весёлой мелодией телефона, Митрич с изменившимся лицом рапортовал в трубку: «Сейчас, сейчас! Уже иду!»

2

В последние 20 лет каждое утро отца Петра Цветкова начиналось одинаково: он шёл в гараж. За это время он поменял несколько приходов. Они не были так удалены от дома, как первый, но всё-таки, добираться к ним удобнее было на машине. Поэтому день священника начинался с двухкилометровой прогулки до гаража и заканчивался таким же походом в обратном направлении. Если батюшка не шёл за машиной, значит, случилось что-то из ряда вон, например болезнь.

Автомашины он поменял раза три и теперь вместо «Москвича» в гараже стояла «пятнашка» – «Жигули». Независимо от того, служил ли он в этот день, отец Пётр вставал в 7 утра. Если была возможность, сначала завтракал, но перед служением литургии отправлялся в путь сразу. В гараж он всегда приходил в штатском. Когда его спрашивали, почему он не в рясе, священник отвечал: «А что, если в мотор придётся лезть? Я так и буду с длинными рукавами в масле ковыряться?» Кроме того, поскольку, как уже упоминалось, гаражи стояли в овраге, большую часть года на территории кооператива хлюпала непролазная грязь, и длиннополое одеяние священника приобретало неопрятный вид, а зимой оно мешало преодолевать сугробы.

Отец Пётр неспешным шагом шёл по безлюдным переулкам, где каждый камень был ему знаком, и минут через десять ходьбы вступал на территорию кооператива. Весной и летом в гаражах было чудесно. Цвели деревья и кусты, на пустырях желтели одуванчики. В зарослях черёмухи заливались соловьи, а с окрестных полей лились трели жаворонков и слышался бой перепелов. В самом дальнем углу кооператива, где находился гараж священника, иной раз попадались зайцы, а зимой чёткие, как по линейке, аккуратные лисьи следы пресекали местность во всех направлениях. Немногие ранние автолюбители спешили в гаражи в столь ранний час. Со временем, с появлением дорогих иномарок, редкий автолюбитель рисковал держать их в гаражах, поскольку в годы правления Ельцина по кооперативу прокатилась волна краж. Наладить охрану никак не удавалось, поскольку не менее половины гаражей пустовало, а их владельцы не желали раскошеливаться на сторожа. Зато в городе появилось сразу несколько охраняемых автостоянок и владельцы дорогих «Ауди», «Вольво» и «Мерседесов» (или, как их называли, «мурзиков») предпочитали оставлять своих «коней» на них.

В гаражах ставили лишь дешёвые отечественные машины. Соответственно возраст аборигенов гаражного архипелага снизился. Здесь не стало молодёжи, пользователями были

мужички старше 40 лет и пенсионеры.

Отца Петра здесь знали все и называли «наш батюшка». Бывало, встретятся на пути, он и не помнит, кто это навстречу идёт, а ему кивают, здороваются. Иногда священнику приходилось задерживаться в гараже – то из-за какой-нибудь поломки или ремонта, то чтобы слазить в погреб за картошкой или банками с соленьями-вареньями, которые матушка по осени закручивала великое множество, то просто ради уборки помещения, поскольку гараж является одновременно и складом для всякого барахла, мешающего в квартире. Тогда частенько к нему подходили ближние и дальние соседи с каким-нибудь вопросом, нуждой или проблемой. Он неизменно выслушивал и по мере сил помогал словом или делом. В свою очередь, эти немногословные люди, в основном работяги, частенько помогали ему в ремонте и обслуживании техники, поскольку даже после двадцатилетнего стажа вождения отец Пётр оставался слабым механиком. Храмов в округе со временем появилось множество, но народ советской закалки неизменно полагал, что во всяком деле предпочтительнее знакомство, пресловутый блат, потому и подходили к «нашему батюшке» по поводу крестин, похорон, освящения дома и, конечно же, «освящения колесницы».

Ближайший сосед (через стенку) отца Петра по гаражу москвич Сеня сдавал своё помещение за деньги и лишь изредка посещал кооператив ради контроля. При первой встрече он, познакомившись с отцом Петром, неожиданно протянул священнику 500 рублей и попросил помолиться за своего сына. Отец Пётр отказался от вознаграждения и обещал помолиться «за так», но сосед упорно настаивал и так просил, что пришлось деньги взять. «Да что такое с твоим сыном?» Выяснилось, что у ребёнка целебральный паралич. «А ещё дети есть?» «Есть младший сын. Он здоров». Несколько раз отцу Петру доводилось посещать интернат для целебральников и он хорошо представлял себе, какая это болезнь. «Сеня, целебральный паралич неизлечим». «Знаю, но всё равно помолитесь батюшка, что б нам с женой легче стало. Мы ни за что не хотим отдавать его в интернат…»

Следующая встреча с соседом произошла только через год. Сеня снова подошёл к священнику и сказал, что есть разговор. «Что-нибудь с твоим сыном?» «С сыном всё по-прежнему. Он в том же положении, но теперь меня тревожит жена». «А что с ней?» «Выпивать стала». «А раньше подобное случалось?» «Нет. Она стала зашибать после перехода на новую работу». «Что за работа?» «Продавщица в универмаге». «Хорошо платят?» «Лучше, чем раньше, но вот стала к бутылке прикладываться. Как

закончится смена, товарки зовут в подсобку: «Давай выпьем!» Раза два она заявлялась домой в 12 ночи. Приезжала на такси «датая» вдрызг, по стенке шла. И таксист видел: пьяная женщина, делай с ней, что хочешь…» Давно это продолжается?» «Месяца два. Что мне делать, батюшка? Посоветуй». «Знаешь Сеня, мне трудно советовать, не зная твоей жены, что она за человек… А ты пробовал поговорить с ней? Как ты реагировал на её пьянство?» «Ну как… Накричал. Обругал, угрожал…» «Вот видишь! А ты попробуй поговорить с ней по душам. Скажи: «Я знаю, что тебе тяжело. И мне, поверь, не легче, когда я смотрю на нашего сына, но нужно как-то жить и ради него, и ради другого ребёнка. Давай вместе постараемся, что б им было хорошо. Если ты сильно устала, я стану больше тебе помогать. А то ведь, если ты забудешь о своих материнских обязанностях, что с нами будет? Больного мальчика придётся отдать в приют, а там ведь долго не живут, сама знаешь! А со вторым что будет без родительского надзора? Я ведь целый день тружусь, «таксую», чтобы вас прокормить! И что же: обеда нет, дети неухожены и жена неизвестно где!» Поговори с ней так и, если она нормальная женщина и мать, её проймёт. Скажи ещё: «Давай молиться. Давай просить Бога о помощи. С Ним легче, с Ним всё пережить можно… Он даст силы».

Затем они встретились месяцев уже через восемь. Ещё издали сосед прокричал приветствие священнику и радостно возвестил, что, последовав его совету, мягко и душевно побеседовал с женой, и та пришла в себя. «Больше ни разу не пила, батюшка. Теперь у нас всё хорошо».

Душой всех гаражных посиделок в ближайших окрестностях был, несомненно, Митрич, крепкий коренастый старик с выцветшими голубыми глазами и добродушным красным лицом, кожа которого красноречиво свидетельствовала, что Митрич не дурак выпить. Однако, сильно пьяным его не видел никто и Митрич мог стать иллюстрацией к известной поговорке: пьян, да умён, два угодья в нём, ибо старик был мастером на все руки. Починить ли зачихавший мотор, прочистить карбюратор, выпрямить помятое в аварии железо и покрыть его автокраской так, что следов происшествия не останется – всё умел Митрич. Кроме того, его образцово аккуратный гараж с ровными деревянными стеллажами-полками, с красовавшейся в нём двадцатилетней ухоженной «копейкой», являлся хранилищем автомобильных сокровищ – многих деталей «Жигулей», болтов, гаек, гвоздей и прочего. Обычно подобных рачительных мужичков величают куркулями, но Митричу жадность была несвойственна. Он охотно раскрывал свои закрома перед просителями и все знали: если уж у Митрича чего-то нет, то и нигде не найдёшь.

Митрич слыл местным старожилом и авторитетом (без оттенка бандитизма в этом слове), происходя из подгородного села, знал всех и вся и был верующим, то есть помнил все большие (что ещё не диво), но так же средние и даже некоторые малые церковные праздники и потому всегда поздравлял отца Петра и давал необходимые разъяснения соседям – что такое Благовещение, Яблочный Спас или Радоница. Однажды Митрич с помощью одного молотка и деревянного клина виртуозно заделал большую вмятину на задней стенке батюшкиного «Москвича».

3

Среди гаражевладельцев не имелось людей особенно в жизни преуспевших. Как уже упоминалось, хозяевами гаражей были в основном немолодые люди, материальный и физический расцвет которых совпал с предыдущей эпохой. Все они старались более-менее приспособиться к реалиям новой жизни, но не у вех получалось. Многие поменяли профессию и место работы, поскольку два громадных военных завода нашего города при демократии приказали долго жить, лишив рабочих мест тысячи горожан. Кто-то пытался заняться коммерцией, иные, кто что-то смыслил в технике, пытались организовать авторемонтные мастерские, но мало кто преуспел. Вы не задумывались, отчего на всех рынках, вне зависимости от их «специализации» очень мало продавцов – русских? Не потому, что этот «бизнес» подмяли под себя этнические группировки. Сей прискорбный факт не причина, а следствие одного из удивительных проявлений загадочной русской души, впрочем, загадочной для инородцев, упорно и близоруко не желающих понять и оценить русский менталитет. А для соотетечественника очень даже очевидного: в глубине души русский человек стыдится такого «труда» и такого заработка. Ему стыдно стоять и торговать, ничего не делая руками и ничего полезного не производя. Дайте ему НАСТОЯЩУЮ работу и он приложит все силы души и тела, всю свою незаурядную выдумку и смекалку для того чтобы выполнить её добросовестно и в срок, пусть даже за неправедно низкую плату, ибо в хорошем работнике живёт гордость (в хорошем смысле) за творение рук своих. Из всех обвинений, предъявляемых русскому человеку, самое обидное и несправедливое – в лености и безделии. Где вы найдёте такого европейца (об африканцах и азиатах и говорить нечего!), который, работая на производстве, ещё бы ухитрялся сажать овощи и фрукты на садовом участке, собственноручно ремонтировал своё жилище, автомашину, сантехнику и прочее? А

русский мужичок делает такое сплошь и рядом и, когда над ним не стоят и не погоняют, не пристают с надоедливой демагогией, способен творить настоящие чудеса. В последнем отец Пётр убеждался неоднократно. В годы, когда техника стоило неимоверно дорого, когда запчастей для машин катастрофически не хватало, гаражные умельцы своими талантами продлевали жизнь этим старым заезженным «Жигулям» и «Москвичам» с помощью электрической сварки и подручных инструментов. Было немало таких, оставшихся безработными в эпоху пресловутых «реформ» и пробавляющихся случайными заработками.

Неподалёку от отца Петра находились гаражи, принадлежащие двум отставным офицерам. По возрасту, они приходились ему ровесниками. У обоих имелись старые чёрные «Волги». Кстати, в обладании именно этой моделью, о которой как о недостижимом счастье мечтали многие, сказывалось представление советских людей о материальном благополучии. В советский период на «Волгах» разъезжало в основном высокое начальство и стукачество, а рядовые обыватели довольствовались более скромными моделями. При либералах же преуспевающая часть населения пересела на иномарки, а менее состоятельная, но не совсем обнищавшая и старшая по возрасту, выбрала мечту юных лет – красавицу «Волгу», хотя последняя есть, в сущности, не что иное, как большой «Москвич». Один из этих бывших военнослужащих в летний период жил на даче, занимаясь по мере сил сельским хозяйством, ибо работать на производстве он был не в состоянии после обширного инфаркта. Об обстоятельствах, при которых подвело его прежде крепкое сердце, отставник Володя неоднократно рассказывал отцу Петру. «Всё началось с того» – вещал он, – «что при Ельцине приняли новый закон, по которому в случае гибели солдата срочной службы тело в цинковом гробу доставлялось домой командиром части, где служил покойник. Под моим командованием было небольшое воинское подразделение, всего в 300 человек. Служил у меня солдатом некто К-ч (офицер называл фамилию известного московского журналиста либерального направления, активно поддержавшего Ельцина и его реформы). Солдат был, прямо сказать, хуже некуда: недисциплинированный, наглый, ленивый, но зная, кто его папаша, я предпочитал с ним не связываться и терпел его наглые выходки. Кое-как отслужил он положенный срок и оставался ему всего один месяц до демобилизации, как вдруг, ночью у меня в изголовье зазвонил телефон и дежурный по части сообщил, что К-ч с двумя дружками ночью выехал из гарнизона на угнанном грузовике и подался в самоволку, во

время которой произошла авария, в результате которой двое солдат ранено, а К-ч погиб. В ходе судебного разбирательства была доказана моя невиновность в этом происшествии. Солдат, прикреплённый к данной машине, имел доступ в гараж во всякое время дня и ночи. Он поехал якобы за продуктами на дальний склад, а в кузове тайно провёз своих дружков. В момент аварии за рулём сидел К-ч. Формально меня оправдали, но на деле за всякое чп в вверенном гарнизоне всё равно отвечает командир и на душе у меня скребли кошки, а тут ещё по новому закону тело везти домой к родителям предстояло мне. У дома, где проживал покойник, нас, ожидала враждебно галдевшая толпа. Помните, батюшка, какая кампания против армии поднималась тогда в прессе? Папаша моего солдата много ей способствовал, а тут такой случай! Когда я вылез из кабины автомашины, из толпы вышла женщина средних лет с опухшим лицом и в трауре. Она бросилась ко мне, схватила за грудки и закричала: «Ты! Ты убил моего сына!» Вот тогда и всколыхнулось моё сердце. Я почувствовал резкую боль в груди, но она быстро отступила. Не помню, как я покончил со своими обязанностями и уехал… Когда прибыл домой, жены не застал. Была только дочь. Она стала кормить меня обедом. Я сел за стол и поднёс ко рту ложку борща и… потерял сознание. Очнулся в наркологии с инфарктом».

Другой отставник, бывший майор, «таксовал» на своей «Волге». Родился и вырос в деревне, откуда в 17 лет ушёл в военное училище. Служил в Афганистане, затем в Германии. Этот Иван – низенький крепыш, очень спокойный, основательный, рассудительный и какой-то очень надёжный, никогда не унывал, всё делал качественно, добротно и обдуманно – за что бы ни взялся. Хороший рыбак и удачливый охотник. Он часто угощал отца Петра и других соседей то ухой, то вяленой рыбкой. Его неразлучным спутником и другом был азербайджанец Мусик, женатый на русской. Мусик работал шофёром на хлебозаводе. В свободное время он возился со своей «Волгой», такой же чёрной, как у Ивана, но совершенно разболтанной и многократно битой, главным образом оттого, что Мусик не ездил на ней трезвым. К удивлению отца Петра, азербайджанец все свои выходные был навеселе. «Мусик! Почему ты всё время «под градусом»? Мусульмане ведь не пьют!» «Какой я мусульманин! Живу в России, женат на русской. Два сына у меня крещёные. Свинину ем уже лет двадцать!» – отвечал Мусик. «Вот-вот, скоро станешь русским. Давай крестись!» – подначивал друга Иван. «Да я бы не против, но как потом в глаза родне смотреть? Ведь мне на Кавказ ходу не будет!» – сомневался Мусик, выкатывая большущие чёрные глаза с желтоватыми белками и разводя волосатыми

руками. Он очень любил отца Петра и, бывало, если увидит, начинает зазывать: «Отец! Иди к нам! Посидим, поговорим». Мусик был честным, наивным, как ребёнок и по-кавказски гостеприимным. Над ним часто подшучивали, но он не обижался. Если бывал при деньгах, поил и кормил всех соседей. Если занимал деньги, всегда отдавал в срок. Удивительно: сколько бы Мусик не пил, на другой день всегда был, как стёклышко, ибо обладал железным, поистине кавказским, здоровьем. Обычно, если выходные у друзей совпадали, они с утра занимались машинами: что-то чинили, варили, красили, помогая друг другу. Вторая половина дня и вечер посвящались отдыху. Тут же, перед воротами гаража разводили костёр и жарили шашлыки или рыбу, или колбасу, а если ничего вкусного не было, то просто хлеб и картошку из погреба. На свет появлялась бутылочка самогона, расставлялись складные стулья и приглашались ближайшие соседи, в первую очередь Митрич, который, как никто, умел поддержать приличный разговор на любую тему, посоветовать нечто полезное и рассказать подходящую случаю байку. Иногда и отец Пётр был участником этих посиделок и не без интереса прислушивался к рассказам Ивана о войне, о службе в Германии, о поездке за рыбой на дальние озёра. Иван неторопливо и обстоятельно вёл разговор, а Мусик стоял перед ним и изредка комментировал слова друга, выразительно жестикулируя и время от времени наполняя стаканы. «Кто такие пуштуны? Да наподобие наших цыган. Живут, как кочевники, по своим законам. Что? Нет. С нами они не воевали. Узбеки, таджики – да. Эти – нет. Они даже поддерживали с нашей армией взаимовыгодные контакты. Мы пуштунам тушёнку, они нам овощи и фрукты. Мы им сапоги, они нам барашка. Однажды мой заместитель говорит: «Иди, посмотри. У пуштунов что-то затевается». Я пошёл. Два пуштуна о чём-то поспорили». «О чём?» – влез Мусик. «Не знаю. Может, из-за какого имущества, может из-за женщины». «Из-за женщины?» «Да. Что тут такого необычного? Мужики часто дерутся из-за женщин, тебе, кавказцу, лучше знать! Короче, общество постановило, чтобы они решили спор поединком на саблях». «У них что, оружие есть?» – не унимался Мусик. «Да, точно, как у вас на Кавказе: что за мужчина без оружия! У всех пуштунов винтовки, правда часто музейного вида, и клинки. У них ведь милиционеров не имеется… Ну, в общем, схватились эти двое и один другого порешил…» «А вы что?» «А мы ничего. Это их дело. Живут, как им хочется…» «Вань! Расскажи, как в ГДР охотились». «Ну, раз пошёл я на кабана. Зверя у немца много, хотя угодья небольшие…» «Не то, что у нас» – перебил другой собеседник. «Да, не то, что у нас. Здесь угодья, вон какие, а паршивого зайца

не увидишь: все перетравили и перебили! Ну вот, я, чтобы заслужить право на отстрел кабана, не только деньги заплатил, но ещё и отработал в охотхозяйстве (такой у немцев порядок). Они зимой зверя подкармливают корнеплодами и сеном. Вот я этот корм и развозил. Причём вываливается всё это прямо на задворках какой-нибудь деревни. Зверь людей не боится. Приходит днём и спокойно кормится. Тут же рядом вышка, с которой в сезон охоты его отстреливают». «Так это всё равно, что корову в стаде убить!» «Ну, ты уж скажешь!» – обиделся Иван, – «оно конечно не так, как следовало бы, но в Европе никакая охота по нашим понятиям и невозможна. Короче, засел я на вышке. В сумерках гляжу: кто-то идёт к копне. Глаза светятся. Оказывается, кот из деревни пришёл. Наверное за мышами. Сижу дальше. Вдруг слышу хруст и появляется молодой такой и ладный кабанчик. Я бац по нему!» «Пулей?» «Картечью. Он брык и готов. На три пуда потянул». «Ты его съел?» «Как бы не так! Прибежал егерь и объявил, что я нарушил закон. Если к засаде, где ты сидишь, приближается кошка или бродячая собака, ты обязан их застрелить, потому что они есть вредители охотничьего хозяйства, а я в кота стрелять не стал, потому что после выстрела никакой кабан уже бы не пришёл. Поэтому тушу кабана у меня изъяли, да ещё и штраф содрали. Так то!» «Ну и дурацкие законы у этих немцев!» «Дурацкие не дурацкие, а со своим уставом в чужой монастырь не суйся!»

Подобные беседы чередовались с азартными спорами о том, как лучше покрасить Сашину «восьмёрку» или каким образом залатать дыру на крыле Мишиного «Москвича» и т. п.

4

Зимой гаражи тонули в снегу. Далеко не все автолюбители в это время пользовались своим транспортом. Поэтому дорогу часто заносило, и выехать по скользкой горке наверх становилось трудно. Главное неудобство заключалось в том, что из всего обширного гаражного архипелага только одна дорога вела наверх – в город. Иногда, успешно начав подъём на своей переднеприводной модели, отец Пётр видел перед собой какой-нибудь закопавшийся «седан» и вынужден был затормозить. Без разгона машина уже не лезла вверх и приходилось прибегать к помощи прохожих. Кроме того, если зима выдавалась снежной, приходилось раскидывать десятки кубов снега. В зимний сезон особенно выручала товарищеская солидарность автолюбителей. Без неё иной раз выезд становился невозможен. Зимой жизнь в

гаражном кооперативе замирала. Сидеть в неотапливаемых помещениях становилось невозможно. Правда, иные ставили себе самодельные печки на жидком, твёрдом или электрическом топливе, но это лишь те, кто подрабатывал или делал нечто в гараже своими руками. Кое-кто рисковал греться в машине. Через эту пагубную привычку только в ближайших к отцу Петру блоках погибло трое. Особенно трагичной оказалась смерть его ближайшего соседа Мишки – маленького задорного говорливого человечка, снявшего в аренду Сенин гараж через стенку от священника. Миша сильно пил. Трезвым в гараже он не появлялся. Поставит свою дряхлую «пятёрку», достанет привезённую бутылку и нахлестается до умопомрачения. При этом у Миши имелась дурная привычка запирать гаражные ворота при включённом двигателе, оставляя открытой лишь калитку. Миша сидел в салоне «пятёрки», пил водку и слушал музыку по магнитофону. Неоднократно отец Пётр уговаривал соседа поостеречься. Гараж наполнялся выхлопными газами до такой степени, что был риск не добраться до выхода живым, на что Миша неизменно отвечал, что учить жить его не надо, и он всегда сумеет выйти на чистый воздух. Однажды рано утром священник увидел раскрытую калитку соседнего гаража и услышал рёв мотора «пятёрки» на пределе мощности. Миша газовал раз за разом, нещадно давя акселератор. Отец Пётр выгнал собственную машину и поспешил по своим делам. Последнее, что он увидел в зеркале заднего вида – густое облако чёрного выхлопа, рвущееся из калитки соседнего гаража. Когда священник вечером вернулся в гараж, он увидел милицейскую машину. Два молодых милиционера дежурили перед входом в соседний гараж. Заглянув внутрь, отец Пётр увидел мёртвого Михаила, лежавшего с прижатыми к груди согнутыми руками и открытыми остекленевшими глазами. Лицо покойника было слегка закопчённым. Милиционеры рассказали, что перед смертью Михаил снял крест и положил его на панель приборов, затем открыл боковую дверцу машины…, из чего священник понял, что сосед покончил с собой. Отчего? Что привело его в отчаяние? Перед этим он пьянствовал несколько дней подряд и, похоже, не ночевал дома. Наверное, у него были семейные неприятности, не могло быть иначе при его беспросветном алкоголизме. «Отчего он не поговорил со мной?» – сокрушался отец Пётр. Впрочем, с похмелья Миша нёс всегда какой-то вздор…» Жалко человека. Пропал. Его теперь и отпеть нельзя как самовольно наложившего на себя руки. Как часто мы своим равнодушием оставляем людей один на один со смертью, не замечая критического состояния души ближнего и не оказывая ему внимания и помощи в нужный

момент!» – размышлял священник. Теперь, глядя на постоянно запертые ворота и калитку соседнего гаража, он вспоминал соседа-самоубийцу и какое-то смутное чувство вины не давало ему покоя.

Гаражный архипелаг был уединённым местом. Осенью, зимой и ранней весной после 17 часов здесь почти никого не было, и это уединение нравилось батюшке. Впрочем, иногда отсутствие соседей таило опасность. По крайней мере, дважды отец Пётр испытал это на себе. Чтобы попасть в свой бокс ему приходилось пройти две трети территории кооператива. Однажды в вечерний час из-за угла длинного гаражного бокса, вытянутого вдоль дороги, навстречу появился незнакомый парень, направивший на священника обрез винтовки: «Вот положу тебя здесь, и никто не узнает!» – заявил хмельной незнакомец. Ни ростом, ни крепостью он не выделялся, так, мозгляк какой-то, но глаза у него были злые и он не шутил, коль передёрнул затвор винтовки. Долю секунды священник колебался, как поступить. Затем счёл за лучшее сделать вид, будто ничего не происходит. В том же темпе отец Пётр продолжал двигаться в прежнем направлении, читая про себя псалом 90-й «Живый в помощи…» Прошло несколько напряжённых мгновений. Священнику стоило больших усилий не ускорить шага и не оглядываться. К счастью, дорога вскоре заворачивала за угол, и он исчез из сектора обстрела обозлённого парня. Выстрела так и не последовало, и батюшка вздохнул с облегчением. Он был уверен, что никогда не видел этого парня и чем вызвал такое раздражение, не понимал.

В другой раз какой-то юнец спустил на священника собаку – кавказскую овчарку. Просто так, ни с того, ни с сего приказал собаке: «Возьми его!» Однако, отец Пётр, неплохо знающий повадки животных и сам державший собак, успел разглядеть, что пёс, хоть и огромный, но молодой, неопытный, к тому же явно не притравленный по человеку. Поэтому он принял единственно правильное решение: продолжил идти своей дорогой, не делая резких движений и показывая вид, что вообще не замечает бегущей собаки. Овчарка пронеслась мимо.

Впрочем, подобные неприятные инциденты больше не повторялись, хотя священнику приходилось иногда посещать гараж и ночью, если его вызывали к больным или умирающим, ибо служитель алтаря должен быть готов ко всему по старинной поговорке: не доспи, не дообедай, всё крести, да исповедуй. И если уж ночью поднимают с постели, значит, случилось что-нибудь серьёзное, какое-нибудь несчастье. Отец Пётр видел много горя, так много, что если бы оно не уравновешивалось радостью при совершении таких треб, как крестины и венчания,

существование священнослужителя превратилось бы в сплошное мучение, потому что ему никогда не удавалось «закалить» себя при виде чужой беды и оставаться отстранённо-равнодушным, как это иногда случается, допустим, с медиками. Иногда он терялся и не знал, что сказать людям, потрясённым ударами судьбы и тогда про себя просил Бога о вразумлении, чтобы помог облегчить бремя скорби людской. И находились слова, подбирался, как-то сам собой, верный тон и подход и иногда осушались слёзы и даже появлялись улыбки. В сущности, часто в большом горе слова постороннего человека не нужны и бессильны, он служит лишь как объект, на которого изливают своё горе, перекладывают своё бремя, часто сломленному несчастьем некому излить душу и надо просто выговориться, после чего наступает некоторое облегчение.

Отец Пётр, молча, двигался по гаражному архипелагу. По дороге вспоминал: вот в этом гараже номер 390 хозяин – пожилой человек, овдовел и спрашивал священника, можно ли ему снова жениться и когда. «Не можешь прожить один?» – спросил отец Пётр. «Жутко домой возвращаться в пустую квартиру. Дети взрослые и живут отдельно…». «Христиане должны вступать в брак с целью рождения детей, а ты чего? Потерпи хотя бы год, а там, как Бог даст».

В 405-м у хозяина погиб сын, мальчик 13 лет. С тех пор отец никогда не улыбается. Священник помнит, как проливал крышу своего гаража битумом, а несчастный отец сидел перед разведённым для этой работы костром и безмолвно глядел на огонь. Отложив своё занятие, отец Пётр сел по другую сторону костра и так же, молча, наблюдал за мятущимися языками пламени. Порою даже молчание может сказать многое красноречивей всяких слов… И так, почти каждый бокс и каждый отсек пробуждал воспоминания, а отец Пётр всё шел и шёл к своему гаражу, прислушиваясь к птичьим трелям и ощущая на щеке тёплые ласковые лучи восходящего солнца.

Май 2008

ГОЛУБЧИК

Я освободился из заключения осенью 1954 года. Сидел по 58 статье «враг народа», и заключение это не было первым в моей жизни. Кроме жалкого гардероба – телогрейки, ватных брюк и шапки-колымчанки, все мое имущество умещалось в фанерном чемоданчике – картина, примелькавшаяся в те годы. Я был невероятно худ, постоянно кашлял и волочил левую ногу. На ней зияла глубокая, до кости, незаживающая рана, тупая боль от которой не отпускала меня ни на час. Все же я рад был вернуться в родной дом, который оставил, вернее, вынужден был оставить восемь лет назад. Восемь лет мук и лишений, восемь лет голода, холода и страха, восемь лет на глазах посторонних – вынужденных соседей! Я чувствовал неимоверную усталость и холодное отчаяние. Вера в Бога все еще поддерживала меня, но она тлела слабой искрой, и апатия завладевала мною. Все же я узнал, что городская церковь открыта, действует, и в ней собираются богомольцы со всего города, а я восемь лет не был в храме… Меня потянуло туда с необыкновенной силой.

Действительно, небольшой храм оказался полон народа. Служил незнакомый мне пожилой священник. Пробившись к кассе, я купил самую дешевую свечку, чтобы поставить ее святителю Николаю. За кассой стояла знакомая мне когда-то Акулина Ивановна, теперь сильно постаревшая. Она узнала меня, лишь когда я назвался.» Боже мой! В кого ты превратился! Но не горюй, не горюй! Подойди ты к батюшке, к отцу Алексию». Акулина Ивановна рассказала, что отец Алексий в прошлом врач и многим людям помог и как духовник, и как медик. Она говорила о настоятеле с восторгом, видно, он совсем ее покорил.

Я решил дождаться конца службы, чтобы встретиться с отцом Алексием. Оказалось, батюшку ожидали и многие другие люди. Он уже закончил службу и вышел из алтаря, а к нему все время подходили с какими-то вопросами и за благословением. Я решил дождаться его на улице. В ожидании присел на скамейку и вспоминал свои многочисленные, как мне тогда казалось, жизненные неудачи… Мое голодное детство пришлось на гражданскую войну. В деревне нашей все тогда бедствовали, но мы с матерью особенно, так как отец мой погиб на фронте. Я носил совершенно ветхую одежонку и не имел обуви. Однажды меня подозвал сельский священник отец Никита и вынес из своего дома небольшой сверток. Оказалось, в нем лежал старый синий подрясник – батюшка заметил мое бедственное положение. Из этого ветхого, но дефицитного тогда материала, мать сшила

мне курточку и брюки, которые худо-бедно прослужили мне немалый срок. Я и раньше был религиозен, любил посещать храм, а с этого момента благодарность и любовное уважение к духовенству прочно поселились в сердце.

Вспомнил я и годы лагерей, свой неудачный побег. Два дня я был на свободе. Два дня не ел и не спал. Бежал, шел, снова бежал без отдыха. И очутился, как мне казалось, далеко от «зоны». Сморенный непомерной усталостью, заполз в крошечную пещерку, замаскированную ветками кедрового стланника и заснул, совершенно обессиленный… Разбудили меня человеческие голоса. Выглянул из пещеры. Было раннее холодное утро, от озноба зуб на зуб не попадал, но от увиденного меня бросило в жар: шагах в 40 у корявой лиственницы разговаривали два бойца охраны. Один из них, совсем молоденький, безусый, тот самый, от которого я сбежал, другой старше, злее… На длинном ремне этот последний держал овчарку. Я замер в тоске и ужасе. Сердце колотилось в ребра, во рту разливалась отвратительная горечь… И вдруг собака, которая все время вела себя беспокойно, потянула в мою сторону. Азартно повизгивая, она ринулась к моему убежищу, увлекая за собой вожатого.

Так я был обнаружен. Младший охранник, хотя именно перед ним я был больше виноват, меня не тронул, зато старший… И еще в «зоне» меня долго били другие бойцы…

Дверь скрипнула, и отец Алексий вышел на улицу. Он был небольшого роста, но плотненький и коренастенький, маленькая бородка клинышком… Лысая голова прикрыта черной бархатной скуфейкой, из-под которой выбивались седые кудельки. Он семенил забавной подпрыгивающей походкой, серые глаза глядели задумчиво куда-то в конец улицы. Весь его облик был необыкновенно располагающ. Ваша душа сама как бы раскрывалась ему навстречу. В уме я уже составил несколько фраз, с какими обращусь к нему, но, подошедши, забыл их все и только жалобно произнес:» Батюшка! Полечите меня!» Он остановился, поглядел на меня, всплеснул ручками и сказал:» Голубчик!» И столько доброты, ласки и нежности было в этом обращении, что я не выдержал и разрыдался. Он обнял меня за плечи и повел к себе домой. Там нас встретила матушка, такая же, под стать ему – маленькая, седенькая и полненькая. Оказалось, она тоже врач. В доме у них постоянно проживали какие-то старушки: Елизавета, две Марии… Я их запомнил, потому что они были главными помощницами у отца Алексия и сиделками у больных. Я жил в этом доме, пока не поправился. Нога зажила, и теперь только большой шрам напоминает мне о том тяжком времени, когда после многих лет тяжких мук

ласковый голос произнес: «Голубчик!»

ГОРБУН

Ровно в 13 часов 05 минут, как обычно по будням, Максим Серапионович Шустов открыл дверь своего подъезда в пятиэтажном «хрущовском» доме в одном из нешумных, но и не слишком удаленных от центра районов Москвы. Замок на железной двери «страха ради чеченского» был гаражным и большим. Соответствовал замку и ключ – нечто тяжелое с зазубринами, напоминающее оружие из арсенала японских ниндзя. Этот ключ делал всю связку громоздкой и неудобоносимой, поэтому, чтобы не затрудняться лишний раз, Максим Серапионович не стал опускать связку в карман, а зажав ключ в руке, поднялся на второй этаж по узкой со сбитыми ступеньками лестнице к своей «полуторке», доставшейся по наследству от родителей. Был он мал, худ и горбат, ростом не выше 140 см. Несуразно большой была только его голова с высоким «сократовским» лбом, дополнительно увеличенным широко расползшейся плешью. Лишь на затылке оставались клочья тускло-черных волос, напоминавших, что их владельцу уже без двух лет 50. Творец никогда не бывает беспощаден к своему произведению. Всякое безобразие искупается каким-то противовесом. Квазимодо – все-таки плод фантазии, хотя и гениального писателя. Физическое уродство Максима Серапионовича искупали его глаза: большие, черные, ясные, блестящие, с добрым и чуть виноватым выражением.

Хотя подъезд был чистым и безмолвным, на стенах отсутствовали надписи, а под ногами не валялись пустые шприцы с клочьями ваты, дверь квартиры прикрывалась бронированной дверью, мало чем уступавшей двери подъездной, но отличной от последней размерами замка. Максим Серапионович сноровисто одолел эту преграду, т. е. попросту отпер железную дверь, после чего перед ним возникла дверь вторая, деревянная или скорее, орголитовая или из чего их там делают? Из-за этой второй преграды послышалось нетерпеливое повизгивание. «Сейчас, сейчас!» – проворковал Шустов вполголоса, поворачивая очередной ключ. За порогом, вертя коротким хвостиком и радостно подпрыгивая, вился молодой русский спаниель крапчатой масти. «Идем, идем гулять» – проговорил хозяин, снимая поводок с гвоздика на стене. Натягивая ремень и быстро перебирая лапами, спаниель потянул Максима на улицу. Дневная прогулка всегда была краткой, минут 10–15. Ее ограничивал часовой обеденный перерыв Шустова – нужно было еще успеть поесть. Утром до работы они гуляли минут 30, а отводили душу

вечером в течение 1,5–2 часов. Вообще-то трехгодовалый Джой мог потерпеть без выгула от утра до вечера, он с детства был чистюлей, но хозяин жалел своего любимца, а поскольку место службы Максима Серапионовича было неподалеку, в обеденный перерыв он всегда приходил домой. После выгула заранее приготовленный обед разогревался на газу, тут же на кухонном столе, покрытые чистым полотенцем ждали тарелка, чашка и ложка. После окончания трапезы и мытья посуды хозяин ложился на диван немного отдохнуть, а Джой пристраивался внизу на коврике. Минут через 20 Максим Серапионович вставал и вновь уходил на службу до 17 часов. Вечером делал кое-какие необходимые покупки, возвращался домой, ужинал сам, кормил собаку, перед сном гулял с ней и ложился спать часов в 10. Так проходили будни. В выходные же все происходило иначе. Всякие нудные, но необходимые хозяйственные дела, которые в качестве старого холостяка Максиму Серапионовичу приходилось выполнять самому: уборка, готовка, стирка, гладежка и проч., занимали немало времени и для них отводился специальный день – суббота. Для возможно эффективного и безболезненного решения бытовых проблем Шустовым была куплена хорошая техникаб стиральная машина «Симменс», пылесос «Ровента» и холодильник «Аристон». Эти полезные импортные предметы входили в некоторое противоречие со старомодной весьма непрезентабельной обстановкой квартиры, приобретенной еще родителями хозяина. Максима Серапионовича это не смущало. Он заботился больше об удобстве, чем о красоте. Кстати, в его «полуторке» всегда царили порядок и чистота, весьма редкие в жилищах одиноких мужчин. Надо заметить, что в наше тяжелое время Шустов ухитрялся весьма удовлетворительно сводить концы с концами. За это нужно благодарить родителей, мудро направивших единственное чадо – инвалида (однако золотого медалиста при этом) на факультет бухгалтерского учета. Что было бы сейчас с Шустовым, стань он математиком или физиком? Прозябал бы в каком-нибудь НИИ, не получая зарплаты по полгода. А бухгалтеры нынче востребованы как никто. Вначале наш герой работал на небольшом московском заводике, который на заре пресловутых «реформ» приказал долго жить. Пришлось перейти в громадный новый универсам, открытый по соседству от дома. В последние годы всех бухгалтеров посадили за компьютеры. В отличие от многих своих ровесников Максим Серапионович легко освоил новую технику. Подучившись на специальных курсах, он стал умелым «пользователем», что было соответствующим образом оценено начальством. Кстати, своими школьными, да и служебными успехами Максим Серапионович

служит весомым подтверждением некоей гипотезы, высказанной репортером одной столичной газеты, изучавшим московских вундеркиндов. Репортер пришел к ошеломляющему и открывающему широкие горизонты в педагогике выводу, что все интеллектуально выдающиеся дети от стают от своих ровесников в физическом развитии. Тело дескать не успевает за мозгом. По-видимому, лишь нехватка места на газетной полосе помешала автору развить эту мысль до конца. А что, если подобраться к ней с другой, так сказать, стороны? Вдруг верно и обратное утверждение: все дети, отстающие в физическом развитии, вундеркинды? Какие невиданные перспективы! Министр образования и прочие заинтересованные лица могли бы спать спокойно, уверенные в будущем российской науки, потому что производство академиков можно было бы поставить на поток, причем государству это не стоило бы ни рубля! Ведь по количеству физически ущербных детей мы выходим в мировые лидеры. А вот в какой-нибудь сытой Англии или Германии для размножения будущих светил науки пришлось бы прибегнуть к искусственным мерам в духе средневековых компрачикосов… Но это к слову. Как бы то ни было, Максим Серапионович блистал интеллектом в школе, затем на службе. Его ценило начальство частного магазина, где он работал, получая неплохую зарплату, на которую мог прокормить себя и Джоя. Кроме того, ему ежегодно предоставлялся тридцатидневный отпуск, как правило, в конце лета. Этот период был самым радостным для обоих. Максим Серапионович уезжал куда-нибудь подальше от Москвы, селился в каком-нибудь уединенном месте, желательно у воды и целые дни бродил с собакой по лесам и полям или сидел на берегу с удочкой, а шустрый спаниель носился по берегу, бросался в воду за палочкой или просто плавал до изнеможения. В воскресные дни вне отпуска друзья тоже часто выезжали на природу, но не очень далеко: в Измайловский парк, в Сокольники, еще куда-нибудь в черте города или в ближнее Подмосковье. Там они вдоволь гуляли, закусывали набранной с собою едой и к вечеру добирались домой утомленные, но несказанно довольные проведенным днем. Были ли они счастливы? В отношении Джоя – можно смело сказать утвердительно. Он переживал свой собачий расцвет. От него так и веяло здоровьем и силой: упругая кожа, покрытая блестящей шерстью, мускулы буграми, широкая и глубокая грудь и толстые крепкие лапы. Ясный и веселый взгляд карих глаз словно говорил хозяину:» У меня все в порядке!», а природная живость уравновешивалась отменным послушанием. Если спаниель, несомненно, доволен жизнью, то в отношении его хозяина на этот счет есть серьезные сомнения. В глазах

окружающих он был несчастным уродом, которого следует пожалеть, а тактичней всего не замечать, чтобы как-нибудь не ранить его самолюбие. Максим Серапионович догадывался об отношении посторонних. С самого детства он установил для себя некоторые границы общения, переступать которые боялся. С мужчинами еще было легче, но на женщин смотреть он не решался, боясь заметить в их глазах отвращение. Тут проявилось его недостаточное знание жизни, житейская неопытность, потому что и таким, как Максим Серапионович Господь порой дает счастье, впрочем, со временем горбун познал это на собственном опыте. Важно отметить: в сердце его не было злобы и зависти, возможно благодаря правильному воспитанию, добавим: воспитанию христианскому – мать нашего героя была весьма благочестивой женщиной. Со временем надежды на личное счастье, если они и теплились в душе Максима, совершенно погасли. И как раз в этот момент к нему пришла любовь. Объект был удивительный. Им стала женщина необычайной красоты – артистка одного из столичных театров, известная московской богеме не талантом, а физическим совершенством античной статуи. И не Максим выбрал ее, она сама его выбрала. Встретились они случайно – в магазине, где работал Шустов. Актриса была знакома с хозяевами заведения и заехала что-то купить. Максим Серапионович попался ей навстречу. Мы отмечали, что заглянув в глаза горбуна, можно было забыть о его уродстве и Елена взглянула… Они познакомились и стали встречаться, причем инициатором была она. Долго Максим Серапионович не давал воли чувству, боясь обмануться, но его любили, по-видимому, искренно, он вскоре получил доказательства. И все же калека колебался, и были тому причины. Несколько раз они вместе показывались в обществе – на каких-то банкетах или вечеринках. Шустова до глубины души огорчило постоянное назойливое внимание всех без исключения мужчин к его избраннице, которые, не стесняясь присутствием жен или любовниц, глазели на нее, раскрыв рот. Что им до маленького жалкого ревнивого горбуна, затаившегося в углу! Разве он препятствие для молодых, раздушенных, сильных, разодетых красавцев? Елена воспринимала мужское преклонение как должное, но Максим невыносимо страдал. Он подозревал, что для нее роман с инвалидом просто необычный жизненный эпизод и натешившись вволю, Елена его бросит, а для него это будет самым страшным несчастьем и полным жизненным крахом. В конце концов, они расстались. Видимо, опасения горбуна были не лишены основания, т. к. два года спустя Елена пленила голливудского режиссера, приехавшего к нам снимать какой-то

боевик о «русской мафии». Этот деятель западного искусства, вкусивший ласк всяких «мисс Америк» и «мисс Европ», что называется, «запал» на русскую красавицу и вскоре предложил ей руку и сердце и свои 50 лет в придачу. Елена дала согласие и теперь проживала в Штатах, утопая в неге и роскоши. Максим Серапионович узнал об этом из газет и, должно быть, испытал горькое удовлетворение, что был прав, порвав с ветреной красавицей. После этого известия он совсем замкнулся, ограничив круг общения, который после смерти родителей и так был невелик. Рассвет для Шустова замаячил снова, когда однажды он случайно зашел на Птичий рынок, просто так, без намерения покупать кого-либо. Не выдержал: пленился очаровательным одномесячным щеночком – спаниелем, таким забавным со своими длинными шелковистыми ушками. Приобретение Максима Серапионовича было случайным, но вполне удачным: пес оказался породистым и с идеальным характером. Кончилось одиночество горбуна! Теперь дома его ждало ласковое и доверчивое существо, искренне и шумно выражающее радость при встрече с хозяином, даже если он отсутствовал всего 20–30 минут. Азы домашней дрессировки, все эти «сидеть», «лежать», «место», «рядом» Джой освоил, шутя под терпеливым руководством своего господина, проявившего незаурядные педагогические способности. С послушной собакой можно без риска посещать самые людные и шумные места столицы, полные всяческих неожиданностей и опасностей для четвероногого. Впрочем, хозяин и пес старались по возможности избегать таких мест, выискивая для прогулок скверы, малолюдные переулки, дворы и т. п. Правда однажды в таком уединенном месте они оба подверглись опасности. Это случилось зимним вечером в безлюдном переулке, часов около 20. Максим Серапионович шел по тротуару вдоль старинного массивного особняка, реставрируемого московской мэрией. Джой бежал впереди хозяина. Неожиданно из-за угла появился здоровенный стаффордширский терьер без поводка. Эти собаки в то время были на пике популярности в России, сменив пресловутых «убийц – питбулей. Они стали своеобразной визитной карточкой многих «новых русских». Американские стаффорды, хотя не считаются бойцовой породой, почти ничем не отличаются от своих кровожадных собратьев – «питов» и представляют собой грозную опасность для всякой собаки вплоть до «кавказцев» и «азиатов». Самый вид их: широкая грудь, бычья шея, массивная голова с маленькими ушками, крокодильи челюсти и настороженный взгляд крохотных красноватых глазок способен вселить страх. Кто-то очень удачно сравнил эту породу с кровожадной

барракудой. За псом – каннибалом следовал его хозяин, олицетворявший тот карикатурный тип «новоросса», что выводится в анекдотах и до смешного соответствует облику амстафа в двуногом варианте: квадратные плечи, та же бычья шея с золотой «собачьей» по толщине цепью, бритая голова и свирепые маленькие глазки. Не тратя время на обнюхивание и прочие собачьи церемонии «каннибал» набросился на Джоя, которому на тот момент едва исполнился 1 год. Спаниель жалобно завизжал и попытался отбежать к хозяину, но амстаф повалил его и драл своими ужасными челюстями. Как уже упоминалось, дом, около которого произошел инцидент, находился на реставрации. Рядом на снегу валялись, как это водится у нас, некоторые строительные отходы и негодные материалы. Максим Серапионович подобрал кусок тяжелой металлической трубы и изо всех сил огрел нападавшего по хребту. Если бы удар нанес обыкновенный мужик, он бы наверняка перебил собаке позвоночник, но слабых сил горбуна для этого не хватило. Амстаф остановился на пару секунд всего лишь слегка оглушенный, но затем снова ринулся на свою жертву. Тут на сцену выступил хозяин агрессора. Одной рукой он резко ударил в челюсть Максима Серапионовича, другой схватил своего пса за ошейник, одновременно «поливая» спаниеля и его хозяина отборным матом. Если б не мягкий сугроб, в который отлетел Шустов, последствия удара могли стать весьма трагичными. Его никогда в жизни не били, тем более так сильно. На некоторое время он лишился сознания. Очнулся оттого, что стонущий окровавленный Джой лизал лицо хозяина теплым влажным языком. Свирепую парочку нигде не было видно. С трудом поднявшись, Максим Серапионович заковылял домой в сопровождении своей изрядно потрепанной собаки. Негодование и жажда мщения переполняли его. Кое-как обработав раны своего пострадавшего питомца, Шустов заглянул в ящик письменного стола и извлек из него железную коробку из-под леденцов, обмотанную липкой лентой. Это был его «арсенал». В коробке хранился пистолет «ТТ» и патроны к нему, оставшийся от отца – фронтовика. Изредка доставал Максим Серапионович свое «наследство», чистил и смазывал его, любовно взвешивая в руке. Обладание смертоносным предметом делало его неуязвимым для потенциальных врагов и наполняло сердце уверенностью в своих силах. Впрочем, пистолет ни разу не был в деле, а лежал себе мирно в ящике стола. Но теперь горбун решил выходить на улицу только с оружием в кармане, хотя бы по вечерам. На другой день перед выходом на вечернюю прогулку он достал пистолет и уже хотел опустить оружие в карман, как вдруг взгляд его упал на

икону Казанской Богоматери, висевшую в углу. Эта старинная икона в серебряном окладе была благословением матери. Максим Серапионович помнил ее с раннего детства. Много раз он стоял перед ней на коленях, обращаясь к Пречистой со всякими горестями и нуждами. Поколебавшись немного, он вернулся к письменному столу и положил пистолет обратно в ящик.

Со временем раны зажили и неприятное происшествие забылось. Больше подобные инциденты не повторялись. Только на следующую весну произошел неприятный случай, но совсем другого рода, заставивший Максима Серапионовича сильно поволноваться за своего питомца. Джой внял, так сказать, «властному зову природы» и удрал на прогулке на собачью «свадьбу». На свистки и команды хозяина не реагировал. Отсутствовал 6 часов. Все это время обеспокоенный Шустов пытался найти любвеобильного пса, но тот в конце концов вернулся сам, погавкал перед подъездом и был впущен внутрь, благо это случилось в субботу и хозяин был дома. С тех пор прошел год. Джой вел себя образцово и не повторял подобных выходок, но…опять была весна. В Москве очень много собак: и бродячих и имеющих хозяина, из них, по крайней мере, треть – «дамы» и не меньше половины из них пустуют в марте-апреле, оставляя пахучие метки, сводящие с ума четвероногих кавалеров сильнее, чем кавалеров двуногих французские духи. Джой заметался, уткнув нос в землю, и припустил галопом по улице, не обращая внимания на вопли хозяина. Через пару секунд он скрылся из виду. На этот раз Максим Серапионович не так уж и обеспокоился. На всякий случай он прошел несколько кварталов в направлении движения четвероногого «Ромэо», никого не обнаружил и вернулся домой. Из квартиры он позвонил на работу и отпросился, сказавшись больным. Затем он снова отправился на поиски Джоя, которые оказались абсолютно безуспешными. До ночи он еще дважды выходил на улицу, кричал, звал – все бесполезно. Скрепя сердце, около 12 часов ночи Шустов улегся спать. Ночью ему мерещились всякие страхи: то его любимца переезжала машина, то его заарканивали собаколовы, то трепала большая злая собака… В 6 часу утра Максим Серапионович выглянул на улицу, надеясь обнаружить спаниеля у подъезда – напрасно. Пол следующего дня прошло в бесплодных поисках. К обеду усталый и огорченный Шустов возвращался домой. У соседнего подъезда он увидел известного всему дому пенсионера Федорыча, сидевшего на скамейке в обществе старой сварливой псины пальмы. Этот Федорыч был огромный толстый старик, страдающий одышкой. Целые дни в любое время года он просиживал на скамейке под окнами своей квартиры и созерцал

дворовую жизнь во всем ее разнообразии. Федорыч знал всех и вся. Пожилые люди из окрестных домов частенько сиживали рядом с этим дедом и накачивали его разнообразной информацией. У Федорыча была редкая в наши дни, почти аристократическая привычка: нюхать табак. Специального зелья для этой цели он достать не мог, поэтому потрошил дешевые сигареты, ссыпая содержимое в коробочку. Затем время от времени толстыми, как сардельки пальцами доставал щепотку, заряжал ею ноздрю своего громадного шишковатого носа и оглушительно чихал. Старушка Пальма после этого залпа начинала одобрительно стучать хвостом и перебирать лапами, чтобы через минуту снова впасть в летаргию, свернувшись под скамейкой у ног Федорыча. Максима Серапионовича Федорыч знал и уважал, помня еще его родителей. Не опускал случая с ним поздороваться, а то и перекинуться парой фраз. На этот раз Шустов сам приостановился у скамьи и, зная возможности собеседника, рассказал ему о своем горе». Ишь ты! Удрал значит? А чего удивляться! Весной щепка на щепку лезет. Придет, куда денется! Второй день говоришь? Это чего-то не то… Может поймал кто? Пес то красивый. Слушай, а может он пескарю попался? Слыхал про такого?» Пескарь был местный алкоголик лет под 60, из которых он не менее половины провел за решеткой. Поговаривали, что он ест собак и кошек. Как ни мало интересовался Максим Серапионович окружающим миром, слухи о Пескаре и его необычных кулинарных пристрастиях достигли его ушей. Он поморщился. Противная дрожь пробежала по плечам. «Федорыч! А где он живет?» «Пескарь то? Да тут, неподалеку». Старик назвал адрес. «У него только что и осталось: квартира, полуторка, как у тебя». Резко повернувшись, Шустов заспешил к своему подъезду. «Расстроился горбун. И то сказать, окромя как с псом ему и слова не с кем перемолвить» – подумал Федорыч, залезая в заветную коробочку за зельем и глядя на удалявшуюся крохотную фигурку.

Томительный день завершился, а от Джоя по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Наутро максим Серапионович опять стал рано. Заставил себя выпить чаю с булкой, хотя душою ему было не до еды. Затем он открыл заветный ящик и вынул из него свое грозное оружие. На выходе из комнаты он ясно почувствовал какое-то жжение в спине, но не оглянулся, а махнув рукой, заспешил вон из квартиры. Пескарь жил в 10 минутах ходьбы в такой же «хрущобе», как шустов, но еще более старой и обшарпанной. Железная дверь в подъезде правда была, но задвижка на ней отсутствовала, вследствие чего дверь гостеприимно распахнулась, словно приглашая всех окрестных

алкашей. Приглашение не оставалось без ответа, о чем красноречиво свидетельствовало состояние подъезда. Максим Серапионович поднялся на 3 этаж и позвонил в изуродованную перекосившуюся и облупившуюся дверь 23 квартиры – никакой реакции. Тогда он толкнул дверь, и она подалась, открыв взору крошечный смрадный коридор. Не без робости гость сделал шаг вперед. Другая застекленная дверь прикрывала проход в комнату, но ванная была открыта и в ней горел свет. Невыносимый смрад с силой ударил в ноздри, а ноги прилипли к полу, покрытому полужидким слоем грязи. Ванна на треть была заполнена вонючей водой, в которой стопками лежали разноцветные шкуры. С трудом сдерживая рвоту, пришелец двумя пальцами приподнял черную в завитках верхнюю шкурку. Под ней плавали другие: рыжие, белые, полосатые – большие и мелкие, последние, очевидно, кошачьи. Горбун отступил назад, вынул из кармана «ТТ» и передернул затворную раму, резким движением распахнул застекленную дверь, за которой открылась совершенно пустая, невыразимо грязная комната со стертыми полами почти без краски и с обрывками обоев на стенах. На секунду он замер в нерешительности, но тут из соседнего помещения послышалось нечто вроде хрюканья. За второй дверью в крошечной комнате на железной кровати без всяких признаков постельного белья, на залитом и засаленном матрасе, брошенным поверх просевших пружин, возлежал мертвецки пьяный субъект с недельной щетиной на опухшей роже. Весь его гардероб состоял из когда-то голубой, а ныне серой от грязи майки и «семейных» трусов в дырках. Он поднял круглую башку со смятыми и слипшимися волосами и тупо уставился на гостя блеклыми опухшими глазами. Промычав что-то нечленораздельное, Пескарь (это был он), снова уронил голову на матрас и захрапел. Максим Серапионович едва обратил внимание на хозяина, потому что до слуха его донеслось знакомое повизгивание, исходящее из запертой крошечной кладовки в углу комнаты. Рванувшись к ней, он быстрым движением распахнул дверцу. Серый крапчатый ком вылетел оттуда с радостным воплем и кинулся на грудь хозяину. Похудевший и вонючий пес снова и снова кидался в объятия хозяина и вмиг облизал ему лицо и руки. Спрятав «ТТ» в карман и схватив на руки свое сокровище, горбун отправился к выходу, но затем приостановился, повернулся к Пескарю и изо всех слабых сил дал ему пинка ногой, после чего поспешно вышел из смрадной квартиры на свежий воздух. По прибытии домой, Шустов наполнил миску Джоя до краев каким-то варевом и пока спаниель, давясь и чавкая, глотал ее содержимое, Максим Серапионович упал на колени перед материнской иконой и

залился радостными слезами.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда отца Петра Цветкова спрашивали, как он будет справлять день рождения, он неизменно отвечал: «Да никак. Для празднования есть день тезоименитства. У меня он 12 июля в день святых апостолов Петра и Павла… Службу отслужу и домой. Там меня матушка с детьми поздравит, а пировать и плясать по моему сану и неприлично. Я не царь Ирод» – намекая на главу 6-ю Евангелия от Марка. Но в том году случай был особый. Протоиерею исполнялось 40 лет – круглая дата. И матушка, и дети настаивали на праздновании. Наконец, отец Пётр уступил. Его родственники, прихожане, друзья и немногочисленные спонсоры решили устроить батюшке сюрприз. Сняли зал на 20 персон в московском кафе. Тщательно продумали программу вечера и меню. Юбиляра собирались поздравлять со стихами и песнями. При этом должна была звучать и музыка, только церковная и классическая, другой отец Пётр не признавал. Торжество должно было начаться в 15 часов. Таким образом, после службы и лёгкого завтрака все успевали приготовиться, принарядиться и доехать до столицы, расстояние до которой от прихода, где служил юбиляр, составляло 60 километров.

В нужный час дети уже были готовы и вертелись у всех под ногами, матушка спешно доглаживала парадную юбку и подбирала бусы, гармонирующие по цвету с блузкой, когда громко и требовательно взревел телефон. «Надеюсь, это не какая-нибудь срочная треба» – заявила она – «стоит куда-нибудь собраться, как тут же требуется отец Пётр! Если что, откажись, отложи на другое время. У тебя всё-таки юбилей! Имеешь же ты право на отдых!»

«Слушаю» – меланхолично отозвался священник, поднимая трубку. В продолжение разговора его лицо приобретало всё более и более виноватое выражение. Так и есть! Это был вызов к умирающей, вызов срочный. Лежачая больная явно доживала последние часы, а может минуты. Вздохнув, отец Пётр снял парадную рясу и надел ветхий выцветший подрясник с глубокими вместительными карманами, куда можно было засунуть и портативный требник, и коробочку с ладаном, и пачку легковоспламеняющегося угля, и прочие предметы, нужные на требе. «Едешь, да?» – разочарованно протянула матушка. Протоиерей лишь развёл руками: «просят соборовать и причастить. Отказывать нельзя, сама знаешь. Авось в кафе подождут?»

«Ну не знаю, не знаю. Сейчас попробую туда позвонить. А

что-то скажут благодетели?»

«Объясни им пожалуйста ситуацию. Скажи, что я не мог отказать».

«Попробую. Только в кафе наверное график и после нас будет другая компания. Ну да ничего не поделаешь».

Через полчаса замызганные старые «Жигули» отца Петра остановились возле уродливого дома барачного типа. На улице его поджидал Иван Сергеевич – старик-прихожанин, вызвавший священника к умирающей соседке-старушке. Проводив отца Петра на второй этаж, он своим ключом отпер дверь. В нос пахнуло вонью старого дерева, мокрых тряпок, общественной кухни и немытого тела. На железной кровати, укрытая какой-то жалкой пахучей рванью, лежала высохшая маленькая старушка. Края одеяла и грязной простыни свешивались низко над полом. Внезапно они зашевелились, и из-под кровати высунулась маленькая лохматая оскаленная мордочка и тявкнула на подходившего священника надтреснутым фальцетом. «Дамка! Дамка! Иди сюда!» – поманил собачонку-телохранительницу Иван Сергеевич. «Вот я тебе косточку дам!» Дамка неохотно покинула свою засаду и, подозрительно взглянув на отца Петра, боком-боком прокралась на кухню, где Иван Сергеевич разложил на газетке обещанное угощение.

Старушка лежала, закрыв глаза. Похоже, она уже наполовину оставила этот мир и отчасти жила в ином месте и, когда пастырь дотронулся до неё, не сразу поняла, что происходит и чего от неё хотят. Затем глаза умирающей приняли осмысленное выражение, и она что-то прошелестела едва слышным голосом. «Всё поняла» – сообщил Иван Сергеевич – «она ведь сама попросила священника». Отец Пётр начал требу. Соборование продолжалось очень долго, так как совершитель был один, вместо положенных семи священнослужителей, и ему самому приходилось и читать, и петь, и кадить, и священнодействовать. Впрочем, для отца Петра такое положение дел стало привычным. Он с удовлетворением отметил, что старушка в конце таинства дышит так же ровно, хотя и тихо, как в начале. Значит, дотерпит до конца, и будут исповедь и Причащение, не понадобится никаких срочных, экстренных мер. Наконец, всё было закончено. Болящая вынула из-под одеяла высохшую, как куриная лапка, ручку и слегка пожала ею ладонь священника. Она была довольна. Ворчащая Дамка снова водворилась в своё убежище под кроватью и пару раз гавкнула оттуда, давая понять, что расслабляться не собирается и выполнит свой долг до конца. Отец Пётр сказал пару напутственных слов старушке и ласково простился с ней. Он никогда не уходил просто так, как рядовой требоисполнитель,

выполнивший своё дело и формально выполнивший свой долг. Он всегда старался как-то ободрить, утешить, вселить надежду.

На обратном пути, крутя баранку и напевая любимую арию из «Царской невесты», священник приоткрыл окно. Тёплый ветер ворвался в салон гортанными криками грачей и запахом распустившихся почек. На душе было радостно. Даже в день своего праздника отец Петр не отказал просящему. А вечер? Вечер состоялся позже на 3 часа и был весёлым и удачным во всех отношениях.

2005

ЗА ЯЩИКОМ

Стоять за церковной кассой, так называемым «ящиком», совсем не простое дело. Обычно продают церковную утварь (свечи, иконы, крестики и прочее) и принимают записки о здравии и упокоении приходские старосты, казначеи или их помощники, но на одноштатном приходе всё иначе – людей не хватает и за ящик встаёт и матушка настоятеля, а то и сам настоятель. Народ у нас всё ещё мало церковный, поэтому иногда задаёт задачки, которые простая бабушка-прихожанка, пусть даже облечённая определённой властью и доверием приходского совета, решить не в состоянии. Она ведь не училась в церковно-приходской школе (те, которые учились до революции, уже вымерли) и не изучала Закон Божий.

«Где подать записку «за здорово живёшь?»

«Что такое «внембо»?

«Можно в записке поминать католиков?»

«Дайте мне икону Божией Матери, но не с мальчиком, а с девочкой». (?)

Моё доверенное лицо – старушка Раиса Ивановна довольно легко справляется с первым пунктом, второй и третий ставят её в тупик, четвёртый поражает откровенной тупостью. Она бежит ко мне за разъяснениями и мне приходится выяснять, откуда взято непонятное слово. «Ну, батюшка, это на Рождество поют: «… внембо звездам служащии звездою учахуся…» «Так это не одно слово, а несколько: «в нем бо», то есть «ибо в нём», имеется в виду «в событии Рождества». В записках можно поминать только православных. На домашней молитве допускается помин инославных – протестантов, католиков, армян». Умалчиваю о том, что есть и другие мнения. Сейчас неуместно заводить дискуссию на данную тему.

В записках почему-то особенно достаётся новопреставленным. Их обзывают то «новоприставленными», то «по новой представленными», а один раз мне написали «ногу приставленную». Иногда в записках попадаются дополнительные сведения о поминаемых: «Помянуть Петра- прелюбодея» или «Ивана – коммуниста» (это ещё в советское время). Выдают не только имя, но и фамилию и отчество, что совершенно излишне, иногда возраст: «старца», «младенца», что не необходимо, но допустимо. Однажды о здравии поминали «раковичку Ирину» и весь алтарь гадал: то ли она отроковица, то ли больная раком? Часто пишут сокращённые имена: Таня, Фрося, Миша. Но это ещё ладно, а вот поминали как-то о здравии Ролика, так с большим

трудом уадалось выяснить, что это Роланд – тоже имя популярное на Западе, но в святцах отсутствующее. Трудность в том, что священнику приходится читать записки вслух и на ходу «преображать» такие имена в полные, настоящие, но тут уж ничего не поделаешь, ибо в большинстве записки пишут старые люди, порою с больными глазами, не всегда достаточно образованные, часто страдающие склерозом. Одна бабулечка принесла записку о здравии «Коляна», «Вована» и проч. Выяснилось, что записку под её диктовку писал внук. Прежние старушки, родившиеся и воспитанные до 1917 года, в церковных вопросах порой были весьма сведующими. Нынешние же – поколения 20-х- 30-х годов не имеют понятия об этих предметах. В молодости они по известным причинам были лишены церковного образования, а в старости запомнить что-то новое гораздо сложнее, хотя ныне духовной и церковной литературы просто море.

Особая проблема с мусульманами. Поминают Моххамеда, Али, Мусу, Ахмета. Объясняем: иноверцев писать нельзя, ведь они даже не христиане. «Так мой муж татарин. Что ж, мне его не поминать?» «Если он крещён в Православии, то национальность не имеет значения, но если он мусульманин, в церкви за него молиться нельзя». «Что вы понимаете! Бог для всех един!» «А ты чего за него вышла? Тебе русских мужиков не хватает?» Приходиться вмешиваться и объяснять, что Боги у нас разные. У нас Святая Троица, у них Аллах. В чине перехода из ислама в Православие есть отречение от лживого бога Аллаха и от лжепророка его Моххамеда. Христа мусульмане признают, но считают Его пророком, а не Богом. И кстати, по исламским законам, жена-христианка для мусульманина считается, просто, наложницей, а дети признаются законными, только, если примут ислам. Об этом не знали многие наши соотечественницы, опрометчиво выскочившие замуж за иностранцев с Востока.

Вопросы, недоумения: «Что такое сорокоуст?», «Нужно ли на него устраивать поминки?», «До какого срока покойник считается «новопреставленным»?» и т. д., до бесконечности. Продавец за ящиком должен обладать большим запасом духовной прочности, чтобы не сорваться, не нагрубить, не оттолкнуть. Он должен спокойно реагировать на выпады и неуместные выражения: «Нравится мне эта братва!» – заявляет бритоголовый дюжий мужчина, показывая татуированной рукой на икону новомучеников Российских, – «беру её всю». «Куда ставить свечки за упокой? А за здравие? А где этот канун?» – и так с утра до вечера. Лично я доволен людьми, стоящими за ящиком в моём храме, потому что прихожане, пришедшие к нам впервые,

частенько благодарят их и обещают снова прийти в наш храм.

Декабрь 2006

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Затворив старинную кованую дверь притвора на засов, отец Ростислав Потёмкин отправился в трапезную. Наружную, тоже железную, дверь храма, снабжённую мощным гаражным замком, он оставил открытой, чтобы издали любому стало понятно: церковь открыта и в ней кто-то есть. Посетителю следовало лишь сделать несколько шагов в сторону к открытому входу в трапезную и постучать в деревянную дверь, прикрытую из-за холода. Священник пил чай в трапезной в одиночестве, размышляя о том, как тяжко в этом глухом месте приходится зимой, когда прихожан мало, покойников, крестин и других треб почти нет, а плата за услуги (газ, свет) возрастает. Вот сегодня суббота, а в храм пришли всего два человека. А ведь надо платить зарплату певчим, уборщицам, сторожу и истопнику. Теперь ему сидеть здесь одному до вечернего богослужения и вряд ли кто-нибудь появится. Только лишь батюшка об этом подумал и, закутавшись в плед сел поближе к батарее отопления с книгой в руках, раздался стук в дверь. «Войдите» – встрепенулся отец Ростислав. Перед ним появился человек среднего возраста и роста в одном свитере без куртки и без шапки. «Наверное, на машине, только звук мотора я не услышал» – подумал священник. Он намётанным взглядом скользнул по лицу незнакомца и холодок тревоги током пробежал по его спине. «Церковь открыта?» – полюбопытствовал гость. «Сейчас отопру. А что вы хотите?» «Да вот, свечечки поставить, записки написать». «Пожалуйста». И отец Ростислав пошёл открывать дверь. При свете лампы у свечного ящика он более внимательно разглядел незнакомца. Как будто ничего особенного: лет сорока, лицо бледное, волосы чёрные, короткие, правильные черты. На коже много родинок, на щеке большая бородавка, уши заострённой формы… Глаза! Именно они вызывали скрытую тревогу: тёмно серые, какого-то стального оттенка, взгляд тяжёлый, пристальный и испытующий. В свою очередь и пришелец внимательно всматривался в лицо священника и снова по спине отца Ростислава пробежал холодок. Однако, говорил незнакомец тихим вкрадчивым голосом и вполне обычные вещи – интересовался расписанием служб, справлялся, сколько стоит записка, есть ли в продаже фитильки для лампады и прочее. Тем не менее, неопределённое до времени беспокойство батюшки всё возрастало, так что он даже упрекнул себя: «Отчего же я так занервничал? Ведь, кажется, всякого народу навидался, а тут…» И вдруг он ясно вспомнил, что это особое беспокойство ему

знакомо, он уже испытывал нечто подобное, по крайней мере, однажды.

В тот раз к нему в церковь пришли четверо мужчин. Трое из них – обычные работяги, а вот четвёртый… Этот человек был огромного роста и богатырского телосложения, но не это привлекло внимание священника, который сам был дороден и высок. Значительно было лицо гиганта: правильной формы, красивое и надменное. Лицо лидера, привыкшего повелевать и требовать подчинения от других, но, опять – таки, не в этих признаках было дело, имелось нечто ещё, трудно поддающееся определению. И это нечто вызывало вполне ощутимое смутное беспокойство. Приезжие попросили священника отслужить панихиду на кладбище. Ехать до места пришлось более получаса, и в машине великан сам первый заговорил с отцом Ростиславом. Он поинтересовался, какое церковное наказание полагается за убийство. Интерес, конечно же, оказался неслучаен. Великан тут же признался священнику, что убил человека. Причём суд признал его невиновным. Отец Ростислав пояснил, что в зависимости от обстоятельств наказание (епитимия) за грех может быть разная и надо знать подробности. Тогда, при сочувственном молчании спутников, которые, очевидно, всё знали раньше, новый знакомый поведал батюшке следующее. У великана есть близкий друг-инвалид. У друга жена – молодая привлекательная женщина. С некоторого времени жену друга стал преследовать своими ухаживаниями один тип-рецидивист, очень наглый, напористый и богатый. Женщине буквально не давал проходу, а муж совершенно беспомощный, по немощи дать отпор наглецу не мог. Великан решил вступиться за друга и назначил рецидивисту встречу для серьёзного разговора. Бандит принял его в своём доме. Сначала они просто разговаривали, затем началась ругань, перешедшая в жестокую драку. В схватке рецидивист, не брезгавший грязными приёмами, схватил зубами нос противника и откусил его. «Посмотрите батюшка! Видите этот розовый шрам вдоль гребня моего носа? Мне сделали пластическую операцию». В результате, обезумев от ярости и боли, великан забил рецидивиста насмерть. «Суд меня оправдал, но мне сказали, что нужно сходить на исповедь к священнику, потому что убийство тяжёлый грех. Что мне за это будет? Неужели я не прав и не следовало выручать друга?» «Знаете» – подумав немного, ответил отец Ростислав, – «по-человечески я вас понимаю, сочувствую, но дело в том, что даже невольное убийство считается тяжким грехом и за него по церковным правилам положено наказание». «Какое?» «О, это отдельная тема, которую, если вы пожелаете, мы обсудим наедине в том случае,

если вы придёте ко мне на исповедь». «А всё же, что мне будет?» «Ну, по букве закона убийцу отлучают от Святого Причастия на несколько лет…» «А что такое «причастие»? «Вот видите! Я ждал подобного вопроса. Вы даже не имеете понятия о главном таинстве церкви, поэтому мне трудно так вот на ходу решить вопрос о наказании. Это нужно обдумать и обсудить». «Ничего не понимаю: я же был прав! За что меня наказывать?» «Если вы считаете себя, безусловно, правым, отчего вы обратились ко мне? Очевидно, совесть ваша до конца не спокойна?»

Этот человек не имел понятия о грехе и, должно быть, древние церковные каноны не всегда уместно предъявлять современным грешникам, которые и так всю жизнь были лишены Святого Причастия. Одно лишь ясно: сразу допускать к таинству подобных людей тоже нельзя. Тот невольный убийца так и не пришёл больше к отцу Ростиславу, но священник тешил себя надеждой, что он обратился к другому пастырю.

Теперь батюшка отчётливо улавливал сходство между тем великаном и новым посетителем. Мужчина, между тем, купил несколько свечек и ставил их перед образами. Затеплив свечку, он на несколько минут задерживался перед иконой, истово крестился и кланялся – во всяком случае, внешние приёмы благочестия были им усвоены. Затем посетитель вновь приблизился к священнику и спросил, когда будет исповедь. «Завтра в 8 утра».

«Я не причащался 6 месяцев. Хотел бы завтра поисповедаться и причаститься».

«Где вы причащались в последний раз?»

«В тюрьме».

«За что сидели?»

«За убийство».

«Вот оно!» – подумал отец Ростислав, которого снова пронзила дрожь, но он ничем не выказал своего беспокойства.

«Вы раскаялись в содеянном? Исповедали этот грех перед священником?»

«Я не виноват. Не я убил».

«Сколько лет вам дали?»

«Восемь».

Повисло тягостное молчание. Священник продолжал вглядываться в лицо собеседника.

«Почему вы так на меня смотрите?»

Отец Ростислав не отвечал. Взгляд серых глаз гостя так же буравил его, словно пришелец пытался загипнотизировать собеседника. Они с минуту, молча, поедали глазами друг друга, и ни один не отводил взгляд.

«А на тебе печать» – нарушил молчание отец Ростислав.

«Какая печать?» – моргнул незнакомец.

«Каинова».

Серые глаза посетителя метнулись куда-то в сторону. Ни слова не говоря, он развернулся и вышел из церкви. Священник услышал, как взревел мотор автомашины и через минуту всё затихло.

Февраль 2010

КЛИРОСНОЕ ПОСЛУШАНИЕ

В моей жизни присутствует малоприятная закономерность: ничего не получается с первого раза, первый блин всегда комом. Затем, набив шишек, потом и кровью я обычно достигаю цели, проявив известное упорство и даже упрямство. При этом иногда оказывается, что вожделенная цель того не стоила, но обвинять некого – сам добивался. В восьмилетнем возрасте мама отвела меня в музыкальную школу, в которую я не поступил из-за отсутствия музыкальных способностей. Однако маме сильно хотелось, чтобы её сыночек получил музыкальное образование и меня отдали в подготовительный класс. Выяснилось, что всё-таки я в музыкальном отношении не совсем безнадёжен и со второго раза меня приняли, да ещё в скрипичный класс, где слух должен быть особенно выдающимся, а не в фортепианный, как планировалось. Произошло это в середине учебного года. Таким образом, я отстал от прочих по такому важному и сложному предмету как сольфеджио и так никогда своих одноклассников и не догнал, главным образом потому, что преподавательнице было на меня наплевать, и она палец о палец не ударила, чтобы как-то помочь мне. По специальности же (то есть в игре на скрипке) я преуспел больше, но через год обучения совершенно охладел к инструменту и валял дурака, мучая учительницу. В конце концов, музыку бросил, несмотря на сопротивление мамы.

После окончания средней школы завалил вступительные экзамены в университет. Поступил через несколько лет, после армии. Получив повестку в военкомат, был оставлен «до особого распоряжения» и отправился в армию через год не со своими ровесниками, а с другим призывом. Стоило ли удивляться, когда, оставив университет, я провалился на экзаменах в семинарию? Правда, меня оставили кандидатом и приняли перед Пасхой, в самом конце учебного года, так что все экзамены пришлось сдавать экстерном. Подобных примеров в моей жизни сколько угодно, но сейчас речь о другом. В семимесячном промежутке между неудачными вступительными экзаменами и зачислением в духовную школу я пел в повседневном хоре Троице-Сергиевой лавры. Регент, ныне покойный иеродиакон Никон, принял меня в хор по ходатайству моей супруги, которую знал с детства. Моя Лора профессиональный дирижёр-хоровик. Она готовила меня к экзамену по пению в семинарию и обнаружила у меня голос и слух. Вероятно, кое-какие навыки в музыкальной школе я всё же получил. Во всяком случае то, что годами не получалось в школе, она объяснила мне за одно занятие. Да-да: требуется лишь

немного усердия со стороны обучаемого и чуть-чуть любви от обучающего и всё получается.

Забегая вперёд, скажу, что до принятия священного сана я пропел в разных церковных хорах в общей сложности пять лет, в том числе два года в лавре. Такая практика мне дала многое и в профессиональном отношении и в знании людей, так как приходилось общаться с очень разными и порой оригинальными персонажами. Это вообще особая тема – церковные хоры. Может быть, я когда-нибудь к ней обращусь, но теперь мне вспомнился один аспект клиросного послушания в монастыре – синодики. Для непосвящённых: синодики это списки живых и мёртвых православных христиан, за которых молится церковь. Естественно, что в таких древних обителях как Троице-Сергиева лавра эти списки огромны, так как монастырь ежедневно посещают сотни паломников, да ещё существуют исторические перечни имён жертвователей – ктиторов прошлых веков. Все русские монархи и вельможи щедро жертвовали на монастырь в течение веков с тем, чтобы за них молились при жизни и, в особенности по смерти, совершая вечный помин. Вероятно, после закрытия и разгрома обители в XX веке эти списки не полны, но они восстановлены хотя бы частично. В новейшее время помин ограничивался короткими (сорок дней) и средними (полгода-год) сроками. Итак, в конце 1970-х лаврские синодики имели вид общих тетрадей в красной обложке по толщине превышающие обычные раза в два, переплетённых монастырскими переплётчиками. На каждой странице два столбца имён, записанных аккуратным красивым почерком через строчку. Я не знаю, сколько всего было синодиков, но на наш правый клирос за вечерним богослужением их давали 6–7, столько же доставалось левому клиросу и не менее десятка тетрадей вычитывали монахи не занятые в богослужении и пении вместе с благочестивыми мирянами мужского пола.

В те времена в праздничном богослужении участвовало не менее восьми монахов в священном сане. В будни – два-три. В любом случае вычитать синодики без посторонней помощи служащие возможности не имели. Тут помогал и хор в те моменты, когда не было пения, а только чтение, и достойные доверия миряне. В основном это были почтенные старцы из местных, постоянно посещающие монастырские богослужения, или паломники, приехавшие в лавру на богомолье, уже знакомые братии. Среди последних выделялся один дедок, которого монахи называли дядя ВАСЯ. Он проживал где-то на юге, кажется, в Донбассе и гостил в лавре неделями, щедро жертвуя на монастырь значительные суммы. По словам отца Никона, дядя

Вася в прошлом был выдающимся авиамехаником. Выйдя на пенсию, он зажил припеваючи в своём маленьком домике с садиком. Если дядя Вася нуждался в деньгах, то ближе к весне он приезжал в какой-нибудь совхоз и предлагал подготовить технику к посевной. Любой председатель мечтал о таком высококлассном специалисте, а старик умел оживить даже безнадёжно испорченные трактора и комбайны, так что дядю Васю вознаграждали очень даже щедро и он получал возможность паломничать. Оба клироса в трапезном храме Троице-Сергиевой лавры, а вернее в церкви преподобного Сергия, ибо передняя часть этого длинного здания, отделённая перегородкой от основного помещения, с главным центральным алтарём носит имя основателя обители, располагаются на возвышениях и приподняты на несколько ступеней над полом из уральской яшмы и окружены деревянными барьерчиками. На клиросах стоят правый и левый хоры, у подножия левого клироса – на «женской» стороне прихожанки. Обычно это жёны и дети священников, родственницы монахов и работницы монастыря (повара, уборщицы, бухгалтеры и проч.). У подножия правого клироса – свободные от послушаний монахи и старики-прихожане мужского пола. Вот они выстроились в ряд, выставив седые бороды, вооружившись очками и держа толстые тетрадки в вытянутых руках. Они гордятся оказанным доверием. Ещё бы! Читать помянники очень почётно. У них своя иерархия. Какой-нибудь особо уважаемый дед распределяет синодики по чтецам и забирает тетради после прочтения. Однажды перед службой я поднялся на клирос несколько ранее обычного с намерением посмотреть ноты одного сложного произведения, которое мы только начали разучивать, и застал там семинариста с параллельного курса по кличке Понтий. В семинарии и академии специфичные прозвища. Этот получил кличку из-за своей фамилии Пантелеев. Понтий выглядывал из-за загородки, наблюдая за дедами-чтецами, и давился от беззвучного смеха. Оказывается, «лидер» поспорил с одним из «рядовых» и дёрнул своего оппонента несколько раз за бороду.

С одним дедулей я подружился. Мы с ним всё время встречались после службы в столовой для монастырских рабочих за ужином. Несмотря на то, что монастырский рацион в основном постный, еда очень вкусная, так как приготовлена с молитвой, любовью и умением. Я всегда получал удовольствие от этих трапез. В первый же раз дедушка порекомендовал мне угоститься монастырским кваском из чана с краником. Я-то думал, что это обычный квас, подобный тому, каким торгуют летом из бочек в розлив, но квас оказался особенным – крепким и хмельным,

похожим на бражку, так что мне сразу ударило в нос, и я зажмурился к полному удовольствию деда. «А что, каков монастырский квасок? С градусами, а?» Он был маленький, плотный коренастый с хорошо сохранившейся седой шевелюрой, несмотря на свои 88 лет, и длиннющей бородой на всю грудь. Из-под белых кустистых бровей задорно смотрели весёлые тёмно-карие глаза. Весьма преклонный возраст мало сказывался на его физическом состоянии и памяти. Двигался он быстро, уверенно, почти стремительно. «А ведь я два срока в лагере отсидел» – рассказывал дедуля. «За что же?» «Дважды раскулачили, хотя я в гражданскую воевал в красной армии. Ну, меня призвали, куда денешься? Не помогло. В первый раз отсидел три года, потом ещё пять. У меня отец был очень набожным. Умел читать по церковно-славянски и меня выучил. Во время первого ареста, пока чекисты делали обыск в доме, он мне незаметно сунул маленькую карманную псалтырь и шепнул: «Читай при всякой возможности. Эта книга тебя спасёт». И вправду спасла. С псалтырью я не расставался и всюду, когда появлялась возможность, утешался её чтением. Это великая книга! Она умиротворяет и ободряет при всех обстоятельствах. Самое удивительное: мне удалось сберечь её до конца. Однажды комиссар устроил мне шмон, обнаружил «запретную литературу» и швырнул мою псалтырь на пол, а я потом разыскал её и припрятал. Когда меня арестовывали во второй раз, я уже сам захватил заветную книжечку с собой и не расставался с ней до воли. Так-то вот, сынок. Всего навидался: и большевики хватали и бандиты нападали. Однажды какая-то шайка ворвалась в деревню и ну грабить! Тогда ведь время такое было: у кого сила, того и власть. Нас со старухой под угрозой расстрела в погреб отправили и крышку грузом придавили, так что мы сутки в погребе просидели, пока соседи не вытащили, да хоть целы остались, и за то, слава Богу! Три года назад я овдовел – умерла моя бабулька. Теперь жениться можно» – и он подмигивал весёлым карим глазом.

Лаврские монахи сильно загружены. В будние дни братский молебен, на котором обязана присутствовать вся братия, начитается в пять часов утра, затем идут службы и послушания, потом обед, краткий отдых и вечернее богослужение, после которого ужин и личное время. Однако помимо общих молений каждый монах обязан неотступно вычитать весьма обширное личное молитвенное правило. Ещё довольно часто приходится выходить на общие работы, вроде уборки снега, чистки помещений и т. п. На сон остаётся обычно менее шести часов, у иных и того меньше. В результате многие утомлены и читать объёмистые синодики, да ещё урывками во время службы им

тяжеловато. Так как я с детства ярый книгочей, у меня выработалась привычка читать быстро. Обычно я заканчивал синодик первым и успевал помочь одному- двум соседям. Монахи ценили такую помощь. Со многими я сблизился и все приветливо ко мне относились. В свою очередь они учили меня петь, объясняли церковный устав и смысл песнопений, подсказывали, как подготовиться к сдаче экстерном экзаменов за первый курс семинарии и проч. Благодаря их поддержке я справился с таким сложным предметом как катехизис и был принят в первый семинарский хор в партию баритонов.

Январь 2014

КОШАЧЬЯ НАПАСТЬ

Мой сосед по даче Виктор добрый человек. Без всякой иронии, но общеизвестно, что любое хорошее свойство, доведённое до абсурда, превращается в свою противоположность. Одно из проявлений доброты соседа – его неспособность топить котят, которых производят на свет его многочисленные кошки. В результате кошачья армия Виктора за пару лет достигла количества двадцати семи голов, не считая котят. А начиналось всё с пары серых кошечек, без которых в сельском доме невозможно уберечься от крыс и мышей. Дом у соседа старый, деревянный, возведённый его отцом сразу после войны. Виктор унаследовал его от родителей на двоих со старшей сестрой – вдовой. У Виктора квартира в соседнем городке, но вся его жизнь связана с этим старым домом и хозяйством, и он ежедневно приезжает сюда общественным транспортом и занимается своим делом. Он перепробовал разные профессии, говорят, даже служил в милиции, но как-то там не прижился – не тот характер. После работал в совхозе и в разных других учреждениях. В настоящее время он числится подрезальщиком деревьев в своём городке, словно Жан Вальжан до заключения в тюрьму у Гюго. Весной сосед прицепляет к трактору неуклюжую громоздкую телегу и набивает её с верхом срезанными ветками, которыми топит печь. По-видимому, эта сезонная работа оставляет Виктору много свободного времени, которое он посвящает своему колёсному трактору. Этот железный конь и является для соседа, как я подозреваю, истинным кормильцем. На нём он пашет, боронит и культивирует свой довольно обширный участок земли. То же самое делает тому, кто его наймёт. Зимой он, прицепив к трактору бульдозерный «нож», иногда убирает снег по найму. Вряд ли Виктор зарабатывает много, потому, что у него никогда нет и гроша за душой. Однако, трудится он много и постоянно в саду и на огороде вместе с сестрой и племянником. Трактор старый и всё время ломается, но, как большинство наших мужиков, мой сосед понемногу умеет делать всё: плотничать, слесарить, пользоваться сваркой и т. п. Если трактор даёт сбой, Виктор, одевшись в засаленный комбинезон, храбро разбирает его на части, которые раскладывает по всему двору. Мухтар, лохматый старый пёс соседа, в своё время кем-то ему подброшенный, крутится у ног хозяина, виляя хвостом и заглядывая в его чумазое лицо. А Виктор копается в нутре своей машины и слышно только его удивлённо-недовольные реплики, подкрепляемые словом «блин». Как правило, рано или поздно,

неисправность обнаруживается и исправляется, если, конечно, не требуется замена какой-нибудь дорогостоящей детали. Мотор трактора с торжеством взревел, будоража деревенских собак, и грязный, но торжествующий Виктор даёт ему некоторое время поработать на максимальных оборотах, после чего умеряет пыл машины до обычного нормального хода, подливает солярки и с грохотом и треском выезжает со двора, оставляя после себя неописуемый бардак: раскиданный инструмент, брошенные негодные детали, рассыпанные дрова, какие-то брёвна и бочки. Забор и ворота у соседа ветхие. Чтобы не упали, приходится подпирать. Перед калиткой куча песка и другая куча – гравия, а между ними старый брошенный трактор, который уже давно не на ходу, но служит хозяину в качестве источника запчастей к трактору действующему. В довершение картины следует прибавить «мёртвые» «Жигули», стоящие сбоку от ворот и принадлежащие племяннику Виктора – добродушному флегматичному парню без определённых занятий. Время от времени деревенский сход постановляет Виктору «Срочно навести порядок и убрать мусор с улицы», но тому, как с гуся вода и всё остаётся годами по-прежнему.

На соседских кошек мы впервые обратили внимание, когда три из них принесли потомство почти одновременно. Освоив собственный двор, котята начали обзор ближних территорий и появились у наших ворот. Некоторые пролезли под воротами, другие храбро преодолели их сверху и вскоре все двенадцать очутились в нашем дворе. Они были так забавны и милы: трогательные разноцветные пухлые шарики с миниатюрными задранными хвостиками. Супруга моя не устояла и угостила их остатками обеда. С тех пор началось. Как только котята издали видели нашу приближающуюся машину, серо-бело-чёрно-рыжий пушистый табунок нёсся к нам со всех ног с мяуканьем и писком с риском распрощаться с жизнью под колёсами моего транспорта. Мы привозили им всевозможные остатки от трапез: отходы рыбные, мясные, птичьи, но им всё было мало. Во-первых, потому, что котята росли, во-вторых, к ним стали присоединяться их матери и другие коты и кошки из Викторовой «коллекции». Ему ещё и подкидывали животных. Среди его питомцев имелся кот леопардовой породы, кошка черепахового окраса и двое метисов сиамской и персидской пород. Разумеется, он их кормил. Каждый день притаскивал большой рюкзак какой-то снеди, но кошек было слишком много, котята возрастали, им требовалось всё больше корма, а имелась ещё и собака довольно крупных размеров, которой тоже хотелось есть. Надо сказать, что питомцы соседа не брезговали подножным кормом. Кошки-матери обыскивали

соседние угодья, включая наш участок в поисках добычи. Тут у них дело было чётко организовано. Обычно одна из взрослых кошек-мамаш оставалась с молодняком, а две ходили на охоту. Добыча (мыши, крысы, бельчата, мелкие птицы) доставлялась за «общий стол». Вскоре мы убедились, что в зимние месяцы непрошеные гости – грызуны отсутствуют в доме. Их переловили и съели умелые охотницы-кошки. Зато в летний сезон отсутствовали птицы. Камышовки, славки, чечевицы, синицы и трясогузки, даже нахальные полевые воробьи перестали гнездиться на участке. Недосягаемыми оказались только скворцы, поскольку их искусственные гнездовья построили со знанием дела, сделав недоступными для хищников.

Привыкнув к нашему хорошему отношению, соседские кошки перестали стесняться. Они норовили забраться в дом и, если это удавалось, уничтожали всё съедобное. Приходилось закрывать все двери и форточки. Они портили наши вещи, забытые в саду на скамейке или в беседке, гадили и иногда разрывали грядки. Мы их жалели и терпели, но не все соседи следовали нашему примеру. Однажды мы заметили, что очень симпатичная серая полуперсидская кошечка, ласковая мать четверых котят как-то странно двигается, покачиваясь и заплетая лапками. Я было подумал, что она съела отравленную мышь, но Виктор заявил, что кто-то ударил кошечку ногой и на груди у неё появились сгустки крови. Нам было жаль её. Эта серая кошечка была заботливой матерью и часто кормила не только своих, но и чужих котят. Я предлагал соседу решить проблему его юных питомцев. Один знакомый знал женщину, берущуюся за сто рублей пристраивать котят, но Виктор уверял, что котят в лучшем случае просто выбросят, а в худшем скормят кому-нибудь. Я, правда, тоже слышал, что якобы какого-то домашнего питона кормили котятами. Метровому питону раз в неделю требуется живой корм: мышь или цыплёнок, а если змея покрупнее, она вполне в состоянии сожрать и котёнка. Впрочем, может это только отговорки и у Виктора, как всегда, просто не было денег.

Котята, несмотря на наш прикорм, росли щуплыми и хилыми. Должно быть, также из-за близкородственного скрещивания. Кроме того, среди них гулял какой-то вирус. В результате из двенадцати котят зиму пережили только двое. А кошки продолжали плодиться и плодиться. Такая напасть продолжалась три года. Теперь у Виктора осталось только два кота. Все остальные питомцы умерли. Большинство околело зимой. И я спрашиваю себя: не милосерднее ли было всех этих кошек кастрировать? Многие без зазрения (а некоторые с зазрением) совести топят новорожденных котят и даже каются в этом на

исповеди. Иные заявляют, что вмешиваться в законы природы человек не в праве, а потому: сколько хотят, пусть столько и рожают. Если б это были не домашние кошки, а дикие, то – пожалуйста. Но эти, то зависят от нас-людей, поэтому следует десять раз подумать, что предпринять. Доброта Виктора обернулась для его многочисленных питомцев трагедией.

Ноябрь 2015

НЕ УХОДЯЩАЯ РУСЬ

Несколько лет назад довелось мне рыбачить на реке Сить в Ярославской области. Это та самая Сить, при которой произошло трагичное для русских сражение с монголо-татарами 4 марта 1238 года. Командующий русским отрядом Владимирский князь Юрий Всеволодович был застигнут врасплох татарским темником Бурундаем, опередившим основные силы захватчиков, появившимся на берегах Сити совершенно неожиданно. Этот фактор внезапности сыграл решающую роль. Русские были разгромлены, князь Юрий убит, его отрубленную голову предъявили Батыю, но и татары понесли большие потери и были вынуждены отказаться от похода на Новгород. Последнее обстоятельство имеет важное значение в русской истории, поскольку Великий Новгород остался свободным и не знал ига.

Это величественная река, у впадении в Рыбинское водохранилище достигающая ширины полтора километра. До советского издевательства над географией Сить являлась притоком Мологи и, возможно, выглядела иначе, но и сейчас она великолепна, полноводна, могуча и прекрасна. Катит свои неторопливые тёмные воды между лесистых безлюдных берегов. Рыбачил я в компании родственников, но что-то без всякого результата, хотя накануне молодёжь в лице моего сына Николая и крестника – племянника жены Серёжи была более успешной – поймали целое ведро щурят. А сегодня, сколько ни забрасывал спиннинг – всё впустую. Становилось жарко, и все решили искупаться. Тёмная вода реки оказалась необыкновенно тёплой. Лишь глубже двух метров ощущалась приятная прохлада. Я доплыл почти до середины и, когда вернулся, все уже загорали на расстеленных подстилках и одеялах. Неподалёку от нас расположилась группа местных жителей, среди которых резвилось несколько детей дошкольного возраста. В справочнике я вычитал, что здешние аборигены, так называемые сискари, весьма примечательная этнографическая общность. Говорят на своём диалекте, «низкорослы, коренасты и белокуры, много рыжих». Понаблюдав, я пришёл к выводу, что расположившиеся по соседству люди не выше и не ниже прочих ярославцев, каких мне доводилось видеть, в разговоре они «окают» и среди них, действительно, есть блондины и рыжие, но, опять-таки, как и среди других ярославцев. Обратило на себя внимание другое. Один ребёнок (девочка лет пяти) подошла к группе детей, с аппетитом жуя пирожок. Через некоторое время её отозвала пожилая женщина, видимо бабушка, и стала отчитывать: «Как

тебе не стыдно! Как ты можешь есть одна и не угостить других!» С этими словами бабушка вручила внучке пакет с пирожками и девочка побежала снабжать лакомством остальных детей. По-видимому, здесь продолжают воспитывать детей в прежних русских христианских традициях. Это не единственный пример приветливости и дружелюбия, с которыми пришлось столкнуться на ярославской земле. Несколько ранее, во время поездки на машине меня остановили гаишники. Памятуя о священном сане, я стараюсь сознательно не нарушать правила движения. Уж очень нелепо чувствуешь себя в качестве штрафника. Но тут забылся и превысил скорость в населённом пункте, благо не только дорожной инспекции, но и вообще людей вокруг не наблюдалось. И тут, вот они, как из – под земли выскочили! Стали выписывать штраф. Я по привычке хотел договориться и заплатить на месте, но милиционеры вежливо отказались: «Да вы не беспокойтесь, штраф всего 50 рублей. Потом заплатите в банке». Другая встреча с местной милицией, но уже в другом роде, произошла на берегу Сити, когда мы в первый раз закинули удочки. На берегу остановилась патрульная машина и из неё выбрались два представителя власти, неспешно приблизившиеся к нам: «Здравствуйте москвичи! Отдыхать приехали? У нас тут здорово: и рыбка и грибы с ягодами. А молочка нашего попробовали? То-то!» Они присели рядом, как старые знакомые и болтали с нами. Рассказали, что здесь всегда спокойно, преступления редки. «Только летом, когда, не в укор будь сказано, ваш брат-москвич приезжает, нет-нет, да пошумят». Так же приветливо держались прочие местные, охотно вступая в разговор, не проявляя избыточного любопытства к чужакам. Похоже, жизнь в этой глубинке сохранила черты прежнего русского уклада: искренность, доброжелательство, уважение, терпимость. Советская власть слишком многих людей лишила корней, сдёрнула с места коллективизацией, разными «стройками века» и репрессиями, сопровождавшимися переселением целых областей и даже народов. Либералы действовали в том же ключе, но уже с помощью иных (политических, экономических) рычагов. В результате веками налаженная и устроенная жизнь русского человека переменилась и переменилась в худшую сторону, утратив спокойствие, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, порой насильно внедряя его в чуждую, незнакомую, иногда враждебную среду. Безудержный рост городского населения, где всяк сам по себе, запустение деревень, зарастающие пашни, отвоёванные у леса ещё далёкими предками, и брошенные пастбища – вот результат неродного, враждебного управления. Тем приятней встретить исключение, проявления истинно

русского духа.

Другое наблюдение я сделал в самолёте, когда летел из Греции в Москву. Это не был паломнический рейс по святыням Эллады, но пару храмов мы всё же посетили. Это важно отметить, ибо обеих женщин, о которых пойдёт речь, я видел в церкви, прикладывающихся к местным святыням. Одной из них, лет пятидесяти, видимо, нездоровилось. Место ей досталось у иллюминатора. Она сказала, что ей мешает слишком яркое солнце и попросила соседку (даму помоложе лет на десять) поменяться местами. Та согласилась. Через некоторое время старшая пожалела об этом обмене и попросилась назад. Вторая безропотно поменялась. Затем пятидесятилетняя заявила, что сидеть здесь совершенно невозможно и нельзя ли попросить мужа соседки, который сидел на самом краю ряда, сесть у иллюминатора, а ей занять его место. К моему удивлению, младшая пассажирка, на месте которой любой бы уже вышел из себя, очень спокойно и дружелюбно сказала: «Сядьте там, где вам будет спокойно. Я сделаю так, как вам удобно». Вот так поступают настоящие христиане! Это очень трудно: любить человека (всякого человека) не словами, а делом. Теперь я вижу, что наша проповедь не пропадает даром, а порою даёт плоды. Нет, я прекрасно знаю, КАКИЕ у нас бывают люди и КАК они относятся к вере в Бога и к духовенству. Порою, трясутся от ненависти, что не должно нас удивлять или чрезмерно огорчать, ибо Христос сказал: «Ведите, яко Мене прежде вас возненавиде» (). Я начал свой рассказ с битвы на Сити. Думаете, как этот Бурундай исхитрился застать князя Юрия врасплох, двигаясь по совершенно незнакомой местности? Да помогли ему! Кто? Местные предатели. Такие Иуды всегда находятся. И всё же, христианская закваска в русском народе настолько сильна, что, несомненно, выведет его в будущем в то состояние, которое предназначено ему Божиим промыслом: любви к Богу и людям и через это сделает его непобедимым для врагов и неприступным для греха.

Май 2014

ОБЛОМ

«Пришидите ко Мне вси труждающиеся и обременении, и Аз упокою вы».

(Мф.11, 28)

1

В глухом углу старого московского парка (не буду говорить, в каком, поскольку для моего повествования это не имеет большого значения) имеется необычное дерево. Это липа восьмидесяти, а то и ста лет, непохожая на своих сестёр произрастающих поблизости. У неё сбоку на высоте около двух с половиной метров почти перпендикулярно стволу вырос огромный пятиметровый сук, превосходящий размером и толщиной все остальные ветки. Сук этот почти голый. На нём отсутствуют более мелкие отростки. Только на кончике какая-то зелёная метёлка. Моих скромных познаний из ботаники недостаточно, чтобы объяснить такую патологию. Наверное, среди деревьев также встречаются уроды, как у животных и людей? В сорока метрах от этого приметного дерева стоит парковая скамейка, укрытая кустом сирени. На ней хорошо посидеть и полюбоваться окружающим ландшафтом. Кругом вздымаются великаны-дубы и такого же почтенного вида липы с раскидистыми кронами. Весной тут наперебой распевают птицы, и благоухает черёмуха, которую сменяю сирень и жасмин, но самое очаровательное время – период цветения липы. Её аромат слышен издалека, он привлекает многочисленных опылителей, так, что при приближении к дереву слышен гул от гудения пчёл. Иногда при благоприятном ветре сюда доносится звон церковного колокола от стоящего в двух километрах монастыря. Место это редко посещается. Оно расположено далеко от главного входа. Я обнаружил его лишь на третий год знакомства с парком и с тех пор изредка сюда заглядываю в те минуты, когда хочется побыть одному. Здесь никто мне не мешал предаваться думам и мечтам. Однажды после долгого отсутствия я вновь пришёл к памятной липе и с удивлением обнаружил исчезновение необычайного отростка. Его отпилили у самого ствола, и диаметр основания был не менее полуметра. В этот раз скамейка оказалась занятой. На ней сидел старичок почтенной и приятной наружности.

Увидев, что я пристально разглядываю липу, он сказал: «Высматриваете сук? Его спилили, вернее, сначала сломали, а потом пришлось спилить полностью». «Кто и зачем?» В ответ я услышал историю, рассказанную монастырским сторожем (старичок на лавочке занимал такую должность), которую в несколько обработанном виде предлагаю читателю.

Есть категория людей, которые, прямо-таки притягивают несчастья. Если большинство смертных за те несколько десятилетий, что даются им для пребывания на земле, хотя и подвергаются разного рода скорбям и искушениям, получают и свою порцию счастья, свою долю радостей, то упомянутые неудачники зарабатывают удары судьбы целыми сериями, в комплекте. Анна Санникова была таким человеком. Воспитывалась матерью без отца. Матери лишилась в шестнадцать лет. Школу не окончила – недоучилась один год. Пошла работать на военный завод, где встретила Андрея – будущего мужа. В её цеху он был мастером и на первых порах много помогал новенькой – неумёхе. Жених был старше на пять лет и казался надёжным и солидным. Не насторожило Анну его пристрастие к выпивке. Даже на свидания он приходил, дыша перегаром. Впрочем, она не знала психологии мужчин, растя безотцовщиной, а по молодому легкомыслию не наблюдала за окружающей действительностью. Посоветоваться перед таким важным шагом, как брак, Анне было не с кем. А ведь при её миловидности и лёгком характере можно было сделать более счастливую партию. Через три месяца знакомства они поженились. Затем родился сын, а Андрей начал всё больше пить. К несчастью время молодости этой четы совпало с тяжёлым периодом 1990-х годов расцвета наркомании в России. Перепробовав всевозможные суррогаты от спирта «Ройал» до самогона с «добавками», Андрей перешёл на анашу, а следом на героин. Деградировал быстро. С позором был изгнан с завода. Перебивался случайными заработками. Поколачивал жену. Анна же продолжала честно трудиться и ухаживать за ребёнком, несмотря на тяжёлую обстановку в доме, из которого стали пропадать вещи. Это отец семейства за счёт самых близких людей решал свои проблемы. Маленький Владимир – сын с детства был свидетелем пагубных пристрастий отца. Наркоманы редко доживают до тридцати, но так как Андрей пристрастился к зелью в зрелом возрасте, дотянул до сорока и скончался от передоза.

2

Несмотря на ужасную обстановку последних лет совместной жизни, Анна тяжко пережила смерть супруга, хотя он уже давно превратился из помощника в серьёзную обузу. После удручающей церемонии похорон, после слёз и усталости, вызванной хлопотами и беготнёй с документами, она вдруг осознала, что осталась вдовой в тридцать пять лет и для неё ещё не всё потеряно. В таком возрасте миловидная женщина с собственной жилплощадью (двухкомнатной квартирой), даже с обузой в виде сына – подростка, имеет шанс счастливо устроить личную жизнь. Когда эти мысли пришли ей в голову, Анна смутилась. Ей стало стыдно, что едва похоронив мужа, она уже, пусть пока только мысленно, ищет ему замену. Но мысли не уходили, они упорно, снова и снова вертелись в мозгу, а внутренний голос нашёптывал: «Ты теперь свободна, свободна! Знаешь, что это такое? Ты теперь с опытом. Ты так больше не ошибёшься. Ты будешь выбирать тщательно и взвешенно. В первую очередь твой кандидат будет без вредных привычек. Затем – состоятельный. За красотой гоняться не стоит. Все красавцы ветрены и т. д. и т. п.» Она подходила к зеркалу и видела в нём привлекательную цветущую блондинку с манящей фигурой, большими серыми глазами, в настоящий момент немного покрасневшими от слёз, чуть бледными пухлыми губами. Если убрать эту красноту с помощью пудры, а потом воспользоваться помадой, то она… очень даже ничего!

Вскоре после смерти Андрея завод, на котором работала Анна, закрылся. В те годы такое случалось сплошь и рядом. Вдова осталась безработной, а ведь ей приходилось содержать пятнадцатилетнего сына. Она прилежно искала заработок, но поиски оказались нелёгким делом. Вокруг было столько одиноких безработных женщин уже не только из России, но и из СНГ. У Анны особых дарований не имелось. На заводе она в последние годы работала кладовщицей, а устроиться на подобную должность на новом месте можно было только по блату, а блата у неё не завелось. Надо было как-то питаться и кормить подрастающего сына, поэтому Анна приняла решение продать золотые серёжки. Она посетила несколько ломбардов, в которых ей предлагали низкие цены. Наконец, в четвёртом по счёту, принадлежащему обходительному пожилому армянину, ей предложили неплохие деньги, правда, всё равно меньшие, чем она рассчитывала. Хозяин ломбарда, а также небольшого ювелирного магазина, расположенного по соседству, плотоядно раскатав толстые губы, заявил, что даёт такую высокую цену только «из-за ваших високих достоинств». Ощупывая взглядом ладную фигуру клиентки, он поинтересовался, отчего Анна

решилась расстаться с красивой вещью. Она не скрыла свои обстоятельства и рассказала о неудачных поисках работы. Тогда армянин, назвавшийся Араратом Хачатуровичем, предложил ей работать продавщицей в ювелирном магазине. Анна, заколебалась. Конечно, работа ей нужна позарез, но кавказцев она инстинктивно побаивалась, хотя ранее с ними дела не имела. Впрочем, Арарат Хачатурович не был похож на бандита: чисто выбритый, надушенный, вежливый. Две другие продавщицы – молодая армянка и русская средних лет – приличные, скромные. Анна попросила сутки на раздумье и на другой день пришла устраиваться на новую должность. Задав кандидатке несколько вопросов, хозяин заведения убедился, что новенькая не имеет никакого понятия о ювелирном деле. Тогда он поручил двум продавщицам устроить ликбез для Анны и хотя бы в общих чертах подготовить к новой должности. Этим делом в основном занималась Зинаида Анатольевна, когда-то закончившая техникум соответсвующего профиля. От неё Анна узнала про советскую метрическую систему определения доли золота в изделии и про принципиально иную систему карат, принятую на Западе. Что касается другой продавщицы – армянки Карины, то она не могла похвастаться столь фундаментальной теоретической подготовкой, но зато являлась родственницей Арарата Хачатуровича, и в силу этого обстоятельства пользовалась большим влиянием на дела, чем Зинаида.

И ломбард, и магазин имели известную популярность у клиентов, чему способствовало несколько факторов. Во-первых, в советское время купить ювелирное изделие из драгметалла было непросто. Даже новобрачным давались специальные талоны для покупки обручальных колец из золота 583 пробы. Теперь же ограничения были сняты. Повсюду открывались ювелирные салоны, где торговали золотыми изделиями лучшего, чем в недавнем прошлом качества – 585 пробы. С одной стороны, возможности для приобретения дорогих украшений появились, с другой круг людей, могущих их приобрести, сузился, но в столице богатых людей хватало. И всё же, ломбард процветал в большей степени, чем магазин. Туда несли всё заработанное и приобретённое в прежние, более благоприятные времена. Разумеется, любой ломбард – средство обдирания населения. Арарат Хачатурович богател день ото дня. К тому же, его заведение стояло в центре столицы, на бойком месте, так что на отсутствие клиентов жаловаться не приходилось.

Постепенно Анна стала приобщаться к новому делу. Оказалось оно несложным. У продавщиц наметилось распределение ролей. Её задачей стало заманивание клиентов. Анна встречала каждого входящего широкой обворожительной улыбкой и подводила потенциального покупателя к витрине, заботливо выспрашивая о его пожеланиях и предпочтениях. С самого начала хозяин за свой счёт полностью обновил её гардероб и велел сделать причёску в дорогом салоне. Эти вложения полностью себя оправдали. В новом обличье Анна выглядела сногшибательно, и все клиенты-мужчины заметно оживлялись, лишь только она появлялась. Клиентами женского пола занималась исполнительная Карина, а профессиональной консультацией – Зинаида. Первая зарплата на новом месте оказалась впечатляющей. Анна расплатилась со всеми накопившимися долгами, купила себе и сыну новую одежду и обувь и побаловала отпрыска походом в цирк. Беспокоило её лишь одно: повышенное внимание хозяина. При виде новой работницы Арарат менялся в лице: глаза начинали блестеть, плечи расправлялись, грудь выпячивалась, живот втягивался. Он говорил ей витиеватые восточные комплименты, лаская масляными глазами её формы. По мнению Анны, в этом не было б ничего предосудительного, если б не одно обстоятельство: хозяин магазина был женат на располневшей пожилой даме с волосатыми руками и усами на верхней губе, разговаривавшей глубоким контральто. Супруга редко появлялась в магазине, но когда это случалось, она всегда недовольным оком сверлила новую продавщицу. Анна заблуждалась, полагая, что законная супруга будет ей своеобразной защитой от приставаний сластолюбивого армянина. Арарат в этих делах был хитёр и опытен, и он переиграл молодую женщину. Известно, что никакая сила не может заставить человека согрешить, если он сам этого не захочет. Нельзя сказать, чтобы Анна Санникова никогда не слышала о морали и не имела понятия, что такое грех, но её установки в этой области были несколько расплывчаты, а повседневная жизнь, особенно в тот период пропаганды богатства и удовольствий подталкивала к нарушению традиционных табу. «Бери от жизни всё!» – лозунг общества потребления. Арарат намекнул, что в случае отказа от его ухаживаний зарплата новой продавщицы будет урезана, а может от её услуг и вовсе откажутся. Кроме того, как раз в это время Анна сделала ужасное открытие: её пятнадцатилетний сын стал потреблять наркотики. Для борьбы с этим злом ей позарез нужны были деньги. Короче, она сдалась и сделалась любовницей Арарата.

Что касается Вовочки Санникова, то он типичная жертва

монстра под названием наркомафия. Патриотическая печать того времени била тревогу. Ведь по данным правоохранителей не менее двух третей московских школьников хотя бы раз принимали наркотики. «Травку» распространяли прямо в школе по традиционной схеме: сначала даром, потом, когда начиналось привыкание – за деньги. К тому же, у него имелась неблагополучная наследственность – наркоман – отец. В тот период Анна слишком погрузилась в собственные проблемы и запустила сына, ограничиваясь повседневными формальными заботами о нём. Когда он стал приносить из школы двойки, а зрачки его глаз ненормально расширились, было уже поздно. Для начала мать перевела его в другую школу, где по слухам, порядку было больше. Одновременно она обратилась к докторам. Результаты оказались ничтожными. Сын уже завёл знакомства в наркоманской среде и мог достать зелье практически всегда через знакомых барыг, были бы деньги. В средствах мать пыталась его ограничить. Тогда он стал воровать из дома вещи, словом, шёл по стопам родителя. Анна водила сына из клиники в клинику, с ужасом всё больше укрепляясь во мнении, что наркомания неизлечима. Врачи устраняли лишь вредные последствия – чистили отравленный организм, но не уничтожали первопричину – тягу к зелью. Анна просила, умоляла на коленях сына отстать от пагубной привычки. Он соглашался, обещал и тут же брался за своё.

Между тем, Анна недолго оставалась фавориткой Арарата. Несколько раз она брала у хозяина в долг и не возвращала деньги в срок. Тогда он просто вычитал долги из зарплаты. Однажды Анне позвонили прямо на работу и сообщили, что её сын задержан за попытку угона автомобиля. Перепуганная мать, отпросившись из магазина, ринулась в отделение. В беседе следователь намекнул, что дело можно не заводить, если заплатить изрядную сумму. Таких денег у неё не было, но перепуганная мать решила попросить их у хозяина. Арарату уже поднадоели её просьбы, а когда он услышал, о какой сумме идёт речь, отказал наотрез: «Разорить меня хочишь! Твой бандит в слэдущий раз зарэжэт кого-нибудь, а ты его снова выкупат будэшь?» Анна разрыдалась, но её слёзы не разжалобили жестокосердного армянина. Арарат предложил ей следующий выход. У него имелся друг-земляк по имени Хачик, содержатель казино, богатый до неприличия. Арарат отвёз рыдающую мать по нужному адресу. Хачик оказался старым заплывшим жиром неопрятным кавказцем с большой лысиной и морщинистым лицом. На каждом пальце его волосатых рук блестели перстни и кольца. Как и Арарат он оказался ценителем женских прелестей и

без обиняков в разговоре с глазу на глаз потребовал от Анны традиционных услуг взамен на требуемую сумму. Положение становилось отчаянным, и Санникова согласилась, хотя Хачик показался ей отвратительным. Вовочка был спасён от заключения, а Анна перебралась на работу в казино.

4

В казино Хачика собирались сливки тогдашнего общества: бандиты высокого ранга, богема, модные писатели и журналисты либерального толка, недавно разбогатевшие предприниматели, члены государственной думы, политики. Порядок в заведении поддерживала хорошо обученная и вышколенная охрана. По негласным правилам все, имеющие огнестрельное и холодное оружие, сдавали его в холле специальному человеку, а затем получали обратно на выходе. Гостей к столам подводили «встречающие» – мускулистые парни и красивые девушки в униформе. Игрой заправляли крупье, по слухам закончившие специальные курсы, на которые был конкурс, как в МГИМО в советское время. Анне поручили продавать в игорном зале алкогольные напитки. На этом поприще она преуспела настолько, что с помощью чаевых скопила солидную сумму для отправки сына в закрытое лечебное заведение для наркоманов, основанное в провинции мормонами. В центре занимались не только лечением, я бы сказал, не столько лечением, сколько воспитанием и образованием наркозависимых в мормонском духе. Анна что-то слышала не очень хорошее о мормонах, но рассудила, что Вовочке, который уже к семнадцати годам переключился на героин, всё равно хуже не будет. И правда, когда через год сына выпустили из центра, она с удивлением слушала, как он говорит о Боге, цитирует Библию и рассуждает о предназначении человека. Однако через пару недель Вовочка снова «укололся». В это время Анна жила уже с пятым по счёту «клиентом» и красота её стала увядать.

Её дальнейшая жизнь превратилась в сплошной кошмар. Сын продолжал колоться. Вскоре заразился гепатитом. Больница, лечение, выход, снова героин и снова больница. Анну уволили из казино, но благодаря завязанным в игорном доме связям, она нашла себе специфический заработок. Один из постоянных клиентов казино, с которым она свела знакомство, содержал шикарный бордель, замаскированный под баню. В заведение можно было попасть только по рекомендации. Богатенькие клиенты забирались в зал с парилкой, бассейном, столами с

выпивкой и закусками, а также прочими атрибутами полноценного отдыха, а плотские услуги оказывали специальные «массажистки». Обязанность Анны – договариваться о столах и «массажистках». Обычно, в конце «мероприятия» пьяные и разомлевшие клиенты теряли способность соображать и оплачивали любой чек, подсунутый «администратором», да ещё оставляли на столах недоеденные и недопитые «дефициты», чем и пользовалась Анна. Вначале совесть её обличала, но со временем этот неудобный «орган» беспокоил её всё меньше. Она теряла внутренний духовный стержень, внутреннюю чуткость и ощущала душевный дискомфорт только при виде своего отпрыска, продолжавшего медленно погибать. В двадцать девять лет Вовочка сошёлся с женщиной, которая была всего на пару лет моложе его матери. Анна не возражала против такого мезальянса, так как была уже не в силах чему- либо противостоять. Ей стукнуло пятьдесят. Она обрюзгла, располнела, и у неё покраснели глаза. А за её сыном хоть как-то теперь присматривали. Жили они теперь отдельно. Однако, через полгода Владимир неожиданно появился в квартире матери и сообщил, что жена его выгнала после того, как врачи поставили ему диагноз ВИЧ инфицированный. Выглядел сын ужасно, словно узник концлагеря и ходил в памперсах из-за полного недержания. Вскоре и ходить- то перестал, слёг окончательно. Мать ухаживала за больным, но спасти Володю было уже невозможно. Он лежал в кровати смертельно бледный и почти бесплотный, как немой укор совести. Ибо Анна считала себя виноватой в его несчастьях – не досмотрела, не доглядела, а следовало быть начеку из-за дурной наследственности.

Когда сын умер, и закончились похороны, Анна долго бродила по пустой квартире. Одиночество так сильно придавило её, что захотелось бежать прочь из дома, где каждая вещь, каждый предмет напоминали о сыне. Она пошла в парк.

5

Григорий Галанин был поздним ребёнком у немолодых родителей и появился на свет недоношенным. Врачи не были уверены, что он выживет, но благодаря заботам мамы и бабушки он вскоре окреп и догнал в развитии сверстников. Единственным, но очень неприятным следствием ненормально краткого семимесячного пребывания в материнской утробе у Гриши стала экзема. Она мучила его всю жизнь с самого младенчества, то затихая на короткое время, то обостряясь. Чаще всего высыпания

появлялись на запястьях, образуя сочащиеся корочки, вызывающие зуд, от которого не было покоя ни днём, ни ночью. Никакие медицинские средства не помогали. В лучшем случае, давалось небольшое облегчение – зуд немного ослабевал. В остальном же он развивался нормально и в школе учился неплохо. Конечно, домашние жалели его, в особенности мама с бабушкой, и, как часто бывает в подобных случаях, избаловали мальчишку. Они старались оградить его от всяких неприятностей и, хотя, вроде бы, прививали ему правильные качества (следили, что б, не был жадным, эгоистом или ябедой), вырастили человека, не могущего противостоять обстоятельствам, с полным отсутствием качеств борца.

Отец, добродушный и простоватый, особо не вмешивался в воспитание сына. Он считал себя «добытчиком» и действительно таковым являлся, будучи человеком мастеровитым, предприимчивым и практичным. В шестидесятилетнем возрасте он внезапно умер от инфаркта, последовав за бабушкой, скончавшейся годом ранее. Когда юного Гришу в первый раз вызвали в военкомат, выяснилось, что из-за экземы служить в армии он не будет. Это обстоятельство обрадовало маму, но лишь до тех пор, пока по этой же причине сына не приняли в институт по выбранной специальности – машиностроение. Другие дисциплины выпускника не привлекали, и он пошёл работать в совхоз. Отметим к чести Григория, что он не стал сидеть на шее у престарелой матери-пенсионерки. Жили они в маленьком подмосковном городке, где выбор для деятельности был небольшой, а в совхозе платили немного лучше, чем на местном заводе. Для начала его поставили ухаживать за коровами. Поскольку Гриша любил животных, он с огорчением и разочарованием наблюдал отношение к скотине доярок и скотников. Коров не чистили, плохо или вообще не убирали стойла, били и ругали последними словами. Как честный и жалостливый мальчик, он принялся добросовестно ухаживать за стадом. Питомицы сразу почувствовали Гришино отношение и приветствовали его радостным мычанием, старались лизнуть в лицо и оказывали другие благосклонные знаки внимания. Но один в поле не воин. Стадо было большое. Это на капиталистическом Западе считалось нерентабельно содержать вместе более двадцати коров. Ведь большее по количеству стадо в хлеву просто само себя травит. А в совхозе имелось около сотни голов и из-за плохого ухода коровы доились, как козы, имели жалкий вид и постоянно болели. Гриша не выдержал этого зрелища и ушёл в механизаторы, но из-за контакта с ГСМ его экзема сильно обострилась. Тогда он пошёл работать грузчиком

на городскую текстильную фабрику. Теперь он ворочал тяжеленные тюки с хлопком. Довольно скоро новичок втянулся в эту трудную работу и сильно окреп физически. Вообще, он был видным парнем: рослым, крепким, хотя и несколько худощавым, с густой чёрной шевелюрой и большими миндалевидными карими глазами. Портила его какая-то подростковая угловатость, застенчивость и неуверенность в себе. В этот период он встретился со своей будущей женой. Оля работала ткачихой на той же фабрике. Во время обеденного перерыва им довелось обедать за одним столом. Гриша на минуту оторвал взгляд от тарелки с супом и увидел перед собой очень хорошенькую брюнетку с весёлым и смелым выражением лица, внимательно его разглядывающую. Встретив его взгляд, она засмеялась и сказала: «Наконец-то заметил! Мы сидим с тобой на этих местах третий день подряд, а ты ни разу не взглянул. Неужели я тебе не нравлюсь?» Он покраснел и забормотал: «Что вы, ты, что вы! Нравитесь, конечно, нравитесь!» Через три месяца они поженились.

Гришина мама была рада невестке, приняла её, как родную, она ей сразу понравилась. Правда, пугала новая родня. Все оказались пьяницами: брат, сестра невесты и мамаша-тёща Тесть вообще сидел в тюрьме за хулиганство. Но что поделаешь, сын сделал свой выбор. Похоже, Олечка не пошла в свою родню – такая весёлая и милая. Заблуждение! Оля не только усвоила семейные пороки, но в чём-то и превзошла в дурных склонностях свою породу. Для начала она вдрызг напилась на собственной свадьбе. Когда потрясённая свекровь попыталась её укорить, новоиспечённая супруга заявила: «Мамаша! Снимите розовые очки! Я пила и буду пить, что и сколько захочу. Помните, как я в первый раз пришла к вам в гости? Вы тогда заявили своему сыночку: «Гришенька! У нас такая гостья. Принеси сухого вина». И мне шёпотом: «Он у меня не знает вкуса алкоголя». А я знаю. Я тогда давилась вашей кислятиной, потому что сама пью только водку. Слышите? Только её, родимую!»

Молодой муж сам был в шоке, но не знал, как поступить и лишь беспомощно разводил руками. На другой день, проспавшись, молодая жена постаралась загладить вчерашний проступок ласками и наивными уверениями, что была не в себе и ничего не помнит. Но вскоре напилась на дне рождения супруга. Во хмелю она становилась сварливой, злой и несдержанной на язык. Было от чего впасть в отчаяние. Мать стала уговаривать сына, пока не появились дети развестись, а он не решался. Однажды уговоры свекрови дошли до ушей невестки. Она устроила страшный скандал и объявила, что беременна «и пусть

только попробуют её выгнать, она подаст в суд!» Новость оказалась ложной, но Ольга заметила, как поменялось отношение к ней после этого сообщения, и стала использовать грядущее, якобы, материнство для шантажа. Она стала уговаривать мужа выселить свекровь, которая «мешает им жить» и твердила, что с появлением ребёнка у них будет слишком мало места. Гриша робко возражал. Невестка стала в открытую требовать выселения свекрови и, в конце концов, довела её до сердечного приступа. Приехавшая «Скорая помощь» не довезла пожилую женщину живой до больницы.

6

Казалось, внезапная кончина свекрови произвела на Ольгу впечатление. Она немного притихла. Выпивать стала реже и к мужу относиться терпимее. Как раз в это время у Григория опять началась экзема из-за хлопковой пыли, проникавшей через холстину тюков, которые он таскал. Ему снова пришлось уходить с работы. От отца Грише досталась старая, но ещё крепкая «Волга». На ней он стал «таксовать» и хоть что-то зарабатывать. Через год после смерти свекрови Ольга действительно забеременела, но рожать ей не хотелось, и она тайно от мужа сделала аборт. В маленьком городке трудно скрыть подобные вещи. Муж узнал и потребовал объяснений. Разразился скандал, в ходе которого обозлённая жена обозвала мужа маменькиным сынком, лентяем, лежебокой, неспособным нормально заработать и содержать семью. И вправду, время наступило трудное. В 90-е все предприятия в их городишке позакрывались. На такси ездили мало, а таксистов и законных и нелегальных стало много. Поэтому таксованием заработать было трудно. Отношения супругов становились всё более трудными. От тоски и сам Гриша стал попивать, но что ещё хуже – в этом состоянии садился за руль. Конец стал закономерным: он попал в тяжелейшую аварию, в которой погиб его пассажир и два человека в другой машине, в которую Григорий врезался на полном ходу. Следствие установило виновность Галанина. Он признавал свою вину и искренно раскаивался в содеянном. Ему дали четыре года общего режима. В тюрьме под следствием он наслушался ужасов про лагерную жизнь. А ранее обо всех «прелестях» заключения ему поведал шурин, отсидевший срок за воровство. Так что на зону Григорий прибыл запуганным до полусмерти. Ведь страх есть ничто иное, как ожидание беды, пока не состоявшейся. Такого человека нетрудно было сломать, и его сделали доносчиком,

стукачом. В подобных делах лагерная администрация поднаторела давно. Гриша сам себя презирал за слабость и жалел, что согласился на доносительство, особенно, когда узнал, что бывает с обличёнными доносчиками. Однажды на его глазах из уличённого стукача «сделали Гагарина», то есть мужика запихнули в обычную тумбочку, забили дверцу гвоздями и сбросили со второго этажа. Уголовники презирали Гришу как типичного «фрайера», но на его счастье о сотрудничестве с администрацией никто не догадался.

В течение первого года заключения Григорий иногда получал письма от жены и даже дважды продуктовые посылки. Затем Ольга писать перестала и не отвечала на его письма. Больше переписываться ему было не с кем, и Галанин очутился в изоляции. Он с тоской ждал конца своего срока, считая дни и уповая на обещания начальства отпустить его досрочно. Ожидания эти не оправдались. Он отсидел весь срок «от звонка до звонка». Как видно, ценным сотрудником его не считали. Григорий вышел на свободу совершенно опустошённым, запуганным, потерявшим всякое достоинство и самоуважение. До последнего часа заключения ему мерещилось обличение и скорая расправа. По приезде домой он обнаружил в своей квартире чужого мужчину, назвавшегося новым мужем Ольги, а бывшая супруга предъявила ему документы на квартиру, в которых о Григории Галанине не говорилось ни слова. Его выписали и сделали бомжом. Он не стал возражать, не находя в себе силы что-либо доказывать и чего-то добиваться. Просто повернулся и уехал. У него за годы заключения скопилось немного денег за лагерные работы на лесоповале. На эти средства он снял угол в Москве и после долгих поисков нашёл работу сторожем на стройке недалеко от старого парка. Зарплата оказалась небольшой, но зато предоставили временное жилище – неотделанную комнату на первом этаже строящегося дома. Через некоторое время на стройке произошла кража сантехнического оборудования. Милиция завела уголовное дело. И, хотя преступление произошло не по вине Григория, в дневное время (а он сторожил ночью), его тоже усиленно допрашивали. Первым делом следователь напомнил Галанину о его обязательствах перед МВД, о том, что он только что освободился из заключения и помахал перед носом копией его подписки о сотрудничестве. Григорий понял, что увяз по самые уши. В дальнейшем следствие велось таким образом, что виноватым оказывался именно он – сторож. Григорий понял: кражу стараются свалить на него, а в этом случае рецидивисту срок дадут немалый. Ему отчаянно не хотелось на зону, но, как защититься, он не представлял. По

ночам Галанину снился лагерь и зэки, гоняющиеся за ним с заточками с воплями «Гагарина в космос!»

7

Серёжа Махов попал в детский дом в двенадцатилетнем возрасте после смерти матери. До этого он учился, и неплохо, в обычной средней школе в их маленьком городке в Ярославской области. Про отца он ничего не знал, а близких родственников у него не было. Единственно, что было сделано для осиротевшего мальчишки – удачный выбор заведения. Этот детский дом был на хорошем счету и даже считался образцовым. Здесь преподавали подготовленные педагоги, имелись спортивные секции и кружки по интересам. И всё-таки, разумеется, для ребёнка двойной стресс: потеря самого близкого человека и насильственное перемещение в новую, частично враждебную среду. Все его новые товарищи оказались детьми с непростой судьбой и часто с более трудной, чем у Сергея. Тут был мальчик, у которого отец убил мать. У одной девочки вся семья погибла в аварии, кое у кого сестёр и братьев определили в разные заведения и они не могли увидеться. Первой же ночью у Сергея украли все вещи из тумбочки. Особенно ему было жалко альбома с семейными фотографиями. Жаловаться воспитателям он не стал, но попытался разыскать свои вещи. Вскоре альбом обнаружился у местного «авторитета» Мишки Бульдога. Названный персонаж вместе со своими дружками в укромном месте (на лестничной площадке) рассматривал фотографии, и делился со своей свитой комментариями. Серёжа выхватил из рук недругов своё сокровище и тут произошла свирепая драка, в которой Мишка доказал обоснованность своей клички. Однако ж, и новичок не сдался и каждому противнику поставил по синяку. На расспросы воспитателей, что с его лицом, новобранец отвечал в традиционном духе, что, дескать, поскользнулся в ванной комнате и ударился о кран. Альбом, правда, несколько пострадавший, остался у него, и больше на вещи Сергея никто не покушался. В дальнейшем его оставили в покое, а кое с кем он даже подружился. Сергей был способным парнем, хорошо учился и здорово играл в волейбол за интернатскую команду, что снискало расположение и педагогов, и учеников.

Здесь следует отметить особые жизненные обстоятельства, приведшие Сергея Махова на не совсем обыкновенный путь, отличный от традиционной проторенной тропы выпускника детского казённого дома. Его мать была верующей женщиной и

воспитывала сына в религиозном духе. В детском доме в этом плане никакого воздействия не было, но удачей являлось и отсутствие атеизма. Всё-таки времена наступили иные, и никто из преподавателей не занимался антирелигиозной пропагандой. Поэтому, многое, привитое матерью в душе Серёжи, сохранилось. Со временем её слова и поучения стали понемножку стираться из его памяти, но основные установки укоренились прочно. Он даже помнил некоторые молитвы и иногда произносил их про себя. А также не забывал содержание Евангелия, которое затвердил по материнским пересказам. Должно быть, добрые семена, посеянные в детстве, оберегли его от некоторых грехов и соблазнов, распространённых среди обездоленных подростков. Учился он всегда хорошо: пятёрок больше, чем четвёрок. Об успехах Махова в спорте я уже упоминал. В девятом классе к ним в детдом пришёл новый молодой и очень деятельный преподаватель физкультуры Степан Ильич Фомин. Он научил подростков неведомой дотоле им игре – регби. Детдомовские мальчишки с энтузиазмом включились в новое дело и с азартом гоняли по полю необычный мяч – в виде дыни. Степан Ильич сам бегал с игроками, показывал им различные приёмы и комбинации, учил метко посылать мяч, как ногами, так и руками. Особенно преуспел в новой игре наш герой. В команде он стал лучшим нападающим. Не раз тренер хвалил его и ставил другим в пример. Степан Ильич преподавал помимо физкультуры ещё географию и биологию. Он сумел сделать эти уроки, которые обычно считаются второстепенными, интересными и содержательными. Широко использовал цветные иллюстрации, фильмы, снимки и прочие наглядные пособия. В результате образовались два кружка: юннатов и юных географов. Махов преуспел и в этих предметах и даже помогал учителю готовить стенды и выставки. В результате, после победы детдомовской команды регбистов на региональном первенстве, где решающий гол забил наш герой, в детдом пришёл единственный пригласительный билет в молодёжный лагерь на Чёрном море. Степан Ильич на педсовете добился, чтобы столь вожделенная награда досталась Махову.

Он съездил на море, которое увидел впервые в жизни. Отлично провёл время в лагере и вернулся в детдом загорелый и с выцветшей от солнца шевелюрой. В начале следующего учебного года Степан Ильич вызвал его на доверительную беседу. После расспросов о поездке, выслушав рассказ полного впечатлений путешественника, учитель принял серьёзно-озабоченный вид и сообщил, что решением педсовета его – Степана Ильича назначают завучем. Он долго распространялся о

важности такого назначения, упомянул о трудностях, которые предстоит решать на столь ответственном посту, и выразил надежду, что такой прилежный и теперь многим обязанный ему лично ученик как Сергей должен помочь новоиспечённому завучу. Заинтригованный Сергей спросил, в чём должна заключаться его помощь. И тут ему пришлось пережить одно из самых тяжёлых разочарований в жизни. Молодой педагог недвусмысленно предложил Сергею стать его осведомителем, доносить на одноклассников и вообще на всех детдомовцев. В первый момент он не поверил своим ушам. Серёжа привык доверять учителю, даже в чём-то восхищаться им. Он мог ожидать подобного предложения от кого угодно, кроме Степана Ильича. Однако, Махов без колебаний дал отрицательный ответ. В его плоть и кровь въелись понятия о товариществе и недопустимости стукачества. Кроме того, он знал, что ожидает разоблачённого доносителя. Получив отказ, педагог сразу изменил своё отношение. В жёсткой форме потребовал соблюдения конфиденциальности: «Чтобы никто ни сном, ни духом не узнал об этом разговоре!» Впоследствии по физкультуре, биологии и географии в аттестате Сергея Махова стояли тройки. Было обидно, но не особенно актуально, так как к тому времени Сергей уже имел два первых юношеских разряда по волейболу и регби, а в аттестат его никто и никогда даже не заглядывал.

8

Через год Сергей закончил обучение и покинул стены детдома. Обдумывая своё будущее, он не видел ясной цели и пока не очень понимал, что, собственно, ему хочется. Однако, одно важное испытание чётко обозначилось впереди: армия. До неё оставалось полтора года. Махов устроился на местный завод учеником токаря, главным образом потому, что рабочим полагалась комната в общежитии. В детдоме преподавали ремёсла, так, что какие-то мастеровые навыки он имел. Правда, зарплату дали маленькую, так как завод переживал не лучшие времена. Всё же, на предприятии сохранили кое-какие традиции советского времени, и даже спортивные коллективы. Сергея сразу оценили, как классного волейболиста. Ещё там имелась неплохая библиотека, куда новичок записался с первых дней. В библиотеке был представлен небольшой набор религиозной литературы, правда весьма разнородной и не только православной. Но Сергей на своё счастье, а вернее по рекомендации библиотекаря – прихожанки местного храма, взял читать Евангелие и катехизис

митрополита Филарета. Затем (по её же указке) прочёл ещё ряд полезных книг и даже познакомился с «Добротолюбием», но главное, он стал посещать храм. Свою работу он выполнял добросовестно и вскоре получил специальность токаря-разрядника, но душа к ней не лежала. Хотелось чего-то иного, а чего – он пока не понимал. Товарищи Сергея по общежитию предавались в свободное время поиску удовольствий: ухаживали за девушками, выпивали, иногда дрались, кое-кто курил «травку». Сергея эти занятия не привлекали. Его свободное время отдавалось спорту и чтению. Наконец, он получил повестку из военкомата. В то время уже закончилась вторая чеченская война, а в прессе всё ещё запугивали молодёжь пресловутой «дедовщиной». Считалось доблестью «откосить» от армии. Сергей знал, что ему-то «откосить» не удастся и, помолившись и испросив благословения у батюшки, отправился служить. Он попал во внутренние войска в часть, расквартированную в Подмосковье.

Возможно, человеку, привыкшему жить в сложном коллективе, каковым является сиротской дом, легче приспособиться к армейской жизни. Во всяком случае, у Сергея особых проблем на военной службе не возникало. Он привык к дисциплине, умел сам себя обслужить, в привычках был неприхотлив, а главное умел приспосабливаться к обстоятельствам, не теряя достоинства. Его не пугали ни физические нагрузки, ни пресс «дедов», ни разного рода лишения. Всё это было знакомо по детскому дому, а военная наука не казалась ему сложной. Кое-что даже нравилось, например, владение оружием. Довольно скоро их часть направили на патрулирование в столицу. Махов впервые очутился в большом городе, и он его поразил своим многолюдством, величием и беспредельными габаритами. Похоже, пол огромной страны жило в Москве. Солдат направляли в столицу множество раз. Иногда они жили в московских казармах по несколько дней. Сергей заметил, что на патрулирующих военнослужащих в серой милицейской форме смотрят с уважением и надеждой, особенно женский пол. Тогда впервые ему пришла мысль попробовать себя после армии на милицейской работе.

Вскоре судьба приготовила Махову новое испытание. Его с группой однопризывников отправили в неспокойный Дагестан. Пробыли они там с апреля по сентябрь. За это время часть потеряла пятнадцать человек, это в мирное-то время! Дважды Сергей участвовал в операциях по ликвидации банд боевиков. Для него всё закончилось благополучно. Появился опыт. Молодой солдат понюхал пороху. В трудные и опасные моменты Махов

усердно молился и даже подбадривал некоторых оробевших товарищей. Вскоре по возвращении с Кавказа началась демобилизация. Отслуживший солдат поехал в Москву и устроился в столичную милицию. Его взяли в ППС и дали отдельную комнату в общежитии на окраине столицы. В этом заведении жила пёстрая публика: торговки с ближайшего рынка, рабочие-сезонники из Метростроя, нацмены из бывших советских республик и иностранцы (китайцы и вьетнамцы). Обстановка шумная, крикливая, беспокойная.

В свободное время Сергей посещал московские храмы, поражаясь их архитектурному величию, художественной отделке и великолепному пению. Каждый монастырь, каждый храм имел свою интересную неповторимую историческую судьбу. Масса русских государственных людей и выдающихся деятелей всевозможных направлений были связаны с ними своими корнями: здесь крестились, молились, окормлялись и часто погребались на храмовых погостах. Юный милиционер видел среди молящихся много молодёжи. При некоторых храмах имелись приходские школы не только для детей, но и для взрослых. В одну из таких школ записался и он. Здесь преподавание Закона Божьего было поставлено столь успешно, что через год учащиеся неплохо разбирались в церковной службе, имели понятие о православной догматике и церковной истории. Поощрялось участие в богослужениях в качестве певцов, чтецов, пономарей и алтарников. Разобравшись в уставе, Сергей полюбил богослужения. Он выучился читать по церковнославянски. Ранее особых музыкальных данных не проявлял, но тут начал постигать и азы церковного пения.

Между тем, милицейская служба его всё более разочаровывала. Он многое узнал и увидел. Наряду с немногими честными правоохранителями встречались наглые взяточники и мздоимцы, «крышующие» наркоторговлю и проституцию. Служба оказалась трудной, нервной, утомительной, подчас опасной. Хуже всего было то, что и на отдыхе в общежитии его всё время тревожили. Зная, что Сергей милиционер, к нему всё время прибегали для решения домовых конфликтов. Он устал разнимать соседские драки и улаживать семейные разборки. Вскоре Махов понял, что выбрал не своё дело и, после некоторого колебания по совету духовника (преподавателя в воскресной школе) ушёл послушником в один из столичных монастырей.

Иоанн Златоуст говорит: «Как выбегают из горящего дома желающие спастись, так и из городов, где процветают беззакония, неправда и разврат, любители богомудрия и благочестия бегут в пустыни, ибо погибающих много, а спасающихся мало». Сергею не удалось избежать колебаний в преддверии столь ответственного и решительного шага. Да и вряд ли другой на его месте их избежал. Он знал, что монастырь посреди столицы, как раз и является образом пустыни прошлых веков и в нём не слышен гул житейского моря. Его весьма ободрило следующее высказывание святого Макария Великого: «Монахи из моря злобы и бездны тьмы, из глубин берут и выносят камни, жемчужины, поступающие в венец Христов, в Небесную Церковь, в новый век, в цветоносный град, в ангельский собор». Это было сказано, как будто про Сергея Махова. Вспоминая пенсионерок на вокзале, продающих «зелье» подросткам и молоденьких хохлушек, торгующих собой, которых без конца забирали в милицию, а затем отпускали, он чувствовал своё бессилие сломать этот порочный порядок. Он был слишком маленьким винтиком в системе, которую следовало поменять. Ему в голову стали приходить мысли о том, что борьба со злом может принимать разные формы. Может быть, для него более подходящий путь – спасение личное и через этот подвиг помощь другим людям.

Духовник поддержал его намерения, но предупредил, что на монашеском пути новобранца поджидают свои трудности и ловушки, может быть, даже более коварные, чем в миру. «После семидесятилетнего периода атеизма мы снова пытаемся наладить монашескую жизнь, а преемственность-то нарушена. Очень немногие теперь способны идти верным путём к личному спасению, а тем более, вести других» – говаривал батюшка. «Что же делать, как быть?» – вопрошал Сергей. «Молиться. Просить у Бога наставника и читать Святых Отцов, чтобы учиться у них и по ним сверять свой путь». По мере сил новичок следовал совету духовника. После поступления послушником в монастырь им долго не довелось свидеться, но это было в порядке вещей и предусмотрено священником. Он объяснил, что в стенах обители Сергею придётся поискать другого духовного руководителя. В этом отношении новичку сразу повезло. Его прикрепили к старцу очень доброму. Он, так сказать, звёзд с неба не хватал, но имел большую нелицемерную любовь к ближним, в особенности к братии. Любящее сердце подсказывало ему верные ответы вопрошающим. Постепенно Сергей втягивался в ритм монастырской жизни: подъём на молитву, богослужение, чтение монашеского правила, краткий отдых, снова богослужение, послушание, молитва, краткий сон. Иногда у него случался не

долгий перерыв, во время которого он через заднюю калитку уходил в старый парк и гулял среди вековых лип и дубов.

10

Пока шло следствие, с Григория Галанина взяли подписку о невыезде. Однажды он отправился в ближайший парк, чтобы на просторе обдумать свои безрадостные обстоятельства. Он так в них погрузился, что не смотрел, куда несут его ноги. Очнувшись, заметил, что очутился в дальнем безлюдном уголке парка и увидел скамейку, на которой решил отдохнуть. Почти сразу он заметил старушку липу и её выдающийся сук. Этот сук, эта непомерная деталь пейзажа, как-то нарочито мозолила глаза и будила неясные побуждения. В задумчивости он уставился на дерево и долго не сводил с него глаз. В дальнейшем он не раз приходил на это место и не отрываясь смотрел на липу… Однажды (следствие уже заканчивалось и сулило ему нешуточные проблемы), Григорий пришёл к старой липе в вечерний час. Подходя к скамейке, он заметил, что она занята. Замедлив шаг, Григорий присмотрелся. В глубокой задумчивости, боком к нему сидела женщина лет пятидесяти. Не обращая внимания на постороннего человека, она глядела на липу, и взгляд её выражал столь глубокое отчаяние, что зритель содрогнулся. Он в нерешительности потоптался на месте, не зная, как поступить: тихонько удалиться, или присесть рядом. В конце концов, выбрал последнее. Анна Санникова (это была она) повернула голову в строну прохожего и бросила на него невидящий взгляд. Её несчастный вид настолько пронзил Григория, что он, обычно нелюдимый и застенчивый, решился первым подать голос: «Что, всё так плохо?» Помолчав мгновение, она проронила: «Хуже и быть не может». «А я-то думал, что мне хуже всех» – отозвался Григорий. И тут, его словно прорвало. Он стал рассказывать незнакомой женщине всю свою жизнь, торопясь и сбиваясь, но очень живо сообщая своё отчаяние и безысходность. В конце, глядя в сторону липы, Григорий признался, что уже не в первый раз приходит сюда и долго не решался на ПОСТУПОК. А вот сегодня принёс с собой длинную крепкую верёвку, чтобы покончить счёты с жизнью раз и навсегда… Тут он замолчал и показал собеседнице орудие самоубийства. Она схватила его за плечо и, твёрдо глядя в глаза Григорию, хрипло произнесла: «Я с вами. Верёвки хватит и на мою долю. Поможем друг другу!» Сказано – сделано. Мужчина подхватил тяжёлую скамью и не без труда потащил её под липовый сук. Женщина по мере сил

помогала ему. Перочинным ножом Григорий разрезал верёвку на две равные части и на каждой приготовил петлю. С высокой спинки скамьи он закинул обе верёвки на сук и завязал двойными узлами.

Я опущу некоторые технические подробности этого чудовищного действа. Скажу только, что без посторонней помощи это двойное самоубийство осуществить оказалось непросто. Впрочем, отчаяние сильный стимул и всё было сделано для того чтобы самоубийство состоялось. На фоне заходящего солнца два тела бились в агонии под суком старой липы. Вдруг произошло совершенно невообразимое: из кустов вырвалась длинная человеческая фигура в черном долгополом подряснике и повисла на руках на конце рокового сука, который не выдержал веса трёх тел и с громоподобным треском рухнул вниз. Первым делом послушник Сергий ослабил петли на шеях сначала женщины, затем мужчины. Затем стал приводить их в чувство – дело, которому научился, служа в милиции.

Эпилог

В старину, если повешенному случалось во время казни сорваться с петли, его отпускали живым. В нашем случае, хотя казнь была делом добровольным, она больше не повторялась. Молодой послушник и в дальнейшем не оставил спасённых, сумев внушить им, что отчаяние есть великий грех, а милость Господня не имеет предела. В настоящее время все герои моей истории живы. Жизнь их наладилась. Анна и Григорий трудятся (она поварихой, он – пономарём) в монастыре, куда пришёл когда-то послушник Сергий, ныне иеромонах Ферапонт.

Ноябрь 2014

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

1

Какова побудительная причина добрых дел? Очевидно, что далеко не всегда любовь к Богу и людям, как это частенько декларируется. Недавно в предисловии к довольно объёмистому тому проповедей автор (священник) ничтоже сумняся выставил названную причину мотивом для издания своей книги! Так прямо и заявил, вероятно, искренно считая, что совершенно осчастливил читателей своим заурядным набором банальностей! К сожалению, добрые поступки частенько совершаются из тщеславия, материальной корысти (ты – мне, я – тебе) и прочих неприглядных соображений. Однако, совершивший доброе дело из бескорыстных, истинно хороших побуждений, получает награду. В данном случае ещё не ту, которую обещает Господь: «Мзда ваша многа на небесех» (Лк. 6, 22), и не ту, о которой также говорится в Евангелии, что даётся тщеславным: «…они уже получили награду свою» (Мф. 6, 2). Я имею в виду само сознание исполненного добра, которое неизменно вызывает радость и душевное удовлетворение. Канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, писавший о природе и животных, в своих творениях не затрагивал прямо религиозно-нравственных проблем. Однако в его произведениях рассыпаны порой настоящие перлы философской мудрости, недаром в книжном магазине Троице-Сергиевой лавры продаются его книги! Так, в одной своей повести Сетон-Томпсон пишет, что человек, причинивший вам зло, никогда не простит вам этого. Напротив, сделавший вам добро, всегда будет благодарен за это вам же.

Есть люди, которые совершив доброе дело однажды, получили в награду совершенно особые дары, такую радость и удовлетворение, что захотели испытать их снова и снова. И чем больше они благотворили, тем более умилялись и радовались. Они поняли, что доброделание в сущности и есть настоящее счастье: когда ты не берёшь, а сам даёшь опять и опять. Таким даром могут быть блага как материальные, так и невещественные: сочувствие, добросердечие, духовная расположенность, снисхождение, прощение за грехи и прочее. Это замечательно описано в «Братьях Карамазовых» у Ф. М. Достоевского в рассказе старца Зосимы об отказе от дуэли: будучи в молодости офицером, он отказался от вызова на дуэль своего товарища – то есть от поступка, которого требовала обстановка и стиль поведения

офицерского собрания, от чего испытал громадное внутреннее удовлетворение – избежал убийства.

Подобным человеком, рано узнавшим рецепт счастья, был отец Павел Железнов. Всем известно, что в формировании человеческой личности решающую роль играет воспитание. То, что вложено в нас нашими воспитателями на протяжение первых двадцати лет жизни, впоследствии ни изменить, ни выбить почти невозможно. В этом отношении отцу Павлу повезло: его воспитывали две глубоко верующие женщины, настоящие христианки – мать и тётка, из которых первая была вдовой, а вторая незамужней, излившей свою нерастраченную сердечную теплоту на единственного племянника. Несомненно, воспитание будущего пастыря несколько страдало от отсутствия мужской руки. Он сам сознавал это и всегда говаривал, что ребёнку, особенно мальчику, требуется совет и пример отца. Бывало, если при батюшке заходила речь о расторжении брака, он всегда строго спрашивал: «А о детях вы подумали?» Как ни странно, для многих разводящихся этот вопрос имел второстепенное значение: «Муж всё время пьёт, денег домой не приносит. Какой он отец?» или: «Он (она) изменяет мне. Я больше не могу с ним (с ней) жить». Священнику постоянно приходится разрешать подобные коллизии, соблюдая возможный такт и осмотрительность и отец Павел, как мог, всегда охранял семью, в первую очередь ради детей, но стандартных решений для него не существовало и, если в некоторых случаях он советовал супруге ПОТЕРПЕТЬ, то в иных, утешая заплаканных женщин, говаривал: «Он у тебя просто зверь! Разводись». Причём батюшка говорил, что если в прежние годы вина за распавшуюся семью ложилась в первую очередь на плечи нерадивых мужей, то в последнее время всё чаще виновными становятся женщины, теряющие стыдливость и осторожность. «Ох уж эти мне эмансипэ!» – вздыхал отец Павел. Если семью, благодаря уговорам священника, удавалось сохранить, что случалось далеко не всегда, скорее даже редко, поскольку в наши дни не так уж много людей, для которых слово священника закон, то отец Павел радовался от души и служил благодарственные молебны Божией Матери и святым мученикам Гурию, Самону и Авиву – покровителям семьи.

Подобные события и заботы были повседневным рядовым обыкновением в жизни приходского священника, однако же, отец Павел по временам совершал не совсем обычные дела и поступки. Всякому, кто хоть немного знаком с приходской жизнью, известно, что материальная обеспеченность современного русского деревенского священника оставляет желать лучшего. Обычно средств на пропитание и прочие насущные нужды хватает

(в случае, если семья небольшая или дети уже выросли, как у отца Павла), но любое действие сверх повседневной программы, как то: ремонт, строительство, реставрация, проведение воды, газификация и т. п. требует больших расходов, ради которых приходится много унижаться и просить. Отец Павел не был исключением. Правда, запросы его и матушки были скромны, а дети обзавелись собственными семьями и жили отдельно от родителей, но всё равно, разве кто-нибудь в наше время скажет, что рубли ему не нужны или есть лишние? А отец Павел вёл себя так, как будто за его спиной стоял щедрый богач, черпающий деньги из безразмерного мешка или у батюшки завёлся сказочный неразменный рубль! Он часто не брал плату за требы, да ещё частенько оставлял у окормляемых чад свои деньги, если бывал в бедных домах. Иной раз, какая-нибудь старушка, вызвавшая священника на дом, после его визита обнаруживала у себя купюру в 500 или 1000 рублей где-нибудь на кухне или на столе под лампой, и гадала, откуда взялась эта вожделенная бумажка, не всегда в состоянии уяснить связь между ней и посещением батюшки. В результате таких поступков вполне резонно предположить, что приходской священник пользовался всеобщим почитанием и любовью. Да ничего подобного! Отца Павла часто злословили даже облагодетельствованные им прихожане, не все конечно… Помнится, однажды он затеял ремонт крыши храма. Железо на ней совершенно прогнило, и появились течи. Старую кровлю сбросили на землю и заменили на новую – оцинкованную. В те дни, естественно, весь церковный двор был завален мусором, воздух сотрясался от удара молотков по металлу. Настоятель принимал деятельное участие в работе: лазил на колокольню (а это 40 метров в высоту по крутым ступеням), оттаскивал старое железо в кучу и громко переговаривался с рабочими, зависшими на куполах с помощью верёвок. В этот момент к церковной ограде подкатил роскошный «Джип», из которого вылез пожилой толстый дядька и без лишних предисловий набросился на священника: «Что у вас творится! Развели бардак! Я буду жаловаться в патриархию!» Отец Павел, оскорблённый в самых лучших чувствах и намерениях, в первый момент остолбенел, не понимая, в чём его обвиняют. Затем опомнился, рассердился и в сердцах сказал, что незваный гость может писать даже в Рим, самому папе, если ему хочется, а его – настоятеля, после этого, несомненно, расстреляют. Разумеется, в результате подобной отповеди одним врагом у отца Павла стало больше. Но даже если он ничего обидного и резкого не произносил, клевета и сплетни следовали за спиной настоятеля. Как-то одна прихожанка из ВЕРНЫХ чад батюшки услышала, как перетирают косточки

настоятелю какие-то местные кумушки. Она горячо заступилась за духовника, а потом со слезами рассказала ему этот случай, на что батюшка спокойно возразил: «У одного святого отца, забыл, у кого именно (вот ведь память с возрастом стала, какая никудышная!) говорится, что доброе дело засчитывается не тогда, когда тебя все хвалят, а когда поносят и поносит именно тот, кого ты облагодетельствовал. Кроме того, с чего вы взяли, что именно этим вашим, так сказать, оппонентам, я сделал какое-то добро? Может совсем наоборот? Я бываю злой и вспыльчивый, иной раз наговорю лишнего…» «Да я вас никогда не видела таким!» «Нет, нет, я именно такой! И любить меня особенно не за что! И вообще, я не женщина, чтобы всем нравиться!»

Отец Павел очень не любил юродства, как он выражался, «дурного тона», то есть не искреннего. «Когда я пришёл на свой первый приход» – рассказывал батюшка, – «у нас служил один священник – аскет, очень популярный у прихожан. И вот завелась у нас некая кликуша, которая при виде отца М. демонстративно падала в обморок, особенно, если упомянутый священник выходил с напрестольным крестом: увидит его и бряк… лежит. Имидж, что ли, ему создавала? Дескать, М. такой святой, что я созерцать его не могу! Потом и при других священниках стала брякаться. А я подошёл поближе и понаблюдал, как она падает: склоняется низко-низко, ниже и ниже, а когда до пола остаётся 50 сантиметров, комфортабельно распластывается… И я ей говорю: «У меня ты падать не будешь!» «Как скажете, батюшка» – отвечает. И не падала. А вы говорите «юродивая!»

2

Должно быть, тот океан человеческой скорби, о котором говорил святой праведный Иоанн Кронштадский в увещании отцу Алексию Мечёву, никогда не разливался в России в послевоенные годы так широко, как в 1990-е, по крайней мере, с момента смерти Сталина и прекращения репрессий в 1953 году. Новая либерально-демократическая власть ввергла стану в пучину скорбей. В августе 1991 года отец Павел с тяжким предчувствием смотрел на действующих лиц первого путча. Когда его спрашивали, почему он не радуется концу эры социализма и краху безбожной идеологии, он отвечал: «Разве вы не видите, что у каждого из них на лбу написано: «Мошенник!» И ещё: «На черпаке, которым выгребали русские богатства, раньше писали «Коммунизм», а теперь: «Демократия».

Когда выбирали первого президента «свободной» России, к

отцу Павлу подходили некоторые прихожане с вопросом за кого голосовать и выбирать ли Ельцина. Батюшка сначала уклонялся от прямого ответа: «Святейший патриарх не благословил духовенство участвовать в политической жизни». А если прихожане настаивали, тихонько добавлял: «В качестве частного лица я, как гражданин своей страны, за Ельцина голосовать не стану». Впрочем, такое заявление батюшки мало кого тогда останавливало и большинство всё равно голосовало за своего кумира. А настоятель храма, в котором служил тогда отец Павел, даже на Проскомидии делал несанкционированное добавление, в полголоса провозглашая: «… и президента нашего Бориса» (тогда была такая эйфория!), на что отец Павел однажды возразил: «Вы об этом пожалеете!» Остаётся не выясненным, сбылось ли это предсказание в отношении настоятеля, но многие из прихожан позднее подходили к отцу Павлу и сокрушались, что в своё время его не послушались, вопрошая: «За кого же тогда голосовать?» Батюшка обыкновенно отмалчивался, но если к нему слишком приставали, отвечал: «Я в принципе против выборов как таковых – способ маневрирования толпой!» И больше ничего из него вытянуть было нельзя.

А потом начался плач и стон. Множество людей лишилось средств к существованию, потоки беженцев из бывших республик СССР наводнили Россию, невиданным цветом распустились преступность и наркомания. Даже на деревенских приходах хоронили множество убиенных – жертв криминальных нападений и разборок, а две чеченские войны неимоверно увеличили эту кровавую жатву. Отец Павел с ужасом слушал рассказы русских и не только русских беженцев о насилии, предательстве, несправедливости и садистской жестокости в бывших республиках СССР. Бывая на кладбищах, частенько созерцал свежие могилы, скрывшие останки совсем молодых людей, погибших в бесчисленных кровавых столкновениях. Он сознавал, что страдают все жители прежней страны, кроме тех немногих, конечно, кто присвоил себе право распоряжаться общественным достоянием или, вульгарно выражаясь, «присосались к трубе», однако русские страдают в особенности, и среди «присосавшихся» вообще нет ни одного русского человека. Кровь закипала в жилах, хотелось сделать что-то особенное, как то помочь соотечественникам… Но, возможности его были ограничены. Правда, церковь получила свободу. Новая власть вела себя в отношении церкви лояльно и это, в какой-то степени, связывало руки, ибо у всех в памяти твёрдо запечатлелось (я имею ввиду уже послесталинскую эпоху в СССР, когда кровавые гонения прекратились) прежнее отчуждение и скрытая вражда между

церковью и государством, когда за каждое слово и несанкционированное деяние приходилось отвечать перед всесильной, дотошной и безжалостной властью. Однако, тогда священник в качестве гонимого, почти страдальца, вызывал сочувствие и жалость народа, всегда у нас в России встающего на сторону притесняемого, а не гонителя. Ныне же такое духовное преимущество утратилось. Когда отец Павел поделился своими мыслями с некоторыми из собратьев, те даже руками замахали: «Ты что? Совсем с ума сошёл! Хочешь вернуться к прежнему? Да сейчас прямо расцвет православия! Неужели не сознаёшь?» «Да какой же расцвет, если сами носители православия пребывают в пренебрежении и участь их жалка?» «Так храмы открываются, церковные книги печатаются! Чего тебе ещё!» «А «дорогие россияне» вымирают» – твердил отец Павел. Вобщем, его не понимали и мало сочувствовали, а между тем, кое у кого даже складывалось впечатление, что церковь заодно с властью и, таким образом, разделяет ответственность за происходящее в стране вместе с этой властью – совершенная нелепость, которая могла родиться лишь в головах у тех, кто не знаком ни с учением церкви, ни с её историей. Наш же батюшка уклонялся от похвал демократам. Впрочем, по незаметности его иерархического положения и занимаемой должности (кто такой настоятель маленького деревенского храма!) ему не приходилось петь дифирамбы либералам. Он, однако, не считал себя и совершенно бессильным против разливавшегося зла и скрытого геноцида русского населения. Отец Павел произносил смелые проповеди, направленные против тех деяний власти, которые считал вредными: «Не по-евангельски это, братья и сестры…», а также молился за народ и помогал материально нуждающимся, насколько это было в его силах – то есть, образно говоря, зажигал свою личную маленькую свечку, чтобы хоть как-то разогнать общую тьму.

3

Особую тревогу у священника вызывала наркомания. Это страшное явление было мало известно у нас в советскую эпоху, хотя поголовное пьянство служило прелюдией к нему, так что наркомания в постсоветский период не случайность, а закономерность. Батюшка всегда с негодованием отвергал расхожее обвинение в адрес царской власти, якобы спаивавшей народ. «Вот при царе то» – говаривал он, – «с пьянсвом усиленно боролись: и общества трезвости имелись, и сухой закон объявлен

в 1914 году, а большевики его отменили, а когда мужика оторвали от земли, он и запил по-настоящему, предки его никогда так не поступали!» Нельзя сказать, чтобы коммунисты совершенно игнорировали народное пьянство. Борьба с этим явлением велась, но, как известно, принимала нелепые и недальновидные формы, когда при Горбачёве уничтожались элитные столетние виноградники, а люди травились суррогатами и разного рода спиртосодержащей химией, вплоть до жидкости для очистки стёкол. При либералах всякая борьба с народным питием заглохла и народ спивался ударными темпами, в несколько раз быстрее, чем 20–30 лет назад.

Казалось, к наркоманам невозможно найти подхода. Обычные средства не действуют: исповедь, раскаяние, запрет… Наркоман охотно клянётся отказаться от зелья раз и навсегда и тут же за углом через 10 минут принимает новую дозу. Он бы и рад отказаться, да НЕ МОЖЕТ, ибо является полным рабом своей страсти, орудием бесовским. Однако, отец Павел сделал вывод, что из среды активных верующих, то есть регулярно посещающих храм и причащающихся Святых Таин хотя бы 5–6 раз в году наркоманов нет. Все страдальцы, попавшиеся на его пути, были маловерными или вообще не рилигиозными. Их обычно приводили к батюшке отчаявшиеся родственники. Внушать что-либо подобному контингенту бесполезно. Близкие наркомана взывают о помощи, а помочь ему священник не в состоянии оттого, что КОРНЯ ХРИСТИАНСКОГО в них нет, поздно обратились. Отец Павел вообще считал, что победить наркоманию можно лишь с помощью государства, если это государство в лице «выбранной», как декларируется, народом, власти ЗАХОЧЕТ победить зло с помощью самых жёстких мер, как это уже делается в Китае и странах Ближнего Востока. Все другие варианты обречены на провал.

Однажды перед очередными региональными выборами отца Павла на приходе навестил некий господин, отрекомендовавшийся одним из 4-х кандидатов в мэры нашего областного центра. Непонятно, почему он появился в такой глухомани, логичней с его стороны следовало посетить один из значительных городских приходов, но вероятно, он что-то слышал о батюшке и пожелал встретиться лично. Мы сидели и пили чай по окончании воскресного богослужения, когда кандидат появился в приходской столовой. На вид ему было около сорока лет и, хотя прибыл он на «джипе», костюм кандидата был скромен, без вызова, а лицо производило приятное впечатление честным выражением и открытостью. Вероятно, батюшка тоже отметил про себя внушающую доверие внешность гостя, потому

что радушно пригласил его за стол и после обычного вступления о недопустимости для духовенства участия в политической борьбе, как бы отдав дань приличиям, неожиданно добавил: «… но в качестве частного лица и русского гражданина-патриота я вам скажу следующее. В России навести порядок и легко и трудно. Легко оттого, что любому думающему патриоту совершенно очевидны необходимые меры для спасения России и её народа. Трудно потому, что я не вижу механизма для проведения во власть не насильственным путём нужного человека, способного осуществить необходимые реформы». Тут мы все замерли и навострили уши: неужели речь пошла о новой революции? Но отец Павел далее не затронул этот вопрос и, несколько повысив голос, продолжил: «Реформы же эти просты и для их проведения от правителя требуется только одно качество: воля, добрая воля и желание помочь своему народу. Прежде всего, власти следует осознать, что государствообразующий, когда-то великий, а ныне вымирающий русский народ нуждается в спасении. Слишком много кровопусканий и разнообразных катастрофических несчастий пережил он с 1917 года по настоящее время. Нам нужен закон о русском народе, который, раз он составляет 80 процентов населения России, должен иметь особые права и привилегии. Все силы и ресурсы государства должны быть направлены на его духовное и физическое выздоровление. Запретить все высказывания в СМИ, унижающие достоинство русского человека, его верования, историю России, а то, если человеку всё время твердить, что он свинья, в скота и превратится! Далее: ввести строгую цензуру, запрещающую пропаганду наркомании, содомии, разврата, пьянства, сквернословия и прочих пороков. Всякого рода блюстители «прав человека» и разного рода «свобод» конечно, завизжат, но на их вопли не следует обращать внимания, а самое лучшее – вообще их заткнуть, ибо на воре и шапка горит и все эти поборники якобы свобод, замаскировавшиеся подонки и враги русской нации. Затем: православной церкви следует придать особый статус, коль на последней переписи 80 процентов русских людей считают себя православными. Все важные государственные должности занимают только этнические русские православного исповедания. В республиках и автономиях то же. Пусть их заместители будут из местных, но верховными – только русские! В школах вводить Закон Божий ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ для всех (вон историю КПСС всех заставляли учить, независимо от убеждений!). В экономической сфере: за каждого новорожденного русского ребёнка не жалкие крохи, а хорошую сумму, ну на сегодняшний день, скажем, 100000 рублей и ежемесячные выплаты не менее

20000 рублей, а одинокой матери не менее 30000 рублей. За второго и третьего ребёнка – в геометрической прогрессии – в два, в три раза больше. Достойную зарплату и жильё военным, врачам и правоохранителям! Средства откуда брать? Это и пресловутый стабфонд и справедливое распределение от продажи ресурсов. Не «Челси» разные покупать, а пенсионерам пенсии повысить! Некоторые горячие головы предлагают ради этого казнить олигархов и всё у них отобрать. Можно так не делать, если он добровольно возвратит награбленное. Оставить какой-то ему минимум и пусть катит за границу и пишет мемуары «Как я доил Россию». В сфере законодательства возродить смертную казнь за особо тяжкие преступления: убийства, распространение наркотиков, причём за продажу их детям ввести расстрел на месте, педофилию, групповые изнасилования. За рецидив и прочие тяжкие преступления значительно увеличить сроки заключения. Наряду с этим строить нормальные тюрьмы с просторными камерами и хотя бы минимальным бытовыми условиями, чтобы заключённые в них не озверели окончательно! Особое внимание армии! Она должна быть оснащена достойным кадрами, техникой, для чего снова стимулировать военную промышленность. Дедовщину искоренить (а это возможно, примеры есть) и срок службы снова довести до 2-х лет. При этом служить должны ВСЕ здоровые мужчины. Всеми силами стимулировать науку, иначе отстанем от Запада навсегда. Поощрять высокое искусство, не то безобразие, которое нам выдают за него, а лучшие образцы из прошлого и основанное на лучших традициях новое! Пусть по СМИ передают классику и русскую народную музыку. Низкопробную попсу и разного рода сатанинские звуки, вроде хад-рока убрать! Повсюду ввести пропаганду евангельских истин. Священное Писание и творения Святых Отцов читать, изучать, пропагандировать, но не так как коммунисты марксизм, а с мудростью и любовью. Впрочем, за всеми перечисленными мною мерами должна стоять ЛЮБОВЬ, любовь к стране и её народу. Вот если провести эти реформы, скажу вам словами П. А. Столыпина: «Вы не узнаете Россию». Когда в России русским людям станет жить хорошо, все остальные народы бывшей империи захотят жить в одном государстве вместе с русскими. Они позабудут все прошлые обиды и СМЕТУТ своих князьков – сепаратистов, а если сами не сметут, мы им поможем. Это в первую очередь касается Украины! Пока всех пришлых инородцев надо беспощадно УДАЛИТЬ из России, освободить рынки от кавказцев, вьетнамцев, китайцев и индусов. При этом для русских, желающих заняться торговлей – льготы. В международной политике не слушать вопли так

называемого «мирового сообщества», а поступать по своему усмотрению – в интересах страны. Вот программа, за которую я согласен проголосовать, но эту программу вы никогда не выдвинете, потому что не осмелитесь её озвучить и назовёте её утопией. Однако, если эти реформы не будут проведены в ближайшее время, России настанет конец. Вот всё, что я собственно хотел сказать. На выборы не пойду, ибо сама система выборов порочна. Она даёт свободу для всяческих манипуляций. Что взамен? Я не знаю, знаю только, что нынешняя система не годится».

Батюшка замолчал. Молчал и кандидат в мэры. Потом он встал и, молча поклонившись, удалился.

Февраль 2009

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.	Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.
«Strelbytskyy Multimedia Publishing»	**«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**
Saksaganskogo str., 58, office 8 Kiev, Ukraine, 01033	ул. Саксаганского, 58, оф.8 Киев, Украина, 01033
tel. +38044 331-06-20 e-mail: dmytro.strelb@gmail.com	тел. +38044 331-06-20 e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»